

Антон Грановский Тень

Аннотация

Когда Андрею Вершинину становилось грустно, он пересматривал блокбастер «Люди в черном». Но Андрей и не предполагал, что совсем скоро в Москве начнутся события, на фоне которых померкнут любые киносценарии.

Случайная встреча Андрея с таинственной красавицей втянула его в головокружительную и опасную игру. Сможет ли главный герой выйти из тени и узнать, на что он способен на самом деле?

Антон Грановский Тень

Клятва регистратора

Моей матери

Вы не знаете их в лицо. Скорее всего, вы никогда с ними не

пересечется. Они всегда остаются в Тени.

А. Перес-Реверте

- Значит человек на берегу был Богом?*
- Человек на берегу – другой маг.*
- Я должен знать истину, которая лежит за магией!*
- За магией нет никакой истины.*

Дж. Фаулз

Вступая в ряды регистраторов, принимая священную роль хранителя Маятника, торжественно клянусь:

– добросовестно исполнять обязанности регистратора, действуя во благо Земли и не нарушая законных прав выходцев из иных миров;

– справедливо карать нарушителей регистрационного режима, врагов «Линии», Ордена и человечества;

– строго соблюдать режим секретности, предотвращать любую возможность утечки информации о деятельности «Линии» и Ордена;

– свято хранить тайну Маятника;

– в интересах общественного порядка и спокойствия поддерживать сложившиеся материалистические представления, исключая существование иномирян, магии и сверхъестественных сил;

– во всех сопредельных и отдаленных мирах достойно нести высокое звание регистратора и хранителя, быть образцом благородства, мужества и чести.

И если я нарушу данную мной клятву, да постигнет меня в любом из миров суровая и беспощадная дезинтеграция.

Глава первая

Три странных происшествия

1

Владелица ресторана «Купава» Алла Львовна Крутова сидела в мягком вертящемся кресле, закинув ногу на ногу. Она курила длинную тонкую сигарету и с интересом разглядывала молоденькую девушку, расположившуюся напротив.

Ту это, похоже, нисколько не смущало. Она хлопала длинными ресницами и улыбалась Крутовой так, словно пришла сюда не за работой, а за премией.

«Ну я тебе покажу», – подумала Алла Львовна с едва заметной усмешкой.

– Можно я закурю? – спросила девушка красивым, глубоким голосом.

Крутова нахмурилась. Таким голосом полагалось разговаривать самой Алле Львовне, а не этой двадцатилетней пигалице в дешевом прикиде.

– Много курите? – спросила владелица ресторана, пододвигая к девушке пепельницу в виде белой морской раковины. Пепельницу она подвинула кончиками пальцев, так, чтобы у девушки была возможность хорошенько разглядеть ее длинные, красивые ногти, над которыми полтора часа работала лучшая в городе маникюрша.

– Да нет, не очень, – улыбнулась девушка, доставая из сумочки сигареты и не обращая никакого внимания на крутовский маникюр. – Пачки хватает дня на три. – Внезапно она подняла глаза на Крутову. Во взгляде ее промелькнула тревога. – А что, здесь нельзя? Тогда я не буду. – И поспешно добавила: – Бросить курить для меня не проблема.

«Ага, задергалась. Ну вот так-то лучше», – подумала Крутова, а вслух сказала:

– Почему же, курите. Только не стряхивайте пепел на пол.

Девушка улыбнулась и аккуратно вставила сигарету в пухлые алые губки.

«А ноготочки-то накладные, – с удовольствием отметила про себя Алла Львовна,

разглядывая длинные пальцы рыжей красотки. – Да и фигурка не очень. Талия, конечно, хороша... Грудь, ноги... Но в целом, пожалуй, чересчур крупновата».

Алла Львовна позволила себе снисходительную улыбку. Крутова считала себя властной и сильной женщиной, видящей людей насквозь. Под ее пронизательным взглядом даже рослые хамоватые грузчики сжимались. Но на эту девчонку взгляд Крутовой абсолютно не действовал. И это было более чем странно.

К своим сорока трем Крутова была обладательницей внушительного банковского счета, а также осиной талии (плод изматывающих тренировок), стройных ног и чувственного, хрипловатого голоса, сводящего – в этом она не раз убеждалась – мужчин с ума.

Следы увядания уже коснулись лица Аллы Львовны, но она вела с ними непримиримую борьбу и пока что выходила из этих схваток победительницей.

Крутова стряхнула с сигареты пепел, и перстенок на ее безымянном пальце ярко блеснул. Алла Львовна невольно залюбовалась им и на пару секунд отвлеклась от предмета беседы.

Интересный был перстенок, необычный. И достался Алле Львовне необычным и интересным образом. Два дня назад Крутова случайно наткнулась на улице на лоток с бижутерией. Вообще-то, бижутерией она не интересовалась. Но тут, сама не зная почему, замедлила шаг. Ее внимание привлек перстень с красноватым камушком, лежавший в стороне от других товаров. Отчего-то он сразу понравился Крутовой. Она взяла перстенок с прилавка и небрежно поинтересовалась у простоватого вида девочки-продавщицы:

– Сколько?

Та захлопала глазами. Заглянула в свою тетрадь, пошелестела страницами. Подняла взгляд на Аллу Львовну и растерянно проговорила:

– Не могу найти его в перечне.

Алла Львовна продолжала разглядывать перстень. Красноватый камушек мягко мерцал и словно говорил: «Купи меня. Купи». Неожиданно для себя самой Крутова сжала перстень в кулаке, посмотрела на продавщицу и сказала:

– Я дам вам за него четыреста пятьдесят рублей. Дороже у вас тут ничего не стоит.

Пока продавщица раздумывала, Алла Львовна достала из кошелька несколько сотенных бумажек и бросила их на прилавок.

– Сдачи не надо!

И поспешно зашагала прочь, опасаясь, как бы продавщица не передумала и не потребовала перстень обратно.

С того момента прошло уже два дня, и за эти два дня Алла Львовна ни разу не пожалела о своем странном поступке. Перстень словно приворожил ее, и Крутова не расставалась с ним ни на миг.

– Алла Львовна, – тихонько окликнула девушка. Крутова качнула головой и уставилась на молодую претендентку.

– Опыт у меня небольшой, – проворковала та. – Но я готова учиться.

Алла Львовна решила прибегнуть к другой тактике. Она сменила снисходительную улыбку на кривую усмешечку и принялась нагло разглядывать девушку. Пусть знает свое место. Брезгливо приподняв нарисованную бровь, Крутова резко произнесла:

– Надеюсь, что так. От желающих получить это место нет отбоя. Нам нужен умный, ответственный человек. Вы понимаете, о чем я?

Девушка кивнула.

– От вас будет зависеть не только своевременная поставка продукции, – продолжила Алла Львовна, – но и репутация нашего заведения. Вы отдаете себе в этом отчет?

– Да, да, конечно, – поспешно заверила ее девушка.

– Три основных правила, золотце, – прохрипела Алла Львовна и выпустила в сторону девушки облако сизого дыма. – Три! Если вы готовы их соблюдать – мы сработаемся. Если нет – выход направо, и не будем отнимать друг у друга время. Не знаю, как ваше, а мое стоит недешево.

– Я готова выслушать, – сказала девушка, изящным движением поправила пушистую рыжую прядку и ослепительно улыбнулась. Ее большие синие глаза лучились. Алле Львовне это не нравилось.

При всей миловидности было в этом юном личике что-то неприятное. Что-то... противоестественное. Алла Львовна считала себя женщиной расчетливой и умной. Она давно уже занималась подбором персонала и чувствовала ложь нутром. В чем именно заключалась ложь, Алла Львовна понять пока не могла. И эта неопределенность ее тревожила.

– Мой прежний начальник говорил, что я все ловлю на лету, – проворковала девушка и слегка покраснела. – Я думаю, у меня все получится. Я вас не подведу.

«Могу себе представить, что ты там ловила», – подумала Алла Львовна с брезгливой улыбкой.

Длинные ноги, огромные глазища. Нет, эта особа ей здесь не нужна. Пусть поработает недельку, а потом выметается ко всем чертям. Профсоюз, конечно, не дремлет, но предлог найти не сложно. Можно, к примеру, организовать небольшую кражу. или еще что-нибудь.

– Три правила, – повторила Алла Львовна, выпустив дым через ноздри. – Первое – не опаздывать. Одно опоздание – штраф. Два – увольнение. Устраивает?

– Вполне, – кивнула девушка.

Она протянула руку, положила кончик сигареты на край пепельницы и легонько постучала по нему длинным, изящным пальцем. Алла Львовна собиралась проделать то же самое, но не успела. Столбик пепла сорвался с сигареты и упал владелице ресторана на коленку.

– Второе правило, – продолжила Алла Львовна, повышая голос и стряхивая с коленки пепел, – не воровать. С этим у нас строго. Проверки регулярные, заранее не предупреждаем.

– Справедливое требование, – улыбнулась девушка, беззастенчиво разглядывая испачканную коленку Крутовой.

Алла Львовна нарочито откровенно проследила за ее взглядом и проговорила грубым, хриплым голосом:

– И наконец, третье правило!

Девушка вздрогнула и снова уставилась на Крутову. Алла Львовна ухмыльнулась, сделала из пальцев левой руки колечко и подвигала внутри него дымящейся сигаретой.

– Третье, и главное, правило – никакого интима с клиентами. Две ваши предшественницы погорели именно на этом.

Девушка покраснела до самых корней волос, но тут же взяла себя в руки и кивнула.

– Я понимаю, справиться с искушением не так-то просто. Особенно в вашем возрасте. – Алла Львовна вновь усмехнулась. – Наши клиенты, как правило, люди состоятельные и щедрые. Но тут уж приходится выбирать: либо работа, либо кошачьи радости. Вы согласны, золотце?

– Абсолютно, – кивнула девушка и вновь обворожительно улыбнулась.

«Зубы-то какие белые, – подумала Алла Львовна. – Неужели свои?» А вслух сказала:

– Вот и славно. Испытательный срок – месяц. Оклад на это время – сорок тысяч рублей. Через месяц, если вы у нас задержитесь, накину еще двадцать. Устраивает?

«Сейчас опять будет кивок и улыбочка», – предположила Алла Львовна. Однако вместо этого девушка вдруг поднялась и решительным шагом направилась к двери.

«Ну и слава богу, – с облегчением подумала владелица ресторана. – Не придется увольнять».

Девушка подошла к двери, но вместо того, чтобы открыть ее и убраться вон, повернула ручку замка и нажала на кнопку фиксатора. Глаза Аллы Львовны расширились.

– Что вы делаете? – грозно спросила она и вдавила сигарету в пепельницу. – Вы в своем уме?

Девушка не обратила на возглас Аллы Львовны никакого внимания. Она развернулась и, глядя Крутовой в глаза, зашагала к столу. Глаза девушки глядели не мигая, в глубине их полыхал красный огонек, а ее губы внезапно потемнели и изогнулись в странную улыбку.

– Эй, ты чего? – растерянно проговорила Алла Львовна. – Чего задумала-то?

Девушка, продолжая улыбаться, двинулась вокруг стола. Лицо ее превратилось в неподвижную маску. Улыбка напоминала судорожный оскал.

– Ах ты. – Владелица ресторана задыхнулась от возмущения. – Ты что о себе возомнила?

Она хотела оттолкнуть наглую девушку, но та перехватила ее руки за запястья и крепко их сжала. Лицо девушки задержалось, а из раскрытого рта показались четыре белых клыка.

Аллу Львовну пробрал ужас, но крикнуть она не успела. Девушка резко подалась вперед и впилась зубами Крутовой в шею. Хозяйка ресторана заеложила ногами по скользкому полу кабинета и захрипела.

Через несколько секунд Крутова рухнула на пол, а девушка подняла голову и облизнула черным языком окровавленные губы. Затем достала из кармана мобильник, нажала кнопку и сказала:

– Алло, это Юля. Входите.

Убрав мобильник в карман, девушка нагнулась, взяла левую руку мертвой Аллы Львовны, стянула с ее безымянного пальца перстень и поднесла его к глазам.

– Вот ты какой, – тихо пробормотала она и улыбнулась.

Юля хотела надеть перстень на палец, но едва тот коснулся кончика ее ногтя, как из камушка вырвалась маленькая красная искорка и ударила девушку в сердце. Мертвенная чернота волной прокатилась по ее телу. Одежда и кожа девушки стремительно обуглились, и от черной кожи отлетел сизоватый дымок. Еще секунду она стояла на ногах, а потом рухнула на пол и рассыпалась в пыль.

Фиксатор замка на двери сам собой щелкнул, и в кабинет вошли двое – молодая, черноволосая, умопомрачительно красивая женщина в длинном плаще и круглолицый лысый толстяк в дорогом пиджаке.

Взглянув на останки девушки, черноволосая красавица остановилась и удивленно подняла брови:

– Что с ней?

– Обратилась в прах, – небрежно ответил лысый толстяк, озадаченно рыская глазами по полу. – Так бывает с каждым, кто пытается отнять перстень силой. Эту штуку можно только принять в дар. Или купить. Или найти на дороге. В общем, все что угодно, кроме насилия.

– Почему ты сразу об этом не сказал?

– А что это изменило бы?

– Юля была бы жива.

Толстяк дернул щекой и проговорил с еще большим пренебрежением:

– Одной кровосоской меньше, одной больше. Какая, к дьяволу, разница?

По лицу красавицы пробежала тень, а в глазах ее полыхнул гневный огонек.

– Ты говоришь о стригоях, маг! – проговорила она негромким голосом, от которого у любого бы пробежал по спине мороз. – Имей уважение!

Лысый примирительно улыбнулся, хотя светло-голубые глаза его остались холодными.

– Ладно, стрига, не злись. Главное, что дело сделано. А за нее. – он качнул подбородком в сторону останков Юли, – Менерих тебе щедро заплатит. Черт, да где же этот перстень?!

Красавица быстро нагнулась, подняла с пола перстень и, сжав его в руке, проговорила:

– Кажется, его кто-то потерял? Удачная находка!

Толстяк резко повернулся и уставился на сжатый кулак красавицы. Затем поднял ледяной взгляд на ее лицо и угрожающе проговорил:

– Не шути со мной, стрига. – Он протянул пухлую руку: – Отдай мне Ключ!

Темные глаза красавицы слегка сузились, а губы изогнулись в улыбку.

– Пусть он пока побудет у меня, авгур, – проворковала она.

– Что-о?

– Твой хозяин обещал, что вы заберете меня из этого мира, когда все начнется. Я договаривалась лично с ним и потому перстень отдам ему в руки.

Несколько секунд толстяк молчал, глядя на красавицу таким взглядом, словно решал, развеять ее в прах или превратить в крысу. Потом опустил руку и зловеще проговорил:

– Что ж, будь по-твоему. Но если вздумаешь обмануть – тебе конец. Менерих не прощает предательства.

Отвернувшись от стриги, маг авгур склонился над трупом Аллы Львовны Крутовой. Внезапно женщина открыла налитые кровью глаза и посмотрела на толстяка.

– Уже обратилась, – проворчал тот и недовольно покосился на черноволосую красавицу. – Быстро это у вас, кровососов. Теперь понимаю, почему регистраторы запрещают вам кусать людей. Дай вам волю, и через месяц на Земле не останется ни одного нормального сарга.

Он схватил Крутову одной рукой за подбородок, а другой – за затылок и резко крутанул ее голову вбок. Шея Аллы Львовны хрустнула, налитые кровью глаза закатились, а напряженное тело вновь обмякло.

Толстяк взял Крутову за плечи и перевернул на живот. Затем задрал на ней платье и растегнул застежку лифчика. Проведя пухлой ладонью по голой спине Крутовой, лысый прошептал несколько слов на древнем языке. В ту же секунду на спине проступили багровые символы.

Брови черноволосой красавицы удивленно взлетели вверх.

– Что это?

– Инструкция, – ответил толстяк. – Она всегда прилагается к Ключу.

Красавица усмехнулась:

– Остроумно.

– И главное – удобно. Ключ сам указывает на дверь, которую нужно открыть. Одна беда – инструкция всегда зашифрована.

Красавица приблизилась к трупам женщин и, вытянув шею, попыталась получше разглядеть испещренную кровавыми значками спину. Она успела увидеть несколько странных символов: горящий крест, силуэт рыцаря с воздетым мечом.

Потом толстяк как бы невзначай переменил положение и закрыл собой Крутову. Он вытянул руку, примерился и несколько раз провел острым, как осколок стекла, ногтем указательного пальца по спине мертвой женщины.

Покончив с этим, он облизнул окровавленный ноготь, подцепил им кожу и резким движением сорвал ее.

– Твой хозяин сможет это прочесть? – недоверчиво осведомилась красавица.

– Мой хозяин может много такого, о чем ты даже не догадываешься, – отозвался толстяк, сворачивая свой страшный трофей в рулон и убирая его в карман плаща. – Все, пора уходить.

– Мы идем к Менериху? Толстяк кивнул:

– Да. Но сперва заскочим в ресторан и чего-нибудь перекусим. Я умираю от голода. А ты?

Красавица нахмурилась:

– Ты ведь знаешь, маг, я не ем в ресторанах.

– Ах да. – Толстяк усмехнулся. – Все время забываю, что твой организм не принимает ничего, кроме свежей крови. Ладно, посидишь рядом.

Маг авгур выпрямился и небрежно щелкнул пальцами. Труп Аллы Львовны вспыхнул голубоватым пламенем. Огонь быстро перекинулся на ковер и стал стремительно разгораться, а толстяк и красавица заспешили к выходу.

2

Суточно стало жить на свете. С каждым годом Москва становилась все более неудобной. Если так пойдет и дальше, скоро в столице не останется ни одного места, где можно плотненько относительно свежего воздуха и размять ноги, не рискуя попасть под машину или быть

растоптанным толпой прохожих.

Рыжеволосый официант вспомнил свой маленький городок, из которого уехал «покорять Москву» пять лет назад, и вздохнул. Понадобилось целых пять лет, чтобы понять: Москву невозможно покорить. Это она покоряет каждого, кто попадает в ее паучьи сети. При мысли о «паучьих сетях» рыжий официант представил себе карту московского метро и усмехнулся – карта эта и впрямь здорово походила на паутину.

Кусочки льда мелодично стукнулись о дно широкого стакана. Рыжий официант посмотрел, как бармен заливает лед янтарной струей шотландского виски, снова вздохнул и перевел взгляд на зал ресторана.

Его занимал странный посетитель, сидевший за столиком у окна. Рыжий официант щелкнул пальцами, привлекая внимание бармена, и сказал:

– Глянь-ка на того типа.

Это был долговязый мужчина в старом, застиранном свитере. Черты лица – резкие и суровые, а само лицо – худое, скуластое и, учитывая черный цвет волос, неприятно бледное. В волосах – ярко-белая седая прядь.

Бармен пожал плечами:

– И что в нем странного? То, что одевается с помойки? Так нынче и не такое встретишь.

– Ты посмотри, как он уставился на ту парочку. Будто глазами их сожрать хочет.

Долговязый парень с седой прядью на темени и впрямь неотрывно смотрел на мужчину и женщину, мирно ужинавших за угловым столиком. Мужчина был хорошо упитан и лыс, как колено. Узел галстука распущен, верхняя пуговица рубашки расстегнута, красноватая лысина поблескивает, как полированный шлем.

Спутница лысого толстяка была настоящей красавицей. Брюнетка с бледным, чувственным лицом и темными губами. Одета она была в легкий черный плащик.

Лысый толстяк уминал карпаччо из сырой семги (семьсот двадцать два рубля за порцию), запивая его белым бургундским вином (пятьсот рублей за бокал). Красавица ничего не ела, а в бокале, который она держала в длинных, бледных пальцах, была простая вода.

– Ну и что тут такого? – пожал плечами бармен. – Может, у него анорексия и он ненавидит толстяков.

– Анорексия? – Официант возмущенно вытаращил глаза. – Да я ему уже три порции флорентийской говядины с кровью притащил! И он их все умял! Один!

– Три порции? – удивился бармен, разглядывая долговязого брюнета, который продолжал таращиться на толстяка. – По шестьсот пятьдесят рублей каждая? Да вся его одежда стоит в пять раз меньше.

– И я о том же. – Официант снова перевел взгляд на толстяка и красавицу. – Шикарная женщина, – завистливо протянул он.

– Точно, – согласился бармен. – Богиня! Погоди-ка. – Он наморщил лоб. – А ведь я ее знаю. Ну точно – знаю. Это же Наталья Литовцева!

– Какая Литовцева?

– Та самая – жена Литовцева!

– Владельца заводов и судов?

– Ну!

– С ума сойти.

Между тем толстяк вытер руки салфеткой, достал из кармана бумажник, скользнул взглядом по счету, который уже лежал на столе, и небрежно отсчитал несколько купюр. Потом сунул бумажник в карман, и оба – толстяк и его спутница, – поднялись из-за стола.

Едва они зашагали к выходу, как долговязый брюнет вскочил на ноги.

– Так я и знал! – тихо выругался официант и ринулся ему наперерез.

Преградив беглецу дорогу, он резко проговорил:

– Уважаемый, надо заплатить!

Брюнет быстро достал из кармана пачку купюр и сунул ее в руку официанта. Двинулся было дальше, но вновь был остановлен.

– Уважаемый, это слишком много! – крикнул официант, ухватив долговязого на рукав. – Возьмите сдачу!

И тут толстый господин обернулся. Увидев долговязого брюнета, он слегка побледнел, затем нагнулся к Литовцевой и что-то быстро прошептал ей на ухо. Она кивнула и быстро устремилась к выходу, а толстяк снова обернулся, вскинул ладонь и дунул на нее.

С пухлой ладошки толстяка сорвались три мерцающие молнии и, подобно голубым стрелам, устремились к долговязому. Однако тот проделал немыслимый по своей ловкости и быстроте пас, и молнии, словно отразившись о невидимую стену, изменили курс и рикошетом сбили кадку с пальмой.

Долговязый одним прыжком настиг толстяка, оба сцепились и закружили по залу в невероятном танце. Лопнула лампочка в настенном светильнике, потом еще одна, а затем целая канонада хлопков гулко прокатилась по залу ресторана. Где-то громко взвизгнула женщина, кто-то выругался.

На мгновение противники расцепили объятья, и толстяк предпринял еще одну попытку бежать, но долговязый налетел на него как коршун. Оба шатнулись к окну и, взорвав витрину дождем сверкающих стеклянных брызг, вылетели на улицу.

И вот тут начался полный переполох. Завизжала сигнализация машин, закричали люди.

Толстяк вскочил на ноги первым. Стряхнув с плеч осколки, он быстро что-то прошептал. В то же мгновение от толстяка отслоилась призрачная фигура. После этого сам толстяк ринулся прочь, напрямик к Манежной площади, а его призрачный двойник, растопырив руки и плотоядно рыкнув, преградил дорогу долговязому брюнету, тоже вскочившему на ноги.

Долговязый не растерялся. Он вытянул правую руку, и в свете уличных фонарей сверкнуло узкое длинное лезвие.

Шагнув к двойнику, долговязый несколько раз быстро и ловко махнул ножом. Призрачная грузная фигура распалась на части, а долговязый перепрыгнул через тающие, похожие на сгустки слизи останки двойника и бросился вдогонку за толстяком.

Толстяк шагал удивительно быстро. Какой-то подвыпивший парень, двигавшийся навстречу, попытался сунуть ему в руку рекламную листовку, но толстяк, не останавливаясь, схватил его руками за голову, с хрустом свернул парню шею и отшвырнул в сторону.

Настигнув беглеца возле подземного перехода, долговязый прыгнул ему на плечи и сбил с ног. Затем перевернул на спину и занес над толстой шеей сверкающий клинок.

Однако к месту сражения уже подоспела милиция. Один из милиционеров сбил долговязого с толстяка и наставил на него пистолет.

– Брось нож! – хрипло дыша, крикнул милиционер. – Ну!

Толстяк неожиданно резво для своей внушительной комплекции вскочил на ноги, повернулся и побежал к Красной площади.

– Вы не понимаете! – прорычал долговязый, яростно сверкая глазами. – Он уйдет!

Милиционер снял пистолет с предохранителя.

– Стой спокойно, мужик, и все будет хорошо! – холодно отчеканил он.

Секунду долговязый брюнет стоял неподвижно, а затем выкрикнул что-то на непонятном гортанном языке, повернулся и бросился вдогонку за толстяком.

– Стой! – хором крикнули три милиционера.

Но долговязый не остановился. На бегу он подхватил с земли оброненный нож, и в этот миг милиционеры открыли огонь.

Пистолеты залаяли в их руках, как рассвирепевшие псы. После четвертого выстрела долговязый брюнет споткнулся и упал на асфальт. Из простреленной спины полилась блестящая в свете фонарей кровь. Мужчина попытался встать, но снова упал. Милиционеры опустили стволы и бросились к нему.

Между тем недалеко от Иверских ворот происходило что-то невероятное. Толстяк остановился, широко раскинул руки, словно пытался обнять небо, и громко что-то крикнул на непонятном языке.

Послышался шелест крыльев, и к толстяку стали слетаться воробьи. Их было много – десятки, потом сотни. Птичий вихрь яростно закружился вокруг толстяка. Милиционеры, туристы и прохожие остановились и раскрыв рты уставились на невиданное зрелище.

Сквозь невообразимый шум сотен воробьиных крыльев послышался хрипловатый смех, а затем голос из центра этого воробьиного смерча что-то гортанно крикнул. Слова были незнакомые, но почему-то сержанту милиции показалось, что сказаны они на очень древнем языке.

И вдруг серый смерч распался – воробьи резко рванули в разные стороны, как осколки бомбы. Прошло несколько мгновений, и они уже исчезли, упорхнули, улетели туда, откуда появились. Лишь перья темными хлопьями осели на асфальт.

Милиционеры и многочисленные зеваки обескураженно уставились туда, где еще минуту назад стоял толстяк. По толпе пробежал легкий гул. Один из милиционеров сглотнул слюну и хрипло спросил:

– Где он? Куда он подевался?

– Не знаю, – ответил ему другой и опустил пистолет, надобность в котором явно отпала.

Асфальт был усеян птичьими перьями. Чуть поодаль, возле водостока, валялись две воробьиные тушки, выглядевшие так, словно их пропустили через центрифугу. И больше ничего.

И тут толпа загалдела громче, словно все присутствующие разом проснулись от спячки и сбросили оцепенение. Засверкали вспышки фотоаппаратов.

– Всем отойти! – крикнул милиционер. – Это место преступления! Сержант, помощи!

Но сержант лишь махнул рукой, повернулся и побрел к коллегам, которые стояли возле окровавленного тела долговязого брюнета.

3

Каждый врач, практикующий больше десяти лет, наверняка помнит хотя бы один случай, который с большим основанием можно назвать чудом.

Один из коллег заведующего хирургическим отделением Ивана Ивановича Загорского своими глазами видел, как человек встал с кушетки и пошел в туалет с куском арматуры, торчащим у него из головы. Другой лечил пациента, у которого легкие были сдавлены в лепешку. Пациент не только не задыхался, но и порывался позвонить жене и крыл врачей отборным матом, пока те вставляли ему дренаж.

У самого же Загорского подобных чудес в рабочей биографии не было. Вплоть до вчерашнего дня. И теперь Загорский был взволнован. Сидя в ординаторской за чашкой крепкого кофе и постукивая пальцами по столу, Иван Янович размышлял... Случай экстраординарный и потянет, как минимум, на полновесную статью в «Медицинском вестнике». Это для начала, а потом. Потом, пожалуй, можно замахнуться и на диссертацию.

От приятных размышлений Загорского отвлек резковатый, низкий голос:

– Иван Иванович?

Он поднял взгляд и посмотрел на вошедшего сквозь круглые очки в золотой оправе. Гость был высоким, крепким, рыжеватым мужчиной, одетым в джинсы и серый свитер.

– Капитан Вершинин, убойный отдел, – представился он. Красные «корочки» мелькнули перед глазами доктора и снова исчезли в кармане. – Я звонил вам по поводу вчерашнего пациента.

– А... да-да... – рассеянно проговорил Загорский. – Присаживайтесь, пожалуйста.

Капитан Вершинин сел.

– Кофе? – предложил доктор. Гость мотнул головой:

– Нет, спасибо. Как он?

– На удивление хорошо.

– На удивление? Доктор улыбнулся:

– Простите, как вас по имени-отчеству?

– Егор Александрович.

– Егор Александрович, пациент потерял два литра крови, у него задеты артерии, пробита селезенка, повреждено легкое. Не говоря уже о сломанных костях.

– Так бывает, когда подставляешься под пули, – сказал Вершинин. – Считайте, что он еще легко отделался.

Доктор качнул головой:

– Я не о том. Когда его привезли, я думал – не жилец. Но операции прошли на редкость успешно, и он уже четыре часа дышит самостоятельно.

– Это хорошо?

– Для человека, сердце которого не билось почти две минуты, очень. Если так пойдет и дальше, то через день, максимум два мы его переправим в терапию.

– Хотите сказать, что он выздоравливает как-то уж очень быстро?

– Пожалуй, что так.

Несколько секунд капитан обдумывал слова доктора, затем сказал:

– Могу я с ним поговорить?

– Почему бы и нет? Но не больше пяти минут. Состояние больного стабильное, однако кто знает.

– Пяти минут будет вполне достаточно, – заверил его Вершинин. – Кстати, он ничего о себе не говорил?

Хирург покачал головой:

– Нет. Только назвал свое имя, сразу после того, как вышел из комы. Но я не уверен, что верно расслышал.

– И что это за имя?

– Гармата.

Вершинин наморщил лоб:

– Гармата? Хирург кивнул:

– Да.

– Гм. – Капитан Вершинин озадаченно нахмурился. – Венгерское, что ли?

– Не знаю. Возможно, он просто бредил. В любом случае, у вас есть возможность спросить об этом у него самого.

Капитан уже поднялся на ноги и хотел было повернуться к двери, но вдруг замер как бы в нерешительности или в раздумье. Загорский поправил очки и вопросительно посмотрел на него:

– Что-то еще?

– Доктор, скажите. а у этого парня. у него все органы на своих местах?

– Что? – Загорский нахмурился и вновь поправил очки. – Простите, я не понял.

– Я хотел сказать – все ли у него в порядке с внутренними органами? Ну, знаете. бывает, что у человека сердце с правой стороны. Или там селезенка. не там, где нужно.

Загорский усмехнулся:

– Да нет, у этого парня все на месте. А почему вы спрашиваете?

– Как вам сказать. – Капитан явно смутился. – В последние дни в Москве творится что-то странное.

– Что? О чем вы?

Несколько мгновений капитан молчал, потом, слегка усмехнувшись, проговорил:

– Ни о чем. Забудьте. Значит, у меня есть пять минут?

– Да.

– Я попытаюсь уложиться.

Вершинин повернулся и зашагал к двери.

Поморщившись от пиликания мониторов, капитан поставил возле кровати стул и сел на него. Он внимательно посмотрел на пациента и представился:

– Я капитан Вершинин из убойного отдела. Как вас зовут?

Пациент не ответил. Его отсутствующий взгляд был устремлен в потолок. Капитан глянул туда же и увидел многочисленные отверстия в звукопоглощающем покрытии. «Должно быть, через эти отверстия улетучиваются из реанимации души умерших», – мелькнуло у него в голове.

Пациент между тем не проявлял никаких признаков заинтересованности визитером. Седая прядь была похожа на застрявшее в волосах белое перышко.

Капитан кашлянул в кулак и заговорил снова:

– Вы сказали врачу, что вас зовут Гармата. Это так? Пациент продолжал молчать. Капитан решил зайти с другого бока:

– Вы помните, что произошло вчера вечером? Вы устроили драку в ресторане. Перебили стекла и пытались перерезать человеку горло.

Черноволосый незнакомец повернул к капитану свое неестественно бледное лицо с резкими и жесткими чертами и хрипло осведомился:

– Вы поймали авгура?

– Кого?

– Мага авгура, – повторил пациент.

– Вы имеете в виду толстяка, которого пытались убить?

– Да.

Капитан Вершинин нахмурился и покачал головой:

– Нет. Ему удалось сбежать.

Пациент что-то тихо пробормотал на странном языке и вновь опустил голову на подушку.

Капитан Вершинин помедлил, а потом уточнил:

– Если мне не изменяет память, в Древней Греции авгурами называли магов, предсказывающих судьбу по полету птиц.

Пациент не ответил. Облизнув потрескавшиеся губы, он сухо произнес:

– Они нашли Ключ.

– Кто «они»? – не понял Вершинин. – О ком вы говорите?

Пациент помолчал. Затем сказал голосом по-прежнему хриловатым, но твердым и не терпящим возражений:

– Сегодня я уйду. И вы не должны меня задерживать.

Вершинин приподнял бровь:

– Вот как? «Не должен»?

– У меня много работы. А у вас слишком мало сил, чтобы противостоять им в одиночку.

Капитан усмехнулся:

– Может быть, и мало, но уж, во всяком случае, больше, чем у вас. А теперь просветите меня: с кем вы собираетесь воевать?

Мужчина не ответил. Он отвел взгляд и снова уставился в потолок. Капитан Вершинин подождал немного и, поскольку пациент хранил молчание, заговорил сам:

– Человек, с которым вы дрались, – он ваш знакомый?

Ответа не последовало.

– Драку зафиксировали несколько видеокамер, – сказал капитан. – Отпираться или играть в молчанку бесполезно.

Пациент и на этот раз не произнес ни слова. Капитан Вершинин вздохнул:

– Что ж. Тогда начнем с начала. Назовите мне ваши имя и фамилию.

Но тут глаза пациента закрылись, бледное лицо оцепенело, черты заострились. Монитор сорвался на монотонный писк.

Капитан вскочил со стула и бросился к двери. Выбежав в коридор, Вершинин крикнул:

– Скорей сюда! Ему плохо!

Две медсестры и проходивший мимо врач бросились к палате. Когда они вбежали, кровать, на которой несколько секунд назад лежал пациент, была пуста.

– Где он? – недоуменно спросил врач, уставившись на Вершинина.

Вершинин не ответил. Он облизнул сухим языком пересохшие губы и вытер выступивший на лбу пот.

4

Студент Московского университета Андрей Вершинин оправил пиджак и посмотрел в зеркало. Из зеркала на него глянул худощавый, темноволосый парень со спокойными серыми глазами и узким подбородком, которому, по мнению самого Андрея, не хватало твердости.

Старший брат Андрея, Егор, сидел за столом и, дымя сигаретой, изучал какой-то документ.

– Ты куда-то собрался? – спросил Егор, не отрывая взгляда от документа.

– Пойду прогуляюсь. – ответил Андрей.

– Уж не с Мишкой ли Давыдовым?

– А что?

Егор отложил документ и посмотрел на младшего брата:

– Слушай, а не пора ли тебе взяться за ум?

– За ум?... Может, и пора. Вот только зачем?

– Затем что ты уже взрослый человек и должен стать достойным членом общества, в котором живешь. Благополучие государства создается совместными усилиями живущих в нем граждан.

Андрей насмешливо приподнял бровь:

– Да ты философ. Вот только философия твоя пахнет наивным романтизмом. Поверь мне, брат: от нас с тобой в этом мире ничего не зависит. Что касается меня, то я просто хочу прожить свою жизнь так, чтобы не было мучительно. скучно.

Егор недовольно прищурился:

– И что же ты хочешь от жизни? К чему стремишься?

– Чего я хочу? – Андрей усмехнулся и дернул плечом. – Ну, тут все просто. Чтобы работа была не напряжная. Это раз. И чтобы оставалось время на развлечения. Это два.

– На карты и вино?

– Хотя бы и так. Егор покачал головой:

– Это все влияние Давыдова. Поверь мне, этот раздолбай плохо кончит. И ты тоже, если будешь идти у него на поводу.

– Мы все плохо кончим, Егор. Одни раньше, другие позже. И давай закроем эту тему, пока я не расплакался от жалости к миру.

Егор вздохнул и сказал:

– И все же я не хочу, чтобы ты угодил из-за этого балбеса в неприятности.

– Слушай, кончай уже изображать отца.

– Я и не пытаюсь. Но если бы отец был жив...

– Отец умер, – оборвал Андрей. – Погиб в аварии. Вместе с мамой. И хватит об этом.

Он смахнул с рукава пиджака невидимую соринку и отвернулся от зеркала.

Егор несколько секунд молчал, потом с досадой проговорил:

– Черт, вечно у нас с тобой не получается поговорить. Что с нами происходит, Андрюх? Ведь когда-то мы часто разговаривали.

– Не знаю, Егор. Наверное, я просто повзрослел. Мне пора.

Он шагнул к столу, взял чашку с давно остывшим кофе и сделал глоток. Снова поставил ее на стол, но, убирая руку, зацепил рукавом пиджака, и та опрокинулась. По столу расплылось пятно.

– А... черт! – с досадой проговорил Андрей. – Егор, где у нас тряпка?

– Не парься – я вытру сам.

– С чего это вдруг?

– Ни с чего. Я и без твоего кофе собирался это сделать. На столе бардак, а я жду гостя.

– Гостью? – вскинул брови Андрей. – Кто на этот раз? Я ее знаю?

Егор качнул головой:

– Нет.

Андрей хмыкнул:

– Все понятно. Мой старший брат решил пуститься во все тяжкие.

Егор поморщился:

– Не говори глупостей. Она хорошая, скромная и умная девушка.

– Это ты загнул. Умная девушка никогда не свяжется с ментом.

Егор скривился:

– Очень смешно. А у тебя самого есть девушка?

По лицу Андрея пробежала тень. Он мотнул головой:

– Нет. Не вижу в этом смысла.

– Не видишь смысла в девушках?

– Не вижу смысла в сентиментальных привязанностях. Егор прищурился:

– Как это понимать?

– Просто. Предпочитаю кратковременные и необременительные связи.

Андрей произнес это беспечным тоном, но Егора не так просто было провести. Он взгляделся в лицо брата и поинтересовался:

– И как ее зовут?

– Кого? – не понял Андрей.

– Девушку, которая разбила тебе сердце. Несколько секунд Андрей молчал, а потом хмуро проговорил:

– Не выдумывай. Не родилась еще девушка, которая могла бы разбить мне сердце.

– Ясно. Не хочешь – не говори. Но запомни, брат: отношения с женщиной не всегда приводят к трагедии. Большинство романтических историй заканчивается хеппи-эндом.

– Обязательно это учту. Ладно, Ромео, мне и правда пора.

Андрей повернулся к двери, но тут взгляд его наткнулся на два кофейных пятна. В первом отчетливо угадывался контур объятого пламенем креста. А во втором пятне Андрею почудилась отвратительная клыкастая морда.

– Надо же, – пробормотал Андрей. – Прямо народное творчество.

Он взял со спинки стула полотенце и швырнул его на кофейные пятна. Затем махнул брату рукой и зашагал к двери.

В прихожей его поджидал Мишка Давыдов. Это был невысокий молодой блондин в замшевом пиджаке и синей ветровке. Вообще-то, обычно Давыдов носил драные джинсы, футболку и толстовку. Но в казино пускали только в пиджаке.

– Ну как? – весело спросил Давыдов, поблескивая лукавыми глазами. – Отделался от мента?

– Не называй его ментом.

– Почему?

– Он мой брат.

– Брат тоже может быть ментом. В твоём случае это так и есть. Ну ты как, Андрюх? Готов стать миллионером?

– У меня всего пятьдесят баксов.

– Неплохой начальный капитал. Сегодня мы станем богачами, друг! Чтоб я сдох!

Андрей взглянул на приятеля задумчивыми серыми глазами и сказал:

– Только одно условие: в двенадцать я должен быть дома. У меня завтра соревнование.

– Какое еще соревнование? – не понял Давыдов.

– По кендо.

– Ах да. – Давыдов кивнул рыжей головой. – Совсем забыл: ты ведь у нас самурай-фехтовальщик. Хорошо, Золушка, ровно в полночь доставлю тебя домой. И прослежу за тем, чтобы ты не потерял по дороге свои хрустальные башмачки!

Андрей Вершинин был не слишком высок и не очень-то широк в плечах. Миловидные черты лица с детства доставляли ему кучу проблем. Всем почему-то казалось, что столь смазливый и интеллигентный на вид малый не может быть хорошим бойцом.

Осиротев в семь лет и будучи с тех пор предоставлен сам себе (опека брата была не в счет), Андрей давно научился давать отпор обнаглевшим хулиганам. Большинство бугаев неуклюжи. Они могут причинить боль, да и дерутся нечестно. Однако если ты не боишься боли, умеешь уворачиваться от пудовых кулаков и бить в ответ, то вполне можешь их одолеть.

Вынужденный с юных лет кулаками отстаивать свое право на существование, Андрей презирал все виды спорта, похожие на драку. Ему стоило большого труда ударить человека по лицу. Быть может, поэтому он и выбрал кендо – вид спорта, больше походивший на искусство, чем на банальный мордобой. Бамбуковый меч – не кулак, а мудрые слова учителя – не крики «бей!» и «мочи!».

Друзья относились к увлечению Андрея скептически, считая, что размахивать «палкой» и цитировать кодекс самураев – это полная чушь и совершенно напрасная трата времени. Куда интереснее посидеть в баре или погонять на роликах на ВВЦ. Андрей был с ними согласен, но схватки на мечах странным образом притягивали его. Он ничего не мог с этим поделать.

На игру в покер дружок Мишаня подсадил Андрея пару месяцев назад. После первой же игры выяснилось, что, во-первых, Андрей Вершинин – «чертовски везучий сукин сын». А во-вторых, отличный игрок, способный сохранять непроницаемое выражение лица даже с тремя тузами на руках.

Кроме того, выяснилась и еще одна вещь. А именно: старая поговорка – кому везет в карты, не везет в любви – не соврала. Узнав, что Андрей стал игроком, его девушка заявила, что не хочет тратить время на «прожигателя жизни», и порвала с Вершининым все отношения.

Возможно, она думала, что таким образом ей удастся образумить Андрея и заставить его свернуть с порочной дорожки, но тот оказался слишком горд и упрям. В итоге их отношениям и впрямь пришел конец.

Андрей переживал размолвку тяжело и первое время пребывал в сильной депрессии. Но со временем, как это часто бывает в двадцать с небольшим лет, боль утихла, и ей на смену пришли новые увлечения.

Было уже около полуночи, когда оба приятеля вышли из казино и зашагали по Большой Никитской. Воодушевленный очередным выигрышем друга, Мишаня Давыдов болтал без умолку:

– Круто ты его прищучил, Андрюха! «Ваши дамы биты»! Где ты только слов таких нахватался...

– Книжки люблю читать, – сказал Вершинин.

– Ау меня чуть не случился рояль-флэш на пиках. Прикинь, сразу же пришли валет, дама и король... Слушай, а на что ты бы потратил деньги, если б выиграл миллион?

– Хочешь устроить вечер фантазий?

– Нет, ну правда. Я бы, например, купил яхту, арендовал бы пару-тройку красоток из службы эскорта и отправился в круиз. А ты бы на что потратил?

Вершинин на секунду задумался, потом ответил:

– На меч.

– Меч? Какой еще меч?

– В Музее Востока хранится самурайский меч восемнадцатого века.

Давыдов растерянно моргнул:

– И чё?

– Он выкован из высокоуглеродистой стали, секрет которой утерян. А к стали

добавлено серебро.

– Зачем?

– Чтобы отбиваться от злых духов.

Мишаня несколько секунд недоверчиво смотрел на друга, пытаясь определить, шутит тот или нет.

– И что, ты бы потратил миллион на этот меч? Вершинин кивнул:

– Угу.

– И зачем он тебе?

– Буду отгонять злого духа адского соблазна, который обожает ездить мне по ушам. Хочешь на него посмотреть?

Мишаня недоверчиво усмехнулся:

– Ну давай.

– Он справа от тебя.

Давыдов хлопнул ресницами и посмотрел направо. Взгляд его наткнулся на мерцающую витрину магазина, в которой отражался он сам.

– Тьфу! – в сердцах воскликнул он. – Я уж подумал, ты серьезно!

Андрей засмеялся:

– А я серьезно. Егор уверен, что ты – мой злой дух. Он сам мне об этом говорил.

– Этот мент и не такое скажет, – насупился Мишаня. – Ладно, куда пойдём отмечать?

– Мне все равно.

– Тогда предлагаю в «Воблу». Там пиво не бодяжат и в жареной рульке знают толк. Хотя, чего это я? Нафиг спортбары! Идем в настоящий ресторан! Сегодня мы князья! Слушай, Андрюх, давно хотел тебя спросить... Как тебе удастся сохранять во время игры спокойствие?

Андрей подумал и пожал плечами:

– Сам не знаю. Хотя. Однажды во время джигейко я встал в пару с опытным кендоки.

– Погоди-погоди, – остановил его Мишаня. – Что такое джигейко?

– Джигейко – это тренировочный бой в кендо.

– А, ну да. И что дальше?

– Так вот, у этого парня была совершенно другая техника удара. Он сильно меня отметелил, а потом выбил из рук синай.

– А синай – это...

– Бамбуковый меч. Позор был страшный. Слава богу, у меня лицо было закрыто маской-меном, а то бы весь зал увидел, как я покраснел. После боя кен-доки сказал мне: «У тебя неплохие способности, друг. Все, что тебе нужно, это удерживать центральную линию. Пока удерживаешь центральную линию – всегда сумеешь отбить атаку противника и развить контратаку». С тех пор я всегда стараюсь удерживать центральную линию. Даже когда играю в покер.

Мишаня поскреб пятерней в затылке и озадаченно нахмурился:

– Если честно, Андрюх, я нифига не понял. Причем тут центральная линия?

Андрей хотел было объяснить, но не успел. Черный «мерседес» представительского класса вывернул из-за угла и стремительно пронёсся мимо, едва не сбив Мишаню с ног. В последний момент Андрей успел схватить приятеля за шиворот и дернуть на себя.

– Черт! – воскликнул Мишаня, глядя расширившимися глазами вслед удаляющейся машине.

– Еще мгновение – и ты бы имел возможность встретиться с ним лицом к лицу, – сказал Андрей.

Тем временем «мерседес», доехав до угла дома, остановился. Дверца открылась, и из салона на тротуар сошла стройная темноволосая женщина в длинном черном пальто.

Она скользнула быстрым взглядом по лицам Андрея и Миши, затем отвернулась и надела солнцезащитные очки. За какое-то мгновение Андрей успел разглядеть ее прекрасное лицо. Дверца машины захлопнулась. «Мерседес» мягко тронулся с места и покатил по

пустынной дороге, а женщина пересекла тротуар и скрылась в переулке.

Андрей вдруг быстро двинулся вперед. Дошел до места, где останавливалась машина, нагнулся и поднял что-то с тротуара.

– Что там? – спросил Давыдов, нагнав его. Вершинин показал ему свою находку – платиновое кольцо. Даже не кольцо, а перстень с темно-красным камушком. Судя по всему, перстень был старинный. Мишаня присвистнул и протянул руку:

– Дай посмотреть!

Андрей сжал находку в кулаке и качнул головой:

– Нет времени. Надо его вернуть, пока она не ушла далеко.

– Ты хочешь вернуть? – не поверил ушам Давыдов. – Чудила, зачем возвращать дорогую вещь, если можно поставить ее на кон?

– Я никогда не опущусь до того, чтобы проигрывать чужие вещи, – сказал другу Андрей. – И тебе не позволю.

Давыдов нахмурился:

– Не дури. Ты видел, как она одета? Нам эта вещь нужнее, я уверен.

– Оставь свою уверенность при себе. – Вершинин положил перстень в карман куртки и стремительно зашагал к переулку.

– Куда ты? – окликнул его Давыдов.

– Вернуть перстень, – обронил, не оборачиваясь, Андрей.

Несколько секунд Давыдов смотрел ему вслед, затем крикнул:

– Валяй отдавай! Но не думай, что я буду участвовать в этой клоунаде!

Андрей не остановился.

– Не будь идиотом, Вершинин! – крикнул тогда Мишаня. – Вернись! Я все прошу!

Но Андрей уже свернул в переулок. Постояв немного, Давыдов сплюнул на мостовую и проворчал:

– Мазафака. И почему такому болвану везет в карты? Давыдов уныло посмотрел на темное небо, словно ожидая ответа на свой вопрос. Не получив его, он вздохнул, повернулся и зашагал прочь.

Тем временем Андрей Вершинин вошел в переулок. Как раз вовремя – он увидел мелькнувший впереди край черного пальто и каблук сапожка. Женщина свернула направо. Вершинин все еще мог ее нагнать – и потому поспешил вслед.

В переулке было темно. Единственный тусклый фонарь изо всех сил пытался рассеять мглу осеннего вечера, но получалось плохо.

Не дойдя до поворота двух шагов, Андрей услышал тихие голоса и остановился. Говорили двое – мужчина и женщина.

– Мы выполнили свою часть договора, – сказал мужчина. – Теперь ты знаешь, как открыть портал и уйти отсюда. Отдай перстень, и мы разойдемся, довольные друг другом.

– Я знала, что вы меня не обманете, – отозвалась женщина холодноватым тоном. – Но я хочу отдать перстень самому Менериху.

– А чем тебе не нравлюсь я?

– Тем, что ты – всего лишь слуга. А я хочу увидеться с хозяином.

– Это невозможно, стрига. С Менерихом я встречу только завтра. Он не может вот так запросто болтаться по улицам Москвы. Регистраторы не дремлют. Они сразу почувствуют его присутствие.

Андрей осторожно выглянул из-за угла и увидел говоривших. Рядом с красавицей, одетой в черное, стоял лысый, толстый мужчина со светлыми, почти прозрачными глазами. Глаза эти, круглые, чуть нависают, придавали ему сходство с филином. И на мгновение Андрею даже показалось, что он чувствует запах жженных перьев.

– Что-то потерял? – услышал он вдруг чей-то хриловатый голос.

Вершинин оглянулся. Прямо перед ним стоял приземистый и чрезвычайно широкоплечий тип в черной куртке, черных джинсах и бейсболке. Рожа у типа была багровая, как у пьяницы, и совершенно бандитская.

Тут же из-за другого угла вышли еще трое.

Жизнь студента, зарабатывающего на жизнь игрой в карты, была полна подобных приключений, и Вершинину и раньше приходилось драться, однако эти парни были похожи на настоящих бандитов.

Андрей нахмурился и, стараясь, чтобы голос не дрожал, спокойно проговорил:

– Мужики, у меня есть пятьдесят баксов. Если хотите, я отдам их вам.

Бандиты переглянулись.

– Слыхали? – усмехнулся крепыш с багровым лицом. – Этот фраер назвал нас мужиками.

Бандиты заржали. Крепыш медленно подошел к Андрею, сгреб его пятерней за куртку и приблизил к нему свое лицо.

– А ты красавчик, – просипел он, обдав Андрея неприятным сладковатым запахом, похожим на запах крови. – Сделаешь мне приятно, малыш?

Крепыш глухо хохотнул, и вдруг Вершинин увидел нечто такое, от чего внутри у него все похолодело. Во рту у бандита вместо нормальных человеческих зубов были клыки – длинные и острые, как у пса.

Вдруг позади раздался страшный женский крик. И в ту же секунду чей-то голос шепнул Андрею на ухо:

– Беги!

Андрей не стал медлить. Он сорвался с места и со всех ног бросился к ярко освещенной улице.

– Держите его! – отчаянно заверещала за спиной Андрея женщина.

Один из бандитов нагнал Андрея и попытался схватить за воротник куртки, но тот увернулся и ударил противника коленом в пах. Второй непостижимым образом перелетел через Андрея и, резко развернувшись, выставил перед собой когтистые руки.

Тут Андрей почувствовал что-то вроде резкого порыва ветра и в тот же миг оказался за спиной нападавшего. Времени на то, чтобы удивляться, не было, и Вершинин побежал дальше. А бандит вдруг быстро опустился на четвереньки и, высоко взмыв в воздух, прыгнул Андрею на спину.

– Попался, щенок! – рявкнул он.

Хватка у него была крепкая, и вырваться у Андрея не было никакого шанса. Но вдруг преследователь слетел со спины Андрея так резко, будто его сдернули.

Вершинин повернул голову и увидел, что в переулке появился новый персонаж. Это был невысокий, коренастый пожилой мужчина в дешевом темно-сером пальто и серой кепке. В левой руке он держал пластиковый пакет, из которого торчал краешек нарезного батона. В правой – незамысловатую деревянную трость, из тех, которые носят охромевшие от артрита пенсионеры.

– Это чего у вас тут? – недовольным голосом осведомился незнакомец. – Чего хулиганите?

Один из клыкастых мужиков бросился было на него, но незнакомец швырнул ему в грудь пакет с продуктами, затем сорвал с головы кепку и ударил ей нападающего в лицо. Клыкастый отлетел, а незнакомец вскинул трость и ударил второго мужика в живот, а когда тот согнулся, дал ему по лицу.

Из тьмы выскочили еще двое. Один из них с волчьим рычанием бросился на незнакомца, но тот увернулся и двумя ударами трости сшиб его с ног. А затем прижал ко лбу нападавшего набалдашник трости. Кожа на лбу бандита зашипела, будто ее прижгли раскаленным железом, а сам он вскрикнул и отшатнулся. На лице у него остался багровый ожог.

Незнакомец схватил окаменевшего от изумления Андрея за шиворот, одним рывком поднял на ноги и крикнул:

– Бежим! Быстро!

Вершинин успел разглядеть плохо выбритый подбородок с ямочкой посередине и серые

глаза, взгляд которых был холоден и тверд. А в следующую секунду они уже бежали по переулку.

Едва беглецы выскочили из переулка, как рядом с ними, прошуршав шинами, остановилась белая «Лада-приора». Незнакомец распахнул дверцу, схватил Андрея за плечо и буквально забросил его в салон, а сам запрыгнул следом.

– Игорек, гони! – крикнул он водителю.

«Лада», резко взяв с места, понеслась вперед, набирая скорость.

Что-то тяжелое ударило по крыше машины. Андрей услышал жуткий скрежещущий звук, словно крышу «Лады» разрывали железными крючьями.

Андрей задрал голову и ужаснулся. Крышу и впрямь раздирали, но не крючьями, а когтями. Вершинин увидел в дыре бледное, перекошенное от ярости женское лицо.

Незнакомец быстро вскинул трость. На мгновение Андрею показалось, что странный гражданин переломил трость пополам. Но затем блеснула сталь – теперь было ясно, что в трости спрятан клинок. Узкое лезвие молниеносно вонзилось в крышу автомобиля. Страшный, оглушительный визг резанул Андрея по ушам, и на колени ему закапала кровь. А затем странное когтистое существо слетело с крыши.

Андрей оглянулся назад и увидел темную женскую фигурку, сидящую на асфальте. Женщина вскочила на четвереньки, отряхнулась как собака, и, оскалив зубы, бросилась вдогонку за «Ладой». Бежала она невероятно быстро.

– Поганая кровососка! – выругался незнакомец, и Андрей увидел, что в руке у него появился серебристый автоматический пистолет. Незнакомец быстро опустил окно, высунулся и дважды выстрелил в скачущую за «Ладой» женщину.

Машину занесло на повороте и едва не перевернуло, но она удержалась и свернула за угол. За окном пронеслись неоновые огни рекламы.

– Игорек, включай «коридор»! – крикнул пожилой незнакомец.

Тут же улица по обе стороны от машины озарилась радужным сиянием, и на мгновение у Андрея возникло ощущение, будто они несутся по сверкающему всеми цветами радуги тоннелю.

Потом сияние угасло, и Вершинин с изумлением понял, что дорога, по которой ехала «Лада», стала шире, а неоновых огней по сторонам – больше. Это была совершенно другая улица. И похоже, совершенно другой район Москвы.

Незнакомец повернул голову и взглянул на Андрея своими холодными серыми глазами.

– Ранен? – быстро спросил он. Андрей пролепетал:

– Н-нет.

– Отлично. А теперь говори, кто ты такой. Вершинин растерянно моргнул и вымолвил:

– Я студент. Учусь на историческом.

– Имя, – сухо потребовал пожилой.

– Андрей. Андрей Вершинин. А вы.

– Что ты видел? Андрей вновь моргнул:

– Где?

– В переулке. Там была женщина, верно?

– Да.

– С кем она встречалась?

– Не знаю. С каким-то лысым толстяком.

– Ты слышал, о чем они говорили?

– Про какого-то. Менериха.

– Ты уверен?

Андрей кивнул и растерянно произнес:

– Да. Уверен.

– Дьявол! – выругался пожилой. – Я так и думал, что маг-птичник замешан в этом.

– Владимир Иванович, нужно срочно сообщить про Менериха шефу, – сказал водитель Игорь.

– Само собой, – хмуро отозвался пожилой.
– Простите, а кто такой Менерих? – спросил Андрей.
– Точно неизвестно, – ответил пожилой. – Некоторые считают его магом Универсалом.
Он гораздо сильнее любого из магов.
– Вы его знаете, да? Пожилой усмехнулся:
– Скажем так, я о нем слышал. У моего начальника с этим гадом давние счеты.
– А.
«А кто ваш начальник?» – хотел спросить Вершинин, но тут пожилой его перебил:
– Хватит вопросов, студент. Лучше скажи, как ты это сделал?
– Что сделал? – не понял Андрей.
– Стригой хотел схватить тебя за шею, а ты не только увернулся, но и оказался у него за спиной. И это при том, что двигаются они быстрее диких кошек. Как ты сумел опередить его?
– Не знаю. Как-то само получилось.
Незнакомец внимательно взгляделся в лицо Вершинина, словно пытался определить на глазок, врет тот или нет, а затем хмыкнул и проговорил:
– Ясно. Еще один одаренный. Пожалуй, стоило бы проверить тебя на дефиниторе, но у нас нет времени. Да и штат давно укомплектован. А теперь прости, студент, но нам пора расстаться. Завтра утром ты проснешься счастливым и забудешь это небольшое приключение, как забывают неприятные сны.
Он достал из кармана плаща мобильный телефон, наставил его глазком фотокамеры на Андрея и сказал:
– Смотри сюда, студент. Сейчас вылетит птичка!

6

Фонари ярко освещали голубоватый лед, по которому вычерчивали коньками круги молчаливые люди в спортивных куртках и шапочках. Картавый динамик на столбе надсадно выводил:

Белые розы, белые розы,
Беззащитны шипы.
Что с ними сделали злые морозы,
Лед витрин голубых...

Андрей скользил по ледяной глади, а впереди два подростка толкали перед собой широкую фанерную лопату, за которой оставалась полоса чистого льда.

Андрей на секунду остановился, чтобы перевести дух, и вдруг увидел под ногами что-то темное. С тревогой в сердце Вершинин низко наклонился, пытаясь рассмотреть, и аж вспотел от ужаса. Из-под льда на него смотрело женское лицо.

Оно показалось Андрею знакомым, но он не успел вспомнить, где его видел, потому что лицо начало преображаться. Кожа на щеках женщины сморщилась и посинела, а из приоткрытого рта, превратившегося в пасть, показались четыре острых желтоватых клыка.

Чудовище в женском обличье улыбнулось Андрею мерзкой улыбкой и постучало когтями в лед, как в оконное стекло, – тук-тук, тук-тук, тук-тук.

Андрей хотел закричать – и проснулся.

«Это ж надо! – думал он, лежа в темноте и прислушиваясь к тому, как колотится в груди сердце. – Такой ясный сон, цветной. Егор говорил, что цветные сны видят только шизофреники. Наверное, я схожу с ума».

Обозвав себя паникером и немного успокоившись, Андрей снова закрыл глаза и постепенно задремал.

На этот раз Андрею приснился не менее жуткий сон. Снилось Вершинину, будто внизу,

на тротуаре, стоят люди, одетые в черное, и смотрят на его окно. Он увидел лысого толстяка, красавицу с клыками, хозяина ломбарда Иосифа Самуиловича и еще одного – молодого, черноволосого, очень высокого и очень элегантного.

Люди долго смотрели на окно Андрея в полном молчании, а затем вдруг открыли рты и хором проговорили:

– Отдай то, что взял, щенок! Отдай – или мы вырвем тебе сердце!

А потом бросились к дому, прыгнули на стену и стали быстро взбираться наверх, не сводя мертвых глаз с его окна.

* * *

Проснулся Андрей в восемь утра, весь мокрый от пота. В висках стучало, как после бурной вечеринки. Вершинин лежал в постели, глядя в потолок и стараясь припомнить, что же он такое вчера пил и по какому, собственно, поводу. Однако воспоминания были смутными. Он играл в покер и покинул казино с хорошим выигрышем. А потом... А потом они с Мишаней, по всей вероятности, пошли праздновать выигрыш в кабак. И уж там оторвались по полной.

Еще некоторое время Андрей лежал, припоминая приснившиеся ужасы. Что-то в них было не так. Слишком уж отчетливый привкус реальности они имели. И вот этот привкус внушал Андрею куда больше страха, чем все кошмары вместе взятые.

В конце концов он вспомнил один из дзенских коанов, в котором мудрый учитель отчитывает ученика за то, что тот делит реальность на явь и сон. И во сне предпочитает орудовать не ученическим мечом, а железной кочергой. «Неважно, где ты, и неважно, как выглядит мир вокруг тебя. Меч должен стать твоим якорем в бушующем море и твоей спасительной соломинкой, плавающей на поверхности глубокого омута».

Андрей повернул голову и посмотрел на свой бамбуковый меч. Глупо было думать, что простая деревянная палка поможет ему отбиться от чудовищ, поджидающих его в царстве кошмаров. Но, как ни странно, вид меча, пусть даже и бамбукового, подействовал на Андрея успокаивающе.

Вершинин вздохнул и откинул одеяло, надеясь, что холодная вода прояснит мозги и поможет справиться с похмельем.

Приняв душ и одевшись, Андрей вышел на кухню. Егор сидел за столом и читал «Московский комсомолец». На столе перед ним стояли тарелка с недоеденным омлетом и чашка черного кофе.

– Как спалось? – поинтересовался Егор, глядя на хмурое лицо Андрея.

– Нормально, – пробурчал тот в ответ, взял чашку брата и сделал несколько глотков. Затем поставил ее на стол и кивнул на газету: – Чего пишут?

– Посмотри сам. – Егор повернул газету к Андрею. Андрей увидел плохо пропечатанный портрет какой-то молодой женщины, потом прочел вслух заголовок:

– «Назад в девяностые». И про что там?

Егор снова повернул газету к себе и стал читать:

– *«На улицах Москвы снова, как и в прошлом десятилетии, становится беспокойно. Жена известного бизнесмена, главы холдинга «Литол» Олега Литовцева, Наталья Литовцева была найдена сегодня утром мертвой на Большой Никитской улице. По словам следователей, ведущих дело, киллер нанес жене олигарха удар ножом в шею, а затем выстрелил ей в грудь из пистолета.*

Муж погибшей указал на то, что среди вещей его жены отсутствовал дорогой фамильный кулон, с которым Наталья никогда не расставалась. По одной из версий, мотивом преступления стало ограбление. По другой – месть конкурентов 2-на Литовцева.

В настоящий момент следствие рассматривает и другие версии. Генеральный прокурор Москвы уже заявил, что берет это расследование под особый контроль.

Наша газета выражает глубокие соболезнования родственникам и друзьям погибшей».

Пока Егор читал, Андрей намазал масло на кусок хлеба, запихнул его в рот и запил остатками кофе.

– Тебе на работе этой гадости не хватает? – спросил он у брата с набитым ртом. – Почитай лучше что-нибудь оптимистичное.

– Что, например? – спросил Егор, отложив газету и потянувшись за сигаретами.

– Да что угодно. Хоть «Плейбой».

Егор усмехнулся и закурил. Затем выпустил изо рта облако дыма, посмотрел на Андрея странным взглядом и сказал:

– Я звонил своим ребятам по поводу этого дела.

– И что? – небрежно осведомился Андрей.

– Есть свидетели. Они говорят, что видели неподалеку двух парней. – Помедлив пару секунд, Егор продолжил: – В том районе еще с конца девяностых действует казино, в котором ведется нелегальная игра на большие деньги.

– Почему вы его не прикроете? – спросил Андрей.

– Это сложно.

– И все-таки? Егор усмехнулся:

– Мы в реальном мире живем, Андрюха. С этого казино кормятся не только темные личности всех мастей. Понимаешь, о чем я?

Вершинин-младший хмыкнул:

– Еще бы! Наша доблестная милиция бережет не только законопослушных граждан, но и тех, кто стрижет с них купоны.

– Сказано грубо, но верно, – признал Егор. Он стряхнул пепел в бронзовый сапожок и снова взглянул на Андрея. – Вчера вечером вы с Давыдовым опять играли, так?

– С чего ты взял? – сухо отозвался Андрей. – Мы просто гуляли.

– Андрюх, все, что я сейчас тебе говорю, очень серьезно. Если ты что-то знаешь, но боишься сказать...

– Я? Боюсь? – Андрей усмехнулся. – Ты меня плохо знаешь, брат. Я ничего не боюсь.

Егор мягко улыбнулся:

– Знаю, брат, знаю. Я сам занимался твоим воспитанием. Но многие отчаянные головы склонны путать храбрость с тупостью. Я бы не хотел, чтобы ты оказался таким остолопом. – Помолчав, Егор продолжил: – Литовцеву сперва ударили ножом. Затем в нее выстрелили из пистолета.

Егор сделал паузу, подождал, не скажет ли чего Андрей. И, поскольку тот ничего не говорил, продолжил:

– Есть две странности. Во-первых, края раны обуглены, как будто нож, которым ее ударили, был раскален докрасна. А во-вторых, мы нашли пулю. Пуля самодельная, сорок пятого калибра. Но самое странное, что отлита она не из свинца.

– Правда? А из чего?

Егор пристально посмотрел на Андрея, прищурился и ответил:

– Из серебра.

Андрей натянуто усмехнулся и развязно проговорил:

– Кто-то перепутал жену олигарха с вампиром? Что ж, по крайней мере, в этом есть своя логика.

– Какая еще логика? – не понял Егор.

– Олигарх Литовцев сосет из земли нефть. То есть паразитирует на земных недрах. Так же, как вампиры паразитируют на людях.

Егор посмотрел на брата недобрым взглядом:

– Да ты у нас революционер? Андрей промолчал.

– Короче, – сказал Егор. – Люди олигарха Литовцева ищут тех двух парней, которые ошивались рядом с местом убийства. Если ты их, чисто случайно, встретишь, передай им мой номер телефона. Пусть наберут. – Егор вмял окуроч в пепельницу и снова посмотрел на Андрея. – Станные дела творятся в Москве, брат, – проговорил он глухим голосом.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился Андрей.

– «Кривая преступности» вжарила вверх. Все как с ума посходили. На прошлой неделе двадцатитрехлетняя мамочка выбросила в окно двух своих младенцев-близнецов. С девятого этажа. А потом шагнула вниз сама.

– В Москве каждый день такое происходит.

– Верно. Но на столе она оставила записку. Знаешь, что там было?

– Что?

– Что конец света уже пришел и скоро мы все умрем в страшных мучениях. В тот же день семиклассник-отличник взял кухонный нож и зарезал своих родителей, бабушку и двух сестер. А потом пошел к соседям и убил их. На допросе пацан сказал, что все, кого он убил, были чудовищами.

– Весело, – тихо проговорил Андрей.

– Не то слово. – Егор усмехнулся. – Просто жуть. Но это еще не все. Я уже сказал тебе, что Литовцеву застрелили серебряной пулей. Так вот, были и другие подобные случаи. В пятницу из Москвы-реки достали труп бомжа. До того, как бросить беднягу в реку, убийца выстрелил в него три раза. Две пули застряли в теле. И угадай – из чего они были отлиты?

– Неужели из серебра? Егор усмехнулся:

– В точку. А при вскрытии обнаружилось нечто еще более удивительное. У бомжа вместо желудка и печени были какие-то странные губчатые образования, а остальные органы были обуглены, словно выгорели изнутри. – Егор помолчал немного, задумчиво глядя на Андрея. Потом вздохнул и сказал: – За минувший год в Москве пропало в два раза больше людей, чем обычно. Говорю тебе, старик, этот город сходит с ума. Уж не знаю, с чем это связано. То ли магнитные бури, то ли еще что. Иногда мне кажется, что даже в воздухе что-то, как будто гарью откуда-то тянет. Я уже несколько дней это чувствую. А ты?

Андрей безотчетно втянул ноздрями воздух. На мгновение ему тоже показалось, что откуда-то тянет гарью, но уже в следующую секунду это ощущение исчезло.

– Егор, ты извини, но мне пора идти. Желаю тебе, чтобы «кривая раскрываемости» пошла вверх.

Андрей повернулся и вышел из кухни.

По пути в университет Вершинин несколько раз ловил себя на том, что подозрительно всматривается в лица прохожих, словно ожидая внезапного нападения. Андрей решил, что во всем виноват неприятный сон. Некоторые кошмары оставляют после себя стойкое послевкусие, и с этим ничего не поделать.

Глава вторая Сверхъестественное

1

По дороге к метро Андрей обнаружил в кармане джинсов перстень. Перстень был из белого металла (то ли серебро, то ли платина), а камень на нем был багровый, с алыми прожилками. Остановившись посреди улицы, Вершинин долго разглядывал его, стараясь вспомнить, откуда тот взялся. Однако память отказывалась работать. Вчерашний вечер вырисовывался смутно. А все, что было после того, как они с Давыдовым вышли из казино, и вовсе было подернуто непроницаемым туманом.

Держать перстень в руках было почему-то неприятно. Да и сам перстень выглядел отвратительно. Красный камушек был похож на налитый кровью глаз, а форма кольца напоминала удавку или висельную петлю.

Андрей задумался. Может, выбросить перстень в урну? Или швырнуть в водосток? Или отдать какому-нибудь бомжу?

Вершинин качнул головой – нет, не пойдет. А вдруг эта вещь и впрямь какая-нибудь

проклятая? Или заговоренная? Возьмет ее бомж, повесит на шею, а ночью его сожрут бродячие псы. Или еще чего похуже.

Тогда что же с ним делать, с этим дурацким перстнем?

Едва задав себе этот вопрос, Вершинин тут же получил ответ на него. На глаза ему попала вывеска – «Ломбард». И ломбард был не какой-нибудь, а самый что ни на есть родной. До того как увлечься покером, Андрей снес в этот ломбард все свои более-менее ценные вещи. Часы отца. Довоенную мельхиоровую ложку из набора, подаренного бабке самим Молотовым. Серебряное кольцо с черепом, выигранное в карты у одного сатаниста. Кольцо было магическое – если положить его в ночь перед экзаменом на раскрытый конспект, то на экзамене попадется тот билет, который учил перед сном.

Взглянув на вывеску, Вершинин усмехнулся и тихо проговорил:

– Это судьба.

Спустившись по ступенькам вниз, Андрей постучал в железную дверь ломбарда. Прошло не меньше минуты, прежде чем глухой голос из-за двери спросил:

– Кто там?

– Иосиф Самуилович, это я, Андрей Вершинин. Вы должны меня помнить, я студент.

– Я вас помню! – отозвались из-за двери. – Но мы еще не открылись!

– Иосиф Самуилович, я принес вам вещь для заклада! Хорошую!

Щелкнул замок, и дверь со скрипом отворилась. На пороге стоял пожилой мужчина в потертом пиджаке, с выпуклыми, испещренными коричневыми жилками глазами.

– Что вы хотите заложить? – осведомился он. Андрей протянул ему перстень:

– Вот. Достался в наследство от бабушки. Сколько вы мне за него дадите?

Иосиф Самуилович скользнул взглядом по перстню, нахмурился и проговорил с пренебрежением:

– Эта вещь немного стоит. По сути, это просто безделушка.

– Эта безделушка сделана из платины, – возразил Андрей наудачу. – А потому не может стоить дешево.

Хозяин ломбарда скривился:

– Молодой человек, у меня нет никакого резона вас обманывать. Эта платина очень низкой пробы, и ни один ломбард в городе не даст вам за нее больше трех тысяч рублей.

Андрей сжал ладонь в кулак:

– В таком случае, вы не будете возражать, если я попытаюсь выяснить это сам?

Он хотел повернуться, но Иосиф Самуилович резко схватил его за запястье. Ногти у хозяина ломбарда были жуткие – синеватые, длинные, заостренные на концах.

– Я дам вам четыре тысячи, – сипло процедил Иосиф Самуилович. Затем выдавил улыбку и добавил: – Я и сам когда-то был студентом и прекрасно понимаю ваше положение.

Что-то в блеске глаз старика не понравилось Андрею.

– Спасибо, но я передумал его продавать, – сказал он и высвободил руку.

Вершинин вновь повернулся, чтобы идти, и в этот миг хозяин ломбарда хрипло проговорил:

– Этот перстень не принадлежал вашей бабушке, верно?

Андрей глянул на него через плечо и сухо спросил:

– А вы откуда знаете?

Иосиф Самуилович прищурил черные глаза, помолчал несколько секунд, а затем выдохнул:

– Тридцать. Я дам вам за него тридцать тысяч рублей. Но этот перстень не стоит таких денег.

– Вот как? Тогда почему вы готовы столько дать за него?

Поняв, что допустил ошибку, Иосиф Самуилович нахмурился и отчеканил:

– Молодой человек, тридцать тысяч – хорошая цена. Никто не даст вам и половины этой суммы. Вот увидите – вы все равно ко мне вернетесь.

– Ошибаетесь, – холодно проговорил Вершинин. – В городе много ломбардов, и свет не

сошелся на вас клином. Всего хорошего!

Он повернулся и двинулся прочь.

– Сколько же вы за него хотите? – крикнул Андрею вслед ростовщик.

Вершинин остановился. В голову ему пришла озорная идея – что, если назвать какую-нибудь фантастическую цену и посмотреть, как на это отреагирует хозяин ломбарда?

Андрей медленно обернулся и назвал цену, которая первой пришла ему в голову:

– Пять тысяч долларов.

Лицо Иосифа Самуиловича вытянулось от изумления.

– Вы с ума сошли?

– Не хотите – не покупайте.

Андрей отвернулся и снова двинулся к выходу.

– Подождите! – окликнул его ростовщик взволнованным голосом. – У меня нет при себе таких денег. Но если вы подождете пять минут, я позвоню одному знакомому, и он принесет мне их.

Вершинин остановился. Теперь уже его собственное лицо вытянулось от изумления. Хозяин ломбарда согласился на пять тысяч долларов! Поверить в это было трудно. А осмыслить – невозможно.

С трудом взяв себя в руки и напустив безразличный вид, Андрей повернулся к Иосифу Самуиловичу, посмотрел на него прищуренным взглядом и уточнил:

– Пять минут?

– Да. – Иосиф Самуилович улыбнулся и пояснил: – Мой знакомый живет недалеко. И у него всегда есть деньги.

Андрей задумчиво наморщил лоб, потом вздохнул и кивнул:

– Ладно. Я подожду. Но только пять минут.

– Да, да, пять минут! Проходите и присаживайтесь в кресло!

Иосиф Самуилович подхватил его под руку и сам подвел к креслу.

– Посидите здесь, а я быстро! – любезным голосом проговорил хозяин ломбарда и заспешил к подсобке.

Дверь подсобки открылась, впустив Иосифа Самуиловича, а затем вновь плотно закрылась за его спиной. Андрей остался один. На душе у него снова стало нехорошо. Никогда еще Андрей не видел ростовщика таким любезным. Что-то тут было не так.

Андрей бесшумно поднялся с кресла, тихо подошел к двери и прижал к ней ухо.

– Нет. – услышал он приглушенный голос ростовщика. – Нет, я не мог ошибиться, это перстень Бафомета!.. Приезжайте и сами все увидите. Так. Так. Нет, мальчишка ни о чем не подозревает. И он один. Думаю, с ним у вас не будет никаких проблем. Нет, я могу справиться с ним и сам, но вам придется за это доплатить..

Андрей отпрянул от двери. Сердце его учащенно забилось, а во рту появился неприятный железный привкус. Он не боялся ростовщика, к тому же тот не сказал ничего сверхъестественного. Однако в интонации Иосифа Самуиловича было нечто такое, что заставляло относиться к его словам серьезнее, чем они того заслуживали. А потому Андрей не стал медлить. Он повернулся и на цыпочках двинулся к двери.

Только выйдя из ломбарда, Вершинин вспомнил, что хотел просто избавиться от перстня. Досадуя на себя, он плюнул на асфальт и повернул было обратно. Однако с места не сошел. Интуиция ясно говорила ему, что возвращаться не стоит.

Постояв немного, Вершинин вздохнул и зашагал к метро, надеясь избавиться от перстня после занятий, раз уж не получилось сбыть его сумасшедшему ростовщику прямо сейчас.

2

С Мишаней Давыдовым он столкнулся возле метро «Университет». Тот сидел на лавочке вместе с симпатичной девушкой и потягивал из бутылки пиво.

Андрей хотел было проскользнуть мимо, однако ему это не удалось. Завидев Вершинина, Мишаня завопил:

– Андрюха!

Прохожие испуганно шарахнулись от Давыдова, а он засмеялся и, растопырив руки, словно для объятий, крикнул:

– Приди скорей в мои объятия, братское сердце!

Вершинин, спешивший на занятия, почувствовал досаду, но вида не подал. Он остановился, подошел к приятелю, пожал ему руку. Потом покосился на спутницу Давыдова. Девушка была стройная, длинноногая, с узкой талией. Темно-рыжие, почти каштановые волосы ее были подстрижены в каре, а огромные зеленые глаза, обрамленные пушистыми ресницами, смотрели внимательно и насмешливо.

Одета девушка была в симпатичную зеленую курточку и голубые джинсы, а в руках держала маленькую коричневую сумочку из лакированной кожи.

Андрей снова перевел взгляд на Давыдова и насмешливо поинтересовался:

– Пиво с утра? Давыдов махнул рукой:

– Да оно слабое. Просто вчера чуток перебрал. Теперь лечусь. Слушай, ты извини, что я вчера психанул и ушел.

Андрей не помнил, как Мишаня психанул, но улыбнулся и сказал:

– Да нет проблем.

– Чем все закончилось-то? Побрякушку красоте вернул?

Про побрякушку Андрей тоже ничего не помнил, но решил об этом не говорить. Иначе Мишаня забросал бы его кучей новых вопросов, а в голове у Вершинина все еще было неуютно.

– Так вернул побрякушку-то? – снова спросил Давыдов, с каким-то лукавым любопытством глядя на Андрея.

– Вернул, вернул.

– А она чего?

– Ничего.

– Как это «ничего»? Что, просто взяла и ушла?

– Угу.

– И даже не поблагодарила? Андрей качнул головой:

– Нет.

– Ну ты, брат, и фуфел! – Мишаня засмеялся, потом повернулся к своей спутнице и сказал: – Лиза, надеюсь, ты помнишь этого мрачного типа?

– Помню, – с улыбкой ответила она, с любопытством разглядывая Вершинина. – Это твой друг Андрей.

– Точно, – кивнул Давыдов. – В просторечии – Андрюха, Дюня или Эндрю. Ну а эта красавица – моя двоюродная сестра Лиза Кадимова. Ты ведь должен ее помнить.

Андрей снова посмотрел на девушку и открыл от удивления рот. Сестра Мишани? Лиза? Конечно, он ее помнил. Но какой же взрослой и красивой она стала!

– Да... Я помню твою сестру... Конечно, помню. Лиза встала со скамейки, улыбнулась и протянула ему руку. Он осторожно пожал руку и удивился тому, какое крепкое у девушки было рукопожатие.

Давыдов подмигнул Андрею и проникновенно проговорил:

– Андрюх, Лизавета только что приехала в Москву из Питера и прямо-таки жаждет посетить смотровую площадку. Не мог бы ты проводить ее туда? Тебе ведь почти по пути.

– Мишань, я вообще-то занят. У меня через пару дней контрольная по спецкурсу, хочу посидеть в библиотеке.

– Что за спецкурс?

– «Сверхъестественные существа: мифы и реальность».

Давыдов презрительно фыркнул:

– Никогда не думал, что ты интересуешься такой бредятиной.

Андрей хотел возразить, но Мишаня жестом остановил его:

– Ладно, давай отойдем на пару слов.

Он положил Андрею руку на плечо и отвел его в сторону.

– Старик, выручай, – тихо и взволнованно заговорил Мишаня. – Я дал ей слово, что свожу на смотровую площадку, а у меня через полчаса стрелка на Парке культуры. Это вопрос репутации, понимаешь?

Андрей нахмурился, и Мишаня, не давая ему ответить, тут же поднажал:

– Ну будь другом, Андрюх. Я же тебя столько раз выручал! Клянусь, дело очень важное. Ну, чтоб я сдох!

Вершинин не мог припомнить, когда это Мишаня его выручал, но, будучи человеком отзывчивым и ценящим дружбу, взглянул на часы, вздохнул и сказал:

– Ладно. До смотровой проведу, но до дома ей придется добираться самой.

– Заметано!

Мишаня хлопнул приятеля по плечу и повернулся к девушке.

– Лизок, Андрей согласился проводить тебя до смотровой площадки, – радостно сообщил он. – Слушайся его, как родного папу, и будет тебе счастье!

Девушка состроила мину и показала Мишке средний палец. Тут в кармане у него пикинул мобильник. Он достал трубку и глянул на дисплей. Затем сунул мобилу обратно и сказал:

– Все, братцы, я исчезаю! Развлекайтесь!

Он снова подмигнул Вершинину, а потом развернулся и заспешил к метро, оставив Андрея и Лизу с растерянными улыбками стоять друг напротив друга. Вскоре стеклянная дверь крутанулась и поглотила Мишаню.

Несколько секунд оба молчали, потом Андрей поправил на плече сумку и проговорил:

– Значит, вы из Питера?

– Угу, – кивнула Лиза.

– И. надолго в Москву?

– Пока на пару дней. Но если понравится, останусь подольше.

– Что ж. Мишка просил отвести вас на смотровую площадку. На той стороне троллейбусная остановка.

– Весьма ценная информация, – насмешливо проговорила Лиза. – Ну что, тогда идем?

Андрей кивнул:

– Идем.

Лиза весело засмеялась, взяла его за руку и потащила к остановке.

Перед светофором они остановились. Лиза с любопытством покосилась на Андрея и вдруг сказала:

– А вы повзрослели. Пять лет назад были совсем мальчиком, а теперь прямо дядя. Угостите меня пивом?

– Пиво на территории университета не продают, – сказал Андрей. – Как насчет холодного чая или колы?

Лиза фыркнула:

– У вас тут как в монастыре! Тогда уж лучше минералку.

Андрей улыбнулся и осведомился ей в тон:

– Следите за фигурой?

– Угу. Пока еще есть за чем следить.

– Ясно.

Зажегся зеленый. Они, отчего-то ощущая неловкость, перешли через дорогу и остановились возле ларька. Андрей купил две бутылки минералки и вручил одну Лизе.

– Перейдем на «ты»? – предложила она. Андрей кивнул:

– Давай. Знаешь, я...

– Троллейбус!

Лиза схватила Вершинина за руку и потащила к остановившемуся троллейбусу.

В троллейбусе его внимание привлек листок социальной рекламы. На нем был изображен пожилой человек, собравшийся перейти через дорогу на пешеходном переходе и уже занесший ногу над бордюром. Однако на светофоре, изображенном слева, горел красный свет, и к переходу на полной скорости неслись грузовик.

Подпись под картинкой гласила: «Бойся красного!»

– О чем задумался? – окликнула Андрея Лиза.

– Так, ни о чем. Просто картинка смешная.

Лиза посмотрела на рекламный листок и поморщилась:

– Скорее уж страшная.

Пять минут спустя они вышли из троллейбуса и, попивая минералку, двинулись к смотровой площадке. С полминуты молчали. Первой молчание нарушила Лиза:

– Андрей, а ты правда меня помнишь?

– Конечно. Мишаня повсюду таскал тебя с собой.

– Меня вечно ему навязывали. Представляю, как вы меня ненавидели!

– Ну, иногда было весело.

– Точно. Я даже знаю когда. Например, когда я пошла с вами на озеро, увязла в болоте и просидела там целый час. А вы в это время удили рыбу в ста метрах от меня и слушали музыку в наушниках.

– В то время мы были не очень внимательными, – признался Андрей.

– Не то слово. Особенно если учесть, что весь этот час я орала благим матом.

Они помолчали, улыбаясь воспоминаниям.

– А помнишь, как вы лазили на чердак, к голубям, и я тоже за вами полезла? – снова заговорила Лиза. – Залезла до середины лестницы, посмотрела вниз – и оцепенела от ужаса! Весь двор собрался посмотреть, как я сижу на высоте четырех метров, вцепившись в лестницу, и рыдаю!

– Кто тебя снял?

– Участковый. Примерно через полчаса, когда даже прохожим надоело на меня смотреть. Мишку тогда выпорол отец. И согласись, он это заслужил.

– Мы все это заслужили, – улыбнулся Вершинин. – Если бы в то время я знал, что через несколько лет ты превратишься в такую красавицу, я бы от тебя не отходил.

Лиза улыбнулась:

– Еще не поздно все исправить.

Слова ее прозвучали слишком многозначительно для обычной шутки, и Андрей почувствовал смущение. Лиза, однако, была проста и раскованна.

– Знаешь, – снова заговорила она, – а ты стал настоящим мужчиной.

– Это хорошо? – насмешливо вскинул бровь Андрей. Лиза тоже улыбнулась:

– Сложный вопрос, если учесть, что многие мои приятельницы считают меня феминисткой.

– Феминисткой? За что они тебя так?

– Да как тебе сказать. Понимаешь, я уважаю мужчин за силу и ум. Но иногда они ведут себя как полные кретины. Особенно когда снисходительно рассуждают о нас, женщинах. В такие минуты становится ясно, насколько плохо вы нас знаете.

Андрей хмыкнул и потребовал:

– Приведи пример.

– Пример? Пожалуйста. Вас, мужчин, смешит, что женщины готовы так много времени проводить в магазинах.

– Смешного тут мало. Скорее, это прискорбно, – заметил Андрей.

Лиза нахмурилась и покачала головой:

– Ты не прав. Для женщины поход в магазин – это творческий акт. Стоя перед полками с продуктами, она не просто выбирает еду. Она представляет себе, как эти продукты будут смотреться на столе, придумывает, что будет готовить сегодня, завтра, послезавтра. Фантазия ее работает на полную катушку, как у какого-нибудь суперодаренного писателя-фантаста.

Понимаешь, о чем я?

Вершинин улыбнулся:

– Кажется, да. Если честно, я никогда не думал о шопинге с этой стороны.

– Само собой, – небрежно сказала Лиза. – Потому что «эта сторона» – типично женская, и мужчины редко на нее заходят.

Они остановились у гранитных перил смотровой площадки и посмотрели на расстилающуюся внизу, за рекой, Москву.

– Какая красота! – восторженно выдохнула Лиза.

– Вид на Эдем! – улыбнулся Андрей. – Возле этих перил Герцен и Огарев, будучи студентами, давали клятву бороться за свободу. А мой отец сделал предложение моей матери.

Лиза посмотрела на Вершинина и тихо спросила:

– Ты по ним скучаешь?

– Сам не знаю. Если честно, я ведь не очень хорошо их помню.

Лиза снова вгляделась в даль, на покрытый легкой дымкой огромный, красивый город с золотыми маковками церквей.

– Ты часто сюда приходишь?

– Да нет. По крайней мере, реже, чем хотелось бы. – Андрей посмотрел на часы. – Слушай, Лиза, ты извини, но мне пора бежать в библиотеку.

Лиза улыбнулась:

– Понимаю. Сама студентка.

Андрей посмотрел на нее удивленно. У него до сих пор не укладывалось в голове, что голоногая девчонка с вечно исцарапанными коленками стала взрослой девушкой.

– А где учишься? – любопытствовал он.

– В меде. Буду врачом-эпидемиологом, как Мишкины родители.

– Тоже поедешь в Африку спасать чернокожих детишек?

Лиза спокойно посмотрела на него и неожиданно серьезно проговорила:

– Если придется – поеду. Человек обязан совершить в жизни что-то важное и значительное.

Андрей хмыкнул:

– Ты прямо как мой брат Егор.

Лиза посмотрела на него внимательно и чуточку тревожно:

– А ты с этим не согласен?

– Не знаю. Все это слишком сложно. Никто еще не доказал, что в нашем существовании есть какой-то смысл. А раз так, то кто скажет, какой поступок важен и значителен, а какой – нет? – Андрей посмотрел на серьезное лицо Лизы и виновато улыбнулся: – Прости. Я не умею говорить на такие темы.

– Ладно, не будем, – согласилась Лиза. Вершинин снова посмотрел на часы.

– Мне правда пора, – сказал он. – Мы еще увидимся?

– Если захочешь – да.

И вновь слова Лизы прозвучали слишком многозначительно, и вновь Андрей смутился взгляда этих больших изумрудно-зеленых глаз.

Сердясь на себя за это, он нагнулся и вальяжно поцеловал ее в щеку. Затем повернулся и быстро зашагал к университетскому зданию.

3

По пути в библиотеку Андрей думал о родителях и о том, что с ними случилось.

Авария была очень странной. Начать с того, что Андрей находился с родителями в машине. Он отчетливо видел, как грузовик съехал со встречной полосы и ринулся на их старенькую «мазду», которую отец купил по случаю у друга и которой страшно гордился как первой приобретенной иномаркой.

Время словно замедлило ход. Грузовик передвигался судорожными рывками, будто с

трудом преодолевал его вязкое течение. Но вот стальной бампер грузовика навис над машиной, и Андрей отчаянно закричал:

– Папа, он нас собьет!

Но замедлившееся время коснулось и самого Андрея. Слова прозвучали невероятно медленно и тягуче. Отец же, вместо того чтобы крутануть руль вправо и увести машину из-под удара на пустой тротуар, повернул голову и удивленно посмотрел на Андрея.

Раздался оглушительный скрежет, и перед глазами у Андрея все вспыхнуло. А потом случилось нечто необыкновенное. Андрей почувствовал резкий порыв холодного ветра, и порыв этот подхватил его, вынес из машины и перенес на тротуар.

И тут время двинулось с головокружительной быстротой. Грохот удара, всполох огня, крики людей, вопросы милиционеров и удивленный возглас пожилой докторши:

– Это удивительно! Мальчик абсолютно цел! Потом снова круговерть образов и звуков, а затем чей-то вкрадчивый голос:

– Скажи, ты, правда, был с родителями в машине?

– Да. Я там был.

Время снова обрело нормальное течение, и Андрей увидел, как доктор отпрянула от него, качнула головой и, повернувшись к милиционерам, сказала:

– Я, конечно, атеистка, но можно сказать, что это настоящее чудо!

А потом началась жизнь без папы и мамы. Поначалу Андрея хотела забрать к себе двоюродная тетка, которую он совсем не знал. Но Егор грудью встал на защиту брата и объявил, что сам позаботится об Андрее. Потом был суд, его Андрей почти не помнил. Кроме разве того, как он с яростным криком вырвался из холодных объятий тетки и кинулся Егору на грудь.

Жили они неплохо, но отсутствие мамы и папы чувствовалось всегда и во всем. Привыкнуть к тому, что их нет, было невозможно. Тем более что на стене в гостиной, на самом видном месте, всегда висела свадебная фотография родителей. На ней папа и мама были молоды и счастливы. Живы.

Однажды во дворе Андрей поссорился со своими приятелями, и один из них крикнул в запальчивости:

– Твои предки давно сгнили в земле! И ты отправишься следом за ними!

Глаза Андрея заволокло гневом. Он сжал кулаки и бросился на теперь уже бывших товарищей.

Потом были две недели в больнице, в течение которых Вершинин-младший лежал на кровати с загипсованной ногой.

Когда он вернулся домой, то обнаружил, что свадебная фотография родителей исчезла со стены. В тот вечер между Андреем и Егором произошел серьезный разговор. Егор утверждал, что память о родителях не столько помогает, сколько мешает Андрею жить. Андрей же кричал в ответ, что это его жизнь и он сам способен определить, что ему мешает, а что нет.

– Ты всегда ревновал их ко мне. Потому что они любили меня больше, чем тебя.

Некоторое время Егор ошарашенно смотрел на брата, не в силах произнести ни слова, а потом скривился и коротко обронил:

– Дурак.

После этого вынул фотографию из кармана пиджака и швырнул ее на стол. Андрей взял фотографию, вставил в рамку и снова повесил на стену. Однако через пару дней сам снял ее со стены и убрал в ящик стола.

Жизнь потекла своим чередом. Братья никогда не упоминали об инциденте с фотографией, но их отношения изменились. Андрей, прежде откровенный в разговорах с братом, приобрел привычку таиться, а когда тот спрашивал что-нибудь, в ответ ершился и отвечал на реплики Егора дерзостью.

В библиотеке, по случаю солнечного дня, народу было немного. Андрей брякнул на

стол стопку книг, взятых по списку, продиктованному преподавателем, уселся поудобнее, взял верхнюю книгу и углубился в чтение. На первой же странице он прочел следующее:

«Мифы о фантастических существах, живущих бок о бок с людьми, находят отражение в трудах серьезных авторов. Так, например, Платон в своем «Государстве» приводит интересную историю о лидийском пастухе.

Как-то раз, при проливном дожде и землетрясении, земля кое-где расселась, и образовалась трещина. Движимый любопытством, пастух спустился в эту трещину и увидел внизу разные диковины, а среди прочих – медного коня, снабженного дверцами. Заглянув внутрь, он обнаружил мертвеца больше человеческого роста. На руке у мертвеца был платиновый перстень. Пастух снял его и вылез наружу».

Андрей перелистнул страницу.

«Упоминания о крохотных или исполинских «братьях по разуму» встречаются в мифах и преданиях самых разных народов на всех континентах. Археологам давно известны таинственные «кремни пигмеев». Это орудия труда, очень похожие на обычные инструменты первобытного человека, но размером в несколько раз меньше. Порой они не достигают и сантиметра в длину. Сколы на некоторых «кремнях пигмеев» настолько малы, что изготовить их могли лишь существа размером с крысу».

– Я всегда знал, что хоббиты существовали, – усмехнулся Андрей и скользнул взглядом на пару абзацев ниже.

«Помимо странных великанов и карликов, неизвестно откуда взявшихся на Земле, древние документы часто упоминают магов. К примеру, арабский ученый и путешественник Иакут, создавший в Средние века географический словарь, пишет:

«Когда-то царями Египта были Дарокун бен Малтес и Раметрах. Эти два правителя были одарены умом проницательным и необыкновенной телесной силой. Кроме того, обладали большими познаниями в магии. Когда греки вторглись в их владения, цари, защищаясь, соединили Западный океан с морем Средиземным. Новое море потопило многие обитаемые земли и их могущественные царства...»».

– Не хотел бы я встретиться с этими магами, – пробормотал Андрей и перелистнул несколько страниц.

«Письменных свидетельств о существовании магов и колдунов до нас дошло множество. Все они достаточно древние. В разные времена к магам относились по-разному. Карл Великий, к примеру, пойманных магов и ведьм делал рабами. В саксонской Англии магов сажали в тюрьму, а иногда и казнили. А Вильгельм Завоеватель держал при себе колдунью и был уверен, что именно ее чары помогли ему завоевать Англию».

Вершинин-младший вздохнул, закрыл книгу и отложил в сторону. Взял следующую и открыл наугад.

«В европейской традиции вампиров чаще называли стригоями и стригами».

– Стригой и стриги, – повторил Андрей вслух, чтобы лучше запомнить. И качнул головой: – Никогда не слышал.

Он снова опустил взгляд на страницу.

«Раскопки проходили рядом с городом Челяковицы, в Чехии. В захоронениях тысячелетней давности были обнаружены останки тринадцати мужчин, которых их современники явно считали стригоями. Руки покойников были связаны кожаными ремнями, и каждому из них в сердце был вбит осиновый кол. У некоторых тел не хватало головы».

Но, безусловно, самым известным считается случай, произошедший в сербской деревне Медвежье. В 1727 году житель деревни по имени Арнольд Пауле сообщил своей невесте, что его укусила стригой. Вскоре Пауле умер и был похоронен. А несколько дней спустя в округе стали погибать люди, и на шее у каждого из них находили следы клыков. Некоторые из них перед смертью успели сообщить, что на них напал недавно усопший Арнольд Пауле.

Слухи о проделках вампира дошли до австрийского правительства. Для расследования в деревню был направлен полевой хирург Йоханнес Флакингер. Тело Пауле было подвергнуто эксгумации. В своем официальном отчете Флакингер писал:

«Когда тело указанного Пауле извлекли из земли на третий месяц после захоронения, то означенное тело было нетронутым тлением, лицо же умершего отличалось противоестественной красотой. По решению деревенского старосты указанный Арнольд Пауле был пронзен колом, а голова его была отрублена».

В ходе расследования Флакингеру удалось обнаружить еще семнадцать тел без признаков разложения. По совместному решению старосты и представителя правительства, тела эти были проткнуты кольями и сожжены. Отчеты Флакингера были напечатаны в двух периодических изданиях – «Лондон джорнал» и «Джентльменс мэгэзин».

– Ну конечно, – скептически заметил Андрей и откинулся на спинку стула. – Неужели находятся дураки, которые верят во всю эту муть?

Он усмехнулся и захлопнул книгу. Третья выглядела посолоннее прежних двух – она была толстая, в красном переплете с золотым тиснением.

– «Параллельные миры», – прочел Андрей на обложке. – А. А. Бушуев.

Название звучало не слишком обнадеживающе, но Вершинин смело открыл книгу, надеясь, что сведения, почерпнутые из этого талмуда, будут не такими дикими и фантастическими.

Бросив взгляд на страницу, он прочел следующее:

«Гипотеза о разумных существах, обитающих бок о бок с нами, не так уж невероятна. С точки зрения физики существование параллельных миров, откуда к нам приходят гости, совсем не выглядит фантастикой. Первым о параллельных мирах землянам сообщил писатель Герберт Уэллс в рассказе «Дверь в стене».

Конечно, Уэллс был фантастом, но некоторые ученые считают, что в фантастических произведениях гораздо больше правды, чем вымысла. И история доказывает, что это так. Возможно, в древние времена параллельные миры были открыты для людей. В Древней Греции крестьянки не принужденно, среди бела дня общались с сатирами. А средневековые рыцари сражались с магами и драконами, освобождали из заточения фей и дев источника, а затем женились на них».

Андрей оторвал взгляд от страницы и вдруг представил лицо Лизы – красивое, серьезное, задумчивое.

– Поговорили, – с досадой пробормотал он. – Побеседовали. Теперь она уверена, что я обычный легкомысленный идиот.

Он вздохнул и снова опустил взгляд в раскрытую книгу.

«Но потом, в силу разных природных явлений, двери, ведущие в другие миры, либо закрылись, либо...»

Андрей перевернул страницу.

«...стали открываться редко и не перед каждым. К сказанному хочется добавить, что соседство это было не совсем безопасно. Древние авторы выдвигали гипотезы о том, что источником земных катастроф были войны, которые вели меж собой наши соседи из параллельных миров. Многие источники говорят о выходах из других миров, избравших Землю местом для сведения счетов. Каждый раз, когда вспыхивала подобная война, жизнь на Земле оказывалась на грани исчезновения».

Андрей схватился за голову и тихо застонал.

4

Через час, мужественно просмотрев семь из девяти рекомендованных книг, Андрей решил сделать перерыв, отправиться в кафе и выпить пару чашек кофе. Последствия попойки и плохой ночи до сих пор сказывались. В висках чувствовалась тяжесть, а на душе скребли кошки.

В скверике перед кафе Вершинин заметил, что за ним кто-то идет. Но ни испугаться, ни даже насторожиться он не успел, потому что негромкий, сипловатый голос тут же окликнул:

– Привет, студент!

Андрей обернулся. Невысокий, коренастый человек, одетый в серый плащ и кепку, медленно приблизился к Вершинину.

Холодные, стального оттенка глаза, ямочка на подбородке. Почему-то Андрею подумалось, что незнакомец должен держать в руке пакет с продуктами, из которого торчит батон. Однако никакого пакета у мужчины в руках не оказалось. Была только старенькая, дешевая трость с крючковатым, посеребренным, но уже изрядно облезшим набалдашником.

Остановившись перед Вершининым, незнакомец оглядел его лицо цепким, холодным взглядом, который совершенно не подходил к его облику «инженера на пенсии». Затем сипло спросил:

– Ты Вершинин?

– Да, – ответил Андрей. – А вы...

– Давай присядем. – Незнакомец повернулся и направился к деревянной скамейке.

Андрей, чуть помедлив, двинулся за ним. Усевшись на скамейку, мужчина пристроил трость между ног и посмотрел на Андрея.

– Надо поговорить, – сказал он.

– Поговорить? – Вершинин нахмурился и внимательнее вгляделся в лицо незнакомца, стараясь припомнить, где он мог его видеть. – А вы, собственно, кто?

– Меня зовут Владимир Иванович.

– А фамилия?

– Чигур.

Мужчина снял кепку, достал из кармана платок и промокнул лысоватую голову. Затем снова нахлобучил кепку на лысину, посмотрел на солнце и сказал:

– Жарковато сегодня, а?

– Да, – рассеянно отозвался Андрей.

– Гораздо жарче, чем обещал прогноз.

– Да, наверное. Владимир Иванович вздохнул:

– И давление выше нормы. В такую погоду хорошего клева не жди. Это как пить дать.

Андрей не знал, что на это ответить. Чигур снова посмотрел на Вершинина и вдруг спросил:

– Как у тебя со здоровьем, студент?

– До сегодняшнего дня не жаловался. Послушайте, я не знаю, кто вы такой, но если вы немедленно не...

– Погоди-ка... – Владимир Иванович сунул руку в карман плаща и достал мобильный телефон. – Не возражаешь, если я тебя сфотографирую?

– С какой стати?

Владимир Иванович наставил на Андрея объектив мобильного и нажал на кнопку. Перед глазами у Вершинина что-то ярко полыхнуло, по спине пробежали мурашки, и сердце резко скакнуло в груди.

Несколько мгновений Андрей сидел неподвижно. Затем тряхнул головой и сипло проговорил:

– Крутая на вашем телефоне вспышка.

– Ксеноновая, – небрежно сообщил Владимир Иванович. – Как ты себя чувствуешь?

Андрей поморщился от боли в глазах и вымолвил:

– Жить буду. – Затем посмотрел на Владимира Ивановича, моргнул и вдруг воскликнул: – Вот черт! Так вы тот самый. из переулка? Постойте. – Андрей мучительно потер пальцами виски и хрипло проговорил: – Это что же... Выходит, все это было правдой? Черт, теперь понятно, почему у меня так паршиво на душе... Вы меня уже фотографировали, да? Вчера вечером.

– Верно, – признался Чигур. – Но тогда вспышка была выставлена на отрицательный мнемощтрих. А сейчас – на положительный.

– Поэтому я все и вспомнил?

– Да.

– Черт! – Андрей снова поморщился. – Как же мне паршиво... Кто были те люди, которые напали на меня? Откуда они взялись?

Чигур сдвинул кепку на затылок:

– Вопросы, вопросы, вопросы. Когда-то я был таким же любопытным. И вот чем это закончилось. Поверь мне, студент, тебе не стоит знать слишком много. Как сказал Экклезиаст, многие знания умножают многие печали.

– Если вы не заметили, я *уже* знаю слишком много, – сказал Андрей. – Я видел, как уличные бандиты превратились в вампиров. Видел, как вы убили жену олигарха, которая разрывала когтями металлический корпус машины. Этого достаточно, чтобы сойти с ума.

Владимир Иванович немного помолчал, а затем сказал:

– Превратились в стригоев.

– Чего? – не понял Вершинин.

– В стригоев, а не в вампиров. Так вернее. Те гады, с которыми ты схлестнулся на Большой Никитской, – стригои. Нечто среднее между вампирами и оборотнями. А теперь, студент, напрягись и вспомни: ты не замечал за собой слежки? Андрей задумался.

– Несколько раз мне казалось, что за мной следят, – задумчиво проговорил он. – Но я в этом не уверен.

Чигур вздохнул:

– Хреново, студент. Эти зря следить не станут. Наверняка ты что-то у них взял. Ну колись – взял, а?

– Как вам сказать. – Андрей снова поморщился. – Вообще-то, была одна вещь.

– Какая?

Андрей несколько секунд молчал, затем вздохнул и полез в карман куртки. Вынув из кармана перстень, он показал его Владимиру Ивановичу:

– Вот. Его обронила Литовцева. Перед тем, как все началось.

Владимир Иванович прищурил серые глаза и внимательно оглядел вещицу:

– Гм. – Он перевел взгляд на лицо Вершинина: – Ты уже пытался его продать?

– Да. Сегодня утром я заносил его в ломбард. Чигур усмехнулся:

– Хотел заложить чужую вещь? Андрей покраснел:

– Я же не помнил, откуда он у меня.

– Ладно, не напрягайся, – небрежно сказал Владимир Иванович. – Лучше скажи: почему перстень все еще у тебя?

– Когда я отказался продавать перстень за три тысячи рублей, ростовщик тут же предложил мне тридцать. И глаза у него при этом были такие, будто он готов оторвать у меня перстень вместе с рукой. Тогда я запросил. пять тысяч долларов. Чигур присвистнул:

– А он?

– Он согласился.

– Почему же ты его не продал?

– Ростовщик сказал, что у него нет при себе таких денег и просил подождать.

– Чего подождать?

– Пока он позвонит какому-то богатому другу, и тот подвезет деньги. Но пока он звонил, я подошел к двери подсобки и услышал разговор. И этот разговор очень сильно мне не понравился.

– Почему?

– Мне показалось... – Андрей запнулся, но сделал над собой усилие и договорил: – Мне показалось, что они собираются меня прикончить, чтобы забрать перстень. Это, конечно, чепуха, но... – Вершинин поморщился. – Черт, теперь я даже не понимаю, почему так решил.

Поглядывая на перстень, Чигур вновь поскреб пальцами небритую щеку.

– Интересно, интересно. – пробормотал он. – Так, говоришь, ростовщик сильно заинтересовался перстнем?

– Ну да.

– Ты помнишь ломбард, в который заходил?

– Конечно. Он недалеко от Рижского вокзала, рядом с заброшенным складом стройматериалов.

Владимир Иванович иронично прищурился:

– Случалось бывать там и прежде, да?

– Было дело, – признался Андрей. Несколько секунд Чигур думал, а потом сказал:

– Вот как мы поступим. Ты отведишь меня в ломбард и покажешь того ростовщика.

– А дальше?

– А дальше по обстоятельствам.

Владимир Иванович взял в руку трость и поднялся. На этот раз Андрей посмотрел на трость с опаской и уважением, поскольку знал, какое страшное оружие таится в этом неприглядном на вид предмете.

5

В ломбарде было тихо и безлюдно. Мандельштауб сидел за прилавком и разглядывал в лупу какую-то побрякушку. Завидев в дверях Андрея, ростовщик просиял.

– Таки решили вернуться, господин студент? – проговорил он. – И это правильно. Никто не даст вам за перстень лучшую цену. Прошу вас, молодой человек, прошу.

Однако, увидев вошедшего следом Чигура, хозяин ломбарда замер с открытым ртом. По лицу его пробежало что-то вроде судороги.

– Ре... регистратор? – выговорил он и сглотнул слюну.

Чигур сдвинул кепку на затылок, затем поднял трость и положил ее конец на прилавок.

– Стригой Мандельштауб, – холодно сказал он, – на время дознания ты лишаешься привилегий, данных тебе Регистрационной Комиссией. Также сообщаю тебе, что в случае твоего неповиновения я имею полное право стереть тебя в порошок и развеять по ветру. Ты понял меня, стригой?

– Я понял тебя, регистратор, – отозвался Мандельштауб и метнул на Андрея полный ненависти взгляд.

Одно мгновение они смотрели друг другу в глаза, а в следующее Иосиф Самуилович сделал нечто совершенно дикое и неожиданное. Он рыкнул, как хищный зверь, и одним прыжком оказался на прилавке.

Чигур быстро заслонил Андрея, но Мандельштауб молниеносным ударом руки отшвырнул регистратора в сторону.

Владимир Иванович опрокинулся спиной на стол. Ножки стола подломились, и Чигур рухнул на пол вместе со столешницей. Ростовщик же, оскалив огромные клыки, ринулся на Андрея.

Но тут Чигур вскочил на ноги и схватил Мандельштауба за ворот, а затем резко дернул ростовщика на себя и швырнул о стену.

Иосиф Самуилович ударился о стеллаж с товарами и упал на пол. Он хотел подняться, но наконечник трости уткнулся ему под кадык.

– Только дернись, и я сыграю твоей головой в футбол! – проговорил Владимир Иванович. – Я лишаю тебя регистрации, стригой!

– Не имеешь права, регистратор, – прорычал в ответ Мандельштауб.

Владимир Иванович усмехнулся:

– Ошибаешься. Я регистратор с широкими полномочиями. Если понадобится, я могу разрубить тебя на куски и помочиться на останки.

– Хам. – с ненавистью и презрением прошипел Мандельштауб. – Люберецкий жлоб.

– Люберцы не трогай, кровосос. А то огребешь по полной.

Иосиф Самуилович хлюпнул носом и сделал жалобное лицо, а потом вдруг ударил по трости когтистой рукой и прыгнул было к двери. Но Чигур молниеносно выкинул вперед руку, схватил ростовщика пятерней за лицо и сильно дернул.

Раздался жуткий треск, словно кто-то рвал ткань, и кожа с лица Мандельштауба

осталась у регистратора в руке.

В то же мгновение Владимир Иванович выхватил из кармана бутылочку, похожую на газовый баллончик, направил ее на ростовщика и нажал на кнопку.

Облако пара ударило Мандельштаубу в лицо. Тот заорал и рухнул на колени. Там, где кожа была содрана, открылась часть ужасной морды, страшнее которой Андрею не приходилось видеть даже в фильмах ужасов.

Вершинин попятился и хрипло проговорил:

– Что это?

– «Святая вода», – небрежно ответил Владимир Иванович. – Газ из специально синтезированных нейротоксинов. Для человека безвреден. Действует только на стригоев.

– Я не про газ. Я... про это. – И Андрей кивнул в сторону ростовщика.

Мандельштауб, стоя на коленях, пытался приделаться к звериной морде оторванный лоскут кожи.

– Ты испортил мне личину, р-регистратор! – прорычал он. – Знаешь, во сколько она мне обошлась?

– Скажи спасибо, что голова на месте, – отчеканил Владимир Иванович.

Мандельштауб сверкнул глазами и процедил сквозь сжатые зубы:

– Ты превысил свои полномочия, регистратор. Я буду жаловаться твоему начальству.

– Жалуйся, кому хочешь, – холодно обронил Чигур. Затем прищурил голубые глаза и холодно произнес: – Сегодня утром этот парень приносил тебе перстень, и ты согласился заплатить ему пять тысяч долларов. Потом ты вышел в подсобку и кому-то позвонил. Я хочу знать, кому.

Иосиф Самуилович прищурил налитые кровью глаза и глухо пророкотал:

– Я не понимаю, к чему эти вопросы. Я не нарушил условий регистрации. Назначать цену за товар – мое законное право.

Несколько секунд Чигур внимательно смотрел на ростовщика, а потом вскинул трость и хлестнул его плоской стороной по щеке.

Голова кровососа мотнулась в сторону, но тут же вернулась в исходное положение, а из приоткрытого рта вырвалось змеиное шипение.

Владимира Ивановича это, однако, ничуть не смутило.

– Дошипишься, тварь, – с угрозой сказал он и снова поднял трость. – Мне повторить свой вопрос?

Мандельштауб потрогал когтистыми пальцами рубец на щеке, с ненавистью посмотрел на Владимира Ивановича, потом плотно сомкнул губы и отвернулся.

Некоторое время Владимир Иванович размышлял, затем повернулся к полке и взял с нее фотографию в рамочке. На снимке была изображена улыбающаяся брюнетка.

– Твоя супруга? – небрежно осведомился Чигур. – Симпатичная.

Немного помедлив, Владимир Иванович достал из кармана мобильник, нажал на кнопку и прижал трубку к уху.

– Алло, Игнатьев? – сказал он в трубку. – Чигур беспокоит. Будь добр, пошли людей в квартиру стригоя Мандельштауба, пусть задержат его жену. Нет, церемониться не надо. Если окажет сопротивление – применяйте силу.

По уродливому лицу стригоя пробежала судорога.

– Вы не имеете права! – рявкнул он. – Моя жена – человек!

Чигур прикрыл трубку ладонью и сухо проговорил:

– Она связалась с тобой, упырь, и тем самым поставила себя вне закона.

– Хорошо! – выдохнул Мандельштауб. – Ваша взяла! Я все расскажу, только отмените вызов!

Владимир Иванович убрал ладонь и проговорил в трубку:

– Алло, Игнатьев. Вызов на квартиру Мандельштауба отменяется. Да, уже разобрались. И тебе того же.

Убрав телефон в карман, Чигур пристально посмотрел на Иосифа Самуиловича и

сказал:

- Я слушаю тебя, стригой.
- Одну секунду.

Иосиф Самуилович протянул руку и взял со стойки флакон канцелярского клея, затем выдавил несколько капель на лоскут кожи, болтающийся на щеке, и попытался приладить его на место.

Андрей не мог больше смотреть на это без отвращения и тошноты и поспешно отвернулся.

Что-то привлекло его внимание, какое-то едва заметное постороннее движение. Андрей окинул взглядом комнату, затем поднял взгляд на потолок, и рот его сам собой раскрылся от изумления.

Потолок в ломбарде был навесной, составленный из одинаковых квадратиков с вентиляционными отверстиями. И Вершинин готов был поклясться, что по потолку растеклось что-то, похоже на бесцветное, прозрачное желе. Строило ему это понять, как прозрачный студень на потолке завибрировал и стал быстро собираться в комок и словно бы отклеиваться от потолка, густея и приобретая форму и цвет.

Все это происходило очень быстро. Не прошло и трех секунд, как темный сгусток, похожий на человеческую фигуру, подобно огромной капле масла, упал на пол и быстро выпрямился в полный рост, оказавшись лицом к лицу с Андреем.

Это был человек. Высокий, плотный, с розовыми глазами и снежно-белыми волосами. Не успел Андрей справиться с изумлением, как альбинос резко вскинул руку.

Лоб и щеки Вершинина обдало лютым холодом, будто он окунул лицо в прорубь, а потом страшная сила отбросила его в сторону, и он едва не захлебнулся порывом ледяного воздуха.

Грудь пронзила острая боль. На мгновение Андрею показалось, что этот воздух выморозил ему легкие. Он закашлялся и с изумлением понял, что изо рта у него – в облаке белого пара – вылетели мелкие и колкие кусочки льда.

Альбинос быстро скользнул к Владимиру Ивановичу.

– Сзади! – крикнул Андрей.

Повторять дважды не понадобилось. Чигур молниеносно развернулся и занес трость для удара, однако альбинос схватил его руку белыми пальцами и сильно сжал. Раздался треск, и рука Владимира Ивановича покрылась наледью.

Чигур резко ударил альбиноса головой в переносицу. Тот слегка отпрянул, но успел вырвать трость и отшвырнуть ее в сторону. А потом схватил Владимира Ивановича за горло. Лицо Чигура посинело, губы и волосы покрылись инеем. Подрагивая от ледяного холода, Владимир Иванович проговорил:

– Приказываю тебе сдаться, маг. И покажи мне свою регистрацию.

Альбинос усмехнулся:

– Мерзкий человечек. Как смеешь ты указывать мне?

– Ты на моей земле, мороженщик, – выдохнул вместе с паром Владимир Иванович. – Предъяви регистрацию, или я.

– Что ты?

Владимир Иванович усмехнулся и вдруг резким ударом отбросил от себя руки мага. Вцепившись друг в друга, противники закружились по комнате, швыряя друг друга спиной об стену. Комната наполнилась грохотом ударов, облаками пыли, льда и штукатурки.

Поняв, что без его помощи Чигуру не справиться, Андрей схватил стул, выждал момент, размахнулся и изо всех сил ударил альбиноса по белой голове.

Стул разлетелся вдребезги, и незнакомец на мгновение разжал хватку. Чигур воспользовался этим, чтобы выхватить из кармана небольшой красный баллончик, похожий на крохотный огнетушитель.

Струя огня из красного баллончика ударила альбиносу в грудь. Он вскрикнул и в одно мгновение превратился в облачко горячего пара, имеющего очертания человеческой фигуры.

Сотканный из пара призрак вдруг взвился в воздух и устремился к кондиционеру.

– Выдерни вилку из розетки! – закричал Андрею регистратор.

Андрей повернулся к стене, но на пути у него встал Мандельштауб. Схватив Андрея за грудки, он швырнул его в стену.

Вершинин больно ударился спиной, но не упал. Стригой раскрыл пасть, обнажив острые клыки и явно собираясь вонзить их Андрею в шею.

– Пригнись! – крикнул Чигур.

Андрей пригнулся. Клинок Чигура со свистом рассек воздух. Что-то с глухим стуком упало на пол. Вершинин отскочил.

Посреди комнаты, хватая когтями воздух, стояло обезглавленное тело Мандельштауба. А его голова со встрепанными волосами лежала на полу и злобно смотрела на Андрея.

Пока Вершинин приходил в себя, отрубленная голова стригоя раскрыла клыкастый рот и, испепеляя Андрея взглядом, пролаяла:

– Ты заплатишь за это, гаденыш!

Владимир Иванович шагнул вперед и пнул голову. Она взлетела в воздух, перелетела через прилавок, стукнулась об стену и упала в корзину с мусором.

– Там тебе самое место, тварь, – с ненавистью проговорил регистратор. Вытер рукавом плаща потный лоб и добавил: – Жаль, что мороженщика упустили. Шефу это не понравится.

Андрей посмотрел на обезглавленное тело Иосифа Самуиловича, которое все еще ходило по комнате, шаря в воздухе растопыренными пальцами, потом согнулся пополам, и его вырвало.

6

На улице было тепло и солнечно. Андрей и Владимир Иванович сидели на металлической лавочке автобусной остановки. Неподалеку три рабочих-узбека в оранжевых жилетах чинили полотно дороги.

Несмотря на теплую погоду, Андрей, обхватив себя руками за плечи, дрожал и никак не мог согреться.

Все это было похоже на бред. Но это не было бредом. Чигур сидел перед ним – реальный, крепко сбитый, пахнущий потом. А на рукаве плаща у него темнело пятнышко засохшей крови, и Андрей никак не мог заставить себя отвести от этого пятнышка взгляд.

Чигур, поморщившись от боли в обмороженной руке, вытащил из кармана портсигар, вынул пару леденцов и зашвырнул в рот. Хрустнул ими, посмотрел на Вершинина и усмехнулся:

– Как ты, студент? Пришел в себя?

Андрей покосился на него и, трясаясь от холода, процедил сквозь зубы:

– У меня на глазах вы отрезали человеку голову. И эта голова разговаривала со мной. Как я, по-вашему, должен себя чувствовать?

– Да, – проговорил Чигур, – к этому не так просто привыкнуть. Но насчет говорящей головы не парься. Это остаточный рефлекс. После того как отрубишь голову стригую, она еще секунд десять может болтать и кусаться. Тебе еще повезло, что она не попыталась тебя цапнуть.

– И что было бы, если бы она меня цапнула?

– Ничего хорошего. Кровь стригоя ядовита для человека. Однако на каждого действует по-разному. Тут все зависит от индивидуальной переносимости. Но в основном те, кого кусают стригои, становятся обращенными.

– Стригиями? – уточнил Андрей.

Чигур мотнул головой:

– Да нет. Говорю же – *обращенными*. Это что-то вроде тяжелой болезни. Малокровие, светобоязнь, патологические изменения внутренних органов... Ну и прочие прелести, о

которых даже не хочется говорить.

– Это излечимо? – поинтересовался Вершинин.

– На ранней стадии – да. Но ранняя стадия длится всего пару часов. Ладно, студент, пора заканчивать эту историю.

Чигур достал из кармана мобильник. Андрей нахмурился.

– Опять отрицательный мнемострих? – с опаской спросил он.

Регистратор не ответил. Андрей сглотнул слюну и уточнил севшим от волнения голосом:

– Когда сработает вспышка, я все забуду, верно?

– Не все, – спокойно возразил Владимир Иванович. – А только то, что связано со мной и тварями, которых ты видел. Прежде чем я тебя сфотографирую, давай уладим формальности.

– Какие?

Чигур прищурился:

– Сынок, перстень Бафомета все еще у тебя. Подари мне его.

Андрей молчал, хмуря лоб и разглядывая пятно грязи на своей коленке.

– Давай скорей, – поторопил его Владимир Иванович. – Я тебя сфотографирую, и мы больше никогда не увидимся. Ты заживешь прежней жизнью, и все будет тип-топ.

– А если я не хочу жить прежней жизнью?

– Чего?

– Что, если я не хочу жить прежней жизнью? – повторил Андрей.

Владимир Иванович хмуро усмехнулся:

– Боюсь, у тебя нет выбора, парень.

Вершинин несколько секунд размышлял, затем сказал:

– Ладно, пусть будет по-вашему. Но сперва ответьте мне на несколько вопросов. Вы ведь все равно потом сотрете все из моей памяти, так что вам нечего терять.

Регистратор поскреб ногтями небритую щеку:

– Гм. Что ж, пожалуй, ты прав.

Затем покосился на Андрея и вдруг ударил его кулаком в лицо. Тот едва успел отшатнуться.

– Вы чего? – удивленно и обиженно воскликнул Вершинин.

Чигур посмотрел на скамейку, нахмурился и качнул головой:

– Да так, ничего. Скажи-ка, студент, ты когда-нибудь занимался боксом?

– Нет, – ответил Вершинин, опасливо поглядывая на Чигура. – А что?

– Перед тем как я тебя ударил, ты сидел на десять сантиметров ближе.

– И что с того?

Чигур поднял взгляд и посмотрел Андрею в глаза:

– Либо у тебя реакция, как у Кличко, либо...

– Либо что?

Владимир Иванович несколько секунд молчал, словно о чем-то раздумывая, потом вздохнул и сказал:

– Ладно, студент, даю тебе десять минут. Спрашивай – я буду отвечать. В конце концов, я тоже давно ни с кем не говорил откровенно, и для меня это будет чем-то вроде сеанса психотерапии.

– Что это был за альбинос? – спросил Андрей. – И как он превратился в пар?

– Это мороженщик, – просто ответил Чигур.

– Кто?

– Маг воды. Родом из Лагора. Он управляет водной стихией. Может простым прикосновением пальца сделать из лужи облако пара. А потом заморозить это облако, превратив в сверкающий шар льда. С тобой он собирался сделать что-то подобное, но ты оказался слишком ловок.

– Он хотел меня заморозить? – не поверил своим ушам Андрей.

– Тело человека на семьдесят процентов состоит из воды, если ты не знал. И

прикоснись он к тебе – ты бы мгновенно превратился в глыбу льда.

– А почему он не превратил в эту глыбу вас?

– Потому что я регистратор и кое-что умею. Есть еще вопросы?

– Есть. – Андрей помолчал, посмотрел на проезжающие мимо машины, затем облизнул сухие губы и сказал: – Значит, Мандельштауб был не человек.

Владимир Иванович покачал головой:

– Нет. Я ведь уже говорил тебе, он был стригоем.

– Нечто среднее между вампиром и оборотнем?

– Да.

– И он... это делал?

– Что именно?

Вершинин секунду помедлил, а потом выговорил:

– Сосал из людей кровь?

Чигур усмехнулся и снова покачал головой:

– Нет. Он из «смирившихся».

– Как это?

– Женат, воспитывает дочерей. Два года назад открыл ломбард. Людей не убивал, да и кровь их не пил. По крайней мере, замечен в этом не был.

Андрей передернул плечами:

– А как же он... питался?

– Так же, как другие «смирившиеся». Слышал о донорском движении?

– Конечно. Я сам сдавал кровь. Мы всем курсом ходили.

– Всем курсом? – удивился Владимир Иванович. – Зачем?

Андрей слегка покраснел.

– Чтобы не писать на контрольную по христианской апологистике, – нехотя признался он. – За то, что мы сдали кровь, препод нам всем поставил четверки автоматом.

– Ясно. А ты в курсе, что настоящими основателями донорского движения были стригои?

– Как это?

– А вот так. Им надоело обхаживать скотобойни, вот они и придумали всю эту бодягу с донорской кровью. Люди сдают кровь и считают себя героями, стригои пьют донорскую кровь и не трогают людей. В итоге – все довольны.

– И что, вся донорская кровь уходит стригоям?

– Нет, конечно. Ну, то есть сперва так и было. Но с каждым годом нажим со стороны контролирующих органов усиливается, и стригоям перепадает все меньше и меньше нашей кровушки.

– Надо же. – Андрей покачал головой. – Никогда бы не подумал.

– И не подумаешь, – с усмешкой проговорил Чигур. – Еще вопросы?

– Да. Вы сказали, что мороженщик прибыл сюда из Лагора. Что такое Лагор?

– Видишь ли, студент. Во Вселенной существует множество миров. И Лагор – что-то вроде буферной зоны. В Лагоре обитают два вида существ. Первый – маги, второй – рыцари. Внешне они живут мирно, однако на самом деле терпеть друг друга не могут. Между ними идет постоянная непримиримая борьба.

Андрей обдумал его слова и кинул:

– Ясно. Значит, маг-мороженщик прилетел сюда на космическом корабле? И маг авгур тоже?

– На космическом корабле. – с усмешкой повторил Владимир Иванович. И покачал головой: – Ну нет. Есть гораздо более дешевые и доступные способы. Ты что-нибудь слышал о космических струнах и червоточинах в пространственно-временном поле?

Андрей напряг память. Ему припомнились лекции по введению в современное естествознание, которые читали на втором курсе.

– Если мне не изменяет память, – медленно заговорил он, – червоточины – это что-то

вроде дверей между мирами. А космические струны – это волновые искажения пространства, с помощью которых за одну секунду можно преодолеть миллионы километров.

Чигур посмотрел на Андрея с уважением:

– Ну и ну. Подкованная нынче молодежь. В свое время мне понадобилось не меньше месяца, чтобы все это осознать. А ты за десять секунд разложил по полочкам. Да, студент, перейти из одного мира в другой не так уж и сложно. Если знаешь как. Но знают это немногие. Нужно обладать особыми способностями, чтобы уметь открывать Портал.

– Портал?

– Ну, Проход. Называй как хочешь, сути не меняет. Открыть Проход могут лишь человек пятьсот из шести миллиардов жителей Земли.

– А вы?

– Я? – Чигур усмехнулся и покачал головой: – Нет, студент, я этого делать не умею. Раньше у нас в конторе были люди, способные открывать Проход. Но сейчас на это способен только наш шеф. Хотя, есть еще двое, но о них тебе лучше не знать.

– Почему?

– Потому что кончается на «у».

– А сами жители Лагора? Они умеют открывать Проход?

– Гораздо лучше, чем мы, люди.

Вершинин потерял виски. Поверить во все это было трудно. Но после того, что он видел, труднее было не поверить.

– Значит, Лагор – это что-то вроде перекрестка миров?

Чигур кивнул:

– Да. – Он посмотрел на часы: – Твое время истекает. Еще вопросы есть?

– Парочка. Вы – регистратор, так?

– Так.

– И что это значит?

– Видишь ли. Гостям, прибывшим к нам легально, нужно где-то работать и вообще как-то обустраиваться в нашем мире. Наша контора, ну то есть Регистрационная Комиссия находит им работу, выправляет документы и помогает решать проблемы.

– И что нужно для того, чтобы вы кому-то помогли?

– Да все как обычно. Заявление в Регистрационную Комиссию, копия удостоверения личности из родного мира, фотография в своем родном облике и еще одна – в человеческой личине, приобретенной на законных основаниях в мастерской, имеющей соответствующую лицензию на изготовление и продажу. Вот, собственно, и все. Мы проверяем по своим каналам благонадежность гостя и, если все в порядке, даем ему разрешение на проживание в нашем мире. Коротко говоря – регистрацию.

– И много на Земле таких гостей? Владимир Иванович улыбнулся:

– К счастью, нет. Наш мир пользуется во Вселенной дурной славой. Но есть миры и похуже нашего. Особенно те, в которых обитают ликаны и стригои. Вот там настоящий ад. В сравнении с ними Земля выглядит неплохо.

– А если кто-то из гостей проникает в наш мир нелегально или занимается здесь, э-э, несанкционированной деятельностью?

– Тогда мы переходим к репрессивным мерам. А что такое «репрессивные меры» – это ты уже видел.

– Да уж. – Андрей вспомнил, как холодно и умело Чигур прикончил Литовцеву и Мандельштауба, и передернул плечами.

– Если пришелец не желает возвращаться в свой мир или в Карантинную Зону Лагора, – продолжил Владимир Иванович, – я имею право уничтожить его. А скажу тебе как на духу, нелегалы редко соглашаются вернуться в Карантинную Зону добровольно. Они умело маскируются, и вычислить их бывает очень нелегко.

– Да, я видел, как вы порвали стригою маску.

– Личину, – поправил Чигур. – Мы называем их личинами. Это маскировка, созданная с

применением нанотехнологий. Она имитирует живую человеческую ткань и при незначительных повреждениях способна самовосстанавливаться.

– Круто, – сказал Андрей. – Но лицо Литовцевой превратилось в звериную морду. Почему личина ее не защитила?

– Потому что ткань личины подчиняется импульсам, которые посылает мозг. Когда гость теряет над собой контроль, происходит сбой, и сквозь искусственное лицо проступает истинный облик гостя. Именно это ты и видел.

Андрей обдумал слова регистратора и спросил:

– Регистрация и отлов нелегалов – это ведь не вся ваша работа?

– С чего ты взял? – насторожился Чигур. Вершинин пожал плечами:

– Сам не знаю. Просто все, что вы рассказали, выглядит как-то. слишком банально, что ли.

– Вот как? Значит, пришельцы и множественность миров – это для тебя банально? Лихо! – Чигур несколько секунд с любопытством разглядывал Вершинина, а затем, прищутив холодные глаза, проговорил: – Вообще-то, ты прав. Есть и еще кое-что. Но об этом тебе знать не обязательно.

– Почему?

– Потому что кончается на «у». Все, парень, пора заканчивать. – Владимир Иванович поднял телефон. – Давай сюда перстень, студент. И сделай это с улыбкой, чтобы высшие силы видели, что ты отдаешь его добровольно.

Андрей вздохнул и полез в карман за перстнем. Достал, повертел в пальцах, наблюдая за игрой света в багровом камушке. Потом протянул регистратору. Тот хотел взять перстень, но Андрей сжал руку в кулак.

Брови Владимира Ивановича съехались на широкой переносице.

– Не понял. Ты что задумал?

– Вы ведь не можете забрать у меня перстень вопреки моему желанию? Так?

– Студент, если это шутка, то плохая.

– Я не шучу. Мир устроен совсем не так, как я думал. Теперь я знаю правду – и не хочу ее забывать.

Глаза регистратора сузились.

– Хочешь собрать доказательства и удивить мир? – сухо осведомился он.

Андрей покачал головой:

– Нет. Но я не хочу быть безмозглой овцой на скотобойне. Я хочу знать о мире, в котором живу, все.

Владимир Иванович усмехнулся:

– Ишь ты! А слышал поговорку: «Меньше знаешь – крепче спишь»?

– Слышал, – хмуро сказал Вершинин. – Но я не люблю поговорки.

Несколько секунд регистратор и студент смотрели друг другу в глаза. Андрей не отвел взгляда.

– Да ты, я вижу, крепкий орешек, – проговорил Владимир Иванович – Что ж. Определенный смысл в твоих словах, конечно, есть. Но знаешь что. Покажу-ка я тебе один фокус.

С этими словами Чигур сунул руку в карман плаща и достал очки в старомодной черной оправе.

– Дай руку.

– Какую? – растерялся Вершинин.

– Какую не жалко, – с усмешкой ответил Чигур. – Давай любую.

Андрей протянул левую. Владимир Иванович выпрямил одну из дужек очков и легонько провел ею Андрею по пальцу. Ребро у дужки оказалось острым, как лезвие ножа, и на пальце у Андрея выступила капля крови. Вершинин хотел было отдернуть руку, но Чигур схватил его за предплечье, а потом по очереди приложил к порезу стекла очков.

– Готово, – сказал он, растерев кровь по стеклам большим пальцем. – А теперь надень.

– Зачем? – нахмурился Вершинин.

– Надень и узнаешь.

Андрей взял очки, недоверчиво их оглядел, а затем осторожно надел.

– Ну? – недовольно спросил он. – И что дальше? Что я должен.

Вершинин осекся. Расширившимися от ужаса глазами он смотрел на ремонтников в оранжевых жилетах и касках. Вместо человеческих лиц у тех были собачьи морды.

– Это. Это.

– Ликаны, – сказал Владимир Иванович. – Некоторые предпочитают называть их оборотнями. Эй, гастарбайтеры!

Ремонтники повернули головы в его сторону.

– Как насчет регистрации и разрешения на работу? – крикнул Владимир Иванович.

Гастарбайтеры с собачьими головами переглянулись. Один из них улыбнулся, оскалив острые зубы:

– Обижаешь, начальника! Все естя! Тыри дня назад регистратор Семенов проверял!

– Ладно, работайте!

Ремонтники вновь занялись полотном дороги, а Владимир Иванович посмотрел на бледное лицо Вершинина и ухмыльнулся:

– Ну? Как тебе такое кино?

На лбу у Андрея выступили капли пота.

– Как это получается? – тихо спросил он.

– Если смажешь стекло свежей кровью, оно превращается в Око Правды, – объяснил Чигур.

– Почему именно кровь?

– А черт его знает. В нюансы я не вникал. Слышал только, что это как-то связано с верой иудеев в то, что душа человека находится у него в крови. Ну? Впечатлился? Теперь отдашь мне перстень?

Андрей снял очки и вернул Чигуру. Затем покачал головой и сказал:

– Нет. Я хочу узнать больше.

Владимир Иванович уставился на Вершинина удивленным взглядом:

– Гм. А ты упрямее, чем я думал. И как ты намерен это сделать?

– Буду рядом с вами. Всюду, куда вы пойдете. Владимир Иванович недовольно крикнул:

– А если я пойду в сортир?

– Полагаю, это риторический вопрос, – спокойно сказал Андрей. – Если хотите, чтобы я отдал перстень, вам придется взять меня в стажеры.

– Мне не нужен балласт, – отчеканил регистратор.

– Понимаю. Но у вас нет выбора.

Владимир Иванович помолчал. Потом усмехнулся и процедил сквозь зубы:

– Упрямый, черт. Ладно. Пожалуй, тебя действительно стоит проверить на стационарном дефиниторе. Тем более что способности у тебя есть, и немалые.

– Что такое дефинитор? – насторожился Андрей.

– Что-то вроде дыбы. Только выглядит современнее. – Владимир Иванович вынул из кармана мобильник, нажал цифру «1» и произнес: – Марьяна Роща. СВ-триста сорок-двадцать пять.

7

Не успел Чигур убрать телефон в карман, как возле остановки притормозила вишневая «Лада-приора» с тонированными стеклами.

Чигур поднялся со скамейки:

– Пошли, студент!

Андрей тоже встал. Он скептически оглядел машину и уточнил:

– А «мерседесов» и «лексусов» у вас в автопарке нет?

– Мы стараемся быть неприметными. Андрей усмехнулся и заметил:

– Станный для Москвы метод.

Он двинулся вслед за регистратором. Забираясь в салон, удивленно спросил:

– Она что, ездит на автопилоте? Чигур вздохнул:

– Как же ты меня утомил своими вопросами. Вот погоди, потеряю терпение, отберу у тебя перстень, а самого выброшу на тротуар.

– Вчера вечером вы так и сделали, – сказал Андрей. – Но больше я этого не допущу. А попробуете забрать перстень силой – превратитесь в прах.

Чигур тихо выругался, затем положил руки на руль и мягко тронул машину с места. Руля одной рукой, он достал из кармана портсигар, вытряхнул из него красный леденец и забросил в рот. Некоторое время он молчал, потом заговорил снова.

– Видишь ли, студент, по матушке-земле, помимо нас, людей, шляется много разных тварей, которых можно назвать разумными, – сказал он, похрустывая леденцом. – Но есть три мерзкие породы. Первую ты уже видел – это стригои. В их мире сейчас голодуха, вот они и рвутся к нам.

– Чтобы сосать кровь? Владимир Иванович кивнул:

– Точно.

– А у себя они занимались тем же?

– Нет, конечно. Их мир сильно отличается от нашего. Но по химическому составу с их жратвой может сравниться только свежая человеческая кровь. Вторая порода – маги. Эти гады обитают в Лагоре. Я про него тебе уже рассказывал. С их соседями, рыцарями-лагорийцами, у нас проблем нет. Эти парни никому не мешают. А вот маги в нашем мире – частые гости.

– И что им от нас нужно?

– Да кому что. Некоторые подпитываются от нас энергией. Она их, видите ли, возбуждает и делает счастливее. Другие – в основном молодые маги – развлекаются, устраивая здесь что-то вроде сафари. Эти придурки вяжутся в драки, уверенные, что из любой схватки выйдут победителями.

– И как, выходят?

Владимир Иванович прищурил холодные глаза и ответил:

– Когда у них на пути попадаюсь я – нет. Но самые опасные из магов – это те, кого приводит сюда жажда власти. Эти пытаются прогнать наш мир под себя. Становятся пророками, волхвами, диктаторами, великими реформаторами, ну и так далее. Таких прищучить сложнее всего – над ними сияет ореол славы. Лет этакнадцать назад выковыривали мы одного такого из Кремля. – Чигур осекся и покосился на Андрея. – Но эту историю я рассказывать не стану.

– Почему?

– Потому что на папке с этим делом стоит код «Строго секретно». Профессиональный кодекс, понял?

Андрей хмыкнул. Несколько секунд он молчал, раздумывая над услышанным. Потом уточнил:

– Значит, все пророки, все крупные политики, о которых мы знаем из истории, были пришельцами из других миров?

– Не все. Но процентов сорок точно. Среди нынешних магов есть модное течение. Они, видите ли, уверены, что когда-то их предки правили землей. И даже имена называют.

– Какие?

– Хорошо тебе известные. Зевс, Гефест, Люцифер, Один, Перун, Сварог. В общем, ты понял.

Лицо Вершинина вытянулось от изумления. Он испытующе посмотрел на регистратора – уж не издевается ли? – а потом недоверчиво спросил:

– Они что, думают, что боги, которых выдумало человечество, были магами из Лагора?

– Выдумало, говоришь? – Владимир Иванович усмехнулся и покачал головой: – Нет,

брат. Маги уверены, что эти боги существовали на самом деле. Что они могли управлять природными стихиями. Вызывали землетрясения, потопа, двигали материки, выводили народы из пустыней, выжигали поселения, засыпали пеплом города... Одним словом, куражились как хотели. Но потом их власти пришел конец.

– Почему?

– Потому что люди повзрослели и перестали верить в богов. – Владимир Иванович вдохнул и неприязненно добавил: – Говорю тебе, студент, у этих ребят настоящая мания величия.

– Ладно, значит, стригои – первая порода, – сказал Андрей, глядя на проносящиеся мимо рекламные щиты и неоновые вывески баров и магазинов. – Маги – вторая. А третья – это оборотни?

Чигур кивнул:

– Точно. Эти раньше других стали у нас появляться. Один регистратор хорошо о них написал. Погоди, как там у него было?.. Ага, вспомнил... «Нечеловечий дух. Нечеловечья речь. И песьи головы поверх сутулых плеч». Точнее и не скажешь.

– Где-то я эти стихи уже слышал. – проговорил Андрей и наморщил лоб, припоминая. Затем сокрушенно вздохнул и качнул головой: – Нет, не помню. А какие еще гости тут бывают?

– Много разных, – ответил Владимир Иванович. – Но эти три мерзкие породы чаще всего попадают у нас на пути. Лет шестьдесят назад *там...* – Чигур указал пальцем вверх, – даже подумывали запретить им сюда въезжать. Но либералы подняли вой о всеобщих и естественных правах на свободу передвижения. Дело получило громкий резонанс, и закон похерили еще в черновом варианте. Так теперь и живем: то мы их, то они нас.

Вершинин понимающе кивнул.

Вдруг Чигур чертыхнулся и остановил машину.

– Чтоб тебя. – проворчал он. – Пробка за пробкой. – Затем посмотрел на панель управления, перевел взгляд на Андрея и, лукаво прищурившись, спросил: – Хочешь фокус?

Глаза Вершинина загорелись любопытством.

– Какой фокус?

– Видишь красную кнопку на панели?

– Ну.

– Хочешь нажать?

– А что будет, если нажму? Владимир Иванович хмыкнул:

– Резонный вопрос. А ты нажми – и посмотришь. Или боязно?

– Боязно? Мне?

Вершинин пожал плечами, протянул руку и нажал на кнопку. В то же мгновение страшная сила вдавила Андрея в кресло, а прямо перед машиной открылось что-то вроде перламутрового коридора, и весь окружающий мир растворился, стал прозрачным и нереальным.

– Что происходит? – испуганно крикнул Вершинин.

Владимир Иванович криво ухмыльнулся:

– Технология будущего. Мы движемся по свободному пространственному потоку, который генерирует двигатель.

– Как это?

Регистратор поморщился:

– Слишком много вопросов. Я регистратор, а не научный консультант. Поэтому просто наслаждайся поездкой.

Андрей облизнул пересохшие губы:

– А сколько наслаждаться-то?

– Все, считай, уже насладился.

Чигур снова нажал на красную кнопку – и тут же давление, прижавшее Андрея к

креслу, ослабло, а через секунду вовсе сошло на нет.

Перламутровый туннель исчез, и машина, вынырнув на улицу буквально из воздуха, проехала еще метров десять и остановилась возле большого серого здания, стены которого были украшены барельефами, а крыша – двумя скульптурами, знакомыми Андрею с детства.

Глава третья Тайная линия

1

Мы что, на ВВЦ?

– В точку, – усмехнулся Чигур.

– Невероятно!

– Кончай базар и вытряхивайся из машины. Андрей быстро выбрался наружу и огляделся. Несмотря на сгущающиеся сумерки, народу на ВВЦ было много. Молодняк катался на роликах. В кафе сидели люди и пили пиво. Откуда-то доносилась негромкая приятная музыка. Неподалеку красовалась ракета, давно превращенная в аттракцион.

– Невероятно! – снова повторил Вершинин.

– Топай за мной, – скомандовал Владимир Иванович и, постукивая об асфальт старенькой тростью, зашагал к павильону «Космос». Андрей двинулся за ним.

В этом павильоне Вершинин бывал и раньше. В детстве – с братом Егором, который много рассказывал о полетах. А как стал постарше – с девушками. Где еще гулять влюбленным парочкам, как не на ВВЦ?

Внутри павильона царил странная деловитая суета. Ходили люди в милицейской форме, ездил по рельсам платформа с кинокамерой и оператором. Какой-то человек с мегафоном в руке отдавал невнятные приказания.

– Кино, что ли, снимают? – уточнил Андрей у Владимира Ивановича.

Тот кивнул:

– Угу. Про ментов и бандитов.

Проходя мимо съемочной площадки, Андрей всмотрелся в лица актеров.

– Что-то знакомое, – проговорил он – и вдруг догадался: – Погодите. это что, «Глухарь»?

– Привет, Макс!¹ – поздоровался с кем-то Чигур.

– Здравствуйте, Владимир Иванович!

Лысый актер подмигнул Андрею и лучезарно улыбнулся. Андрей открыл было рот, но Чигур схватил его за плечо и втолкнул в какой-то маленький темный коридорчик:

– Нам сюда.

Пройдя несколько шагов, они остановились у стены. Чигур быстро огляделся, достал из кармана мобильник и нажал на кнопку. Прямо в стене появилась неприметная дверь, а на ней небольшая табличка с надписью: «Фирма «Линия»»

– «Линия»? – удивился Андрей.

– Да. Так мы называемся. Для маскировки. – Владимир Иванович распахнул дверь и ввел Вершинина в небольшое помещение, похожее на приемную.

За столом сидела скусающая шатенка лет тридцати, с замысловатой прической и объемистой грудью, туго обтянутой зеленым платьем. Накрашена она была так ярко, словно собиралась на вечеринку.

– Первой красавице «Линии» – мое почтение! – поприветствовал Владимир Иванович. – Зинуль, Хорос у себя?

Женщина скользнула по Андрею любопытным взглядом и кивнула:

¹ Макс – Максим Аверин, российский актер театра и кино; известен как исполнитель главной роли в сериале «Глухарь».

– Да. Два часа назад приехал.
– Как он сегодня?
– Неопределенно. Но аура вроде светлая. Я о вас сообщу. Она протянула руку к коммутатору и нажала на кнопку.
– Да, – отозвался из динамика властный баритон.
– Шеф, они приехали.
– Отлично. Володя, ты меня слышишь?
– Да, шеф! – с готовностью отозвался Чигур.
– У меня сейчас посетитель. Освобожусь минут через десять. Погуляйте пока по офису, хорошо?

– Как скажете, шеф! Э-э...
– Что-то еще?
Чигур кашлянул в кулак и проговорил с легким смущением:
– Шеф, а можно я проверю парня на дефиниторе?
– Да, конечно. Но только если он сам не возражает. Чигур посмотрел на Андрея, подмигнул ему и громко проговорил:
– Он не возражает!
– Тогда проверяй. Только без фанатизма. За парня отвечаешь головой.
– Заметано, шеф!

Зина убрала палец с кнопки коммутатора. Затем протянула руку к небольшой серой панели на стене и легонько нажала на нее. Одна из стен, казавшаяся до сих пор монолитной и гладкой, бесшумно отползла в сторону, открыв проход в широкий светлый коридор.

Чигур кивнул Зине и двинулся к проходу. Андрей, кое-как справившись с удивлением, заспешил следом. Дверь за их спинами так же бесшумно закрылась.

– Как я уже сказал, у тебя есть потенциал, – говорил Владимир Иванович, шагая по коридору мимо одинаковых серых дверей. – Иначе ты бы не смог увернуться от когтей стригоя. Не говоря уже про ледяную лапу мороженщика.

Андрей сдержанно уточнил:

– Значит, у меня есть способности?
– Есть. Но не знаю, насколько они велики. Твой потенциал свернут.
– И как же мне его развернуть?
– Есть много способов.

Они остановились у двери с табличкой «Комната отдыха».

– Сначала сюда, – сказал Владимир Иванович, берясь за ручку.

Он открыл дверь и первым шагнул внутрь. Андрей с колотящимся от волнения сердцем вошел за ним.

В небольшой комнате на стенах были развешаны железные шкафчики, а посередине стоял круглый стол. За столом сидели двое мужчин и одна женщина. Женщина была высокая, худощавая, с гладко зализанными назад черными волосами.

Ближе всех к двери сидел толстяк с широченными плечами, утрюмым лицом, густо покрытым шрамами, и копной кудрявых русых волос.

Вторым мужчиной был молодой, щеголеватый брюнет, одетый в серый, с иголки, костюм и белую шелковую рубашку. Завидев Андрея, брюнет подмигнул ему как старому знакомому. Андрей вспомнил, что уже видел брюнета раньше. Это был водитель Чигура, Игорь.

Все трое пили кофе с пирожными. Верзила кивнул Чигуру и Андрею, а затем продолжил прерванный их приходом рассказ:

– Ну, тогда я его сразу дезактиватором, а вдогонку – серебряным клинком. Но живучий попался, гад. Только я дезактиватор убрал, как он мне сразу в мозги влез. Хорошо, что клинок все еще под рукой был.

Чигур показал Андрею на кожаное кресло, стоявшее в углу, а сам прошел к крайнему шкафчику, набрал код и открыл дверцу. Верзила посмотрел на Владимира Ивановича и

весело сказал:

- Чигур, хочешь расскажу, как я завалил трех ликанов-нелегалов одной АРГ-шкой?
- Не хочу, – сказал Владимир Иванович. – Шефу по ушам катайся, а мои – не казенные.

Верзила вздохнул:

- Грубиян ты, Чигур. За это тебя и начальство не любит.
- Зато стригои боятся.

Женщина посмотрела на Андрея, улыбнулась и спросила:

- Хочешь пирожное?
- Нет, спасибо, – вежливо ответил Вершинин со своего кресла.
- Зря отказываешься, – сказал ему бугай. – Она сама испекла. Вкуснее не найдешь.

Даже я ем, хотя сладости ненавижу.

Андрей скользнул взглядом по его фигуре и заметил:

- А по вам не скажешь. Здоровяк нахмурился:
- Где ты нашел этого остряка, Чигур?
- Купил на распродаже, – ответил Владимир Иванович. – Два по цене одного.
- А где второй?
- Потерял по дороге. Если хочешь, можешь пойти поискать. – Он закрыл дверцу шкафа, повернулся к Андрею и сказал: – Чего сидишь? Идем!

Они снова вышли в коридор. Прошли метров пять и остановились возле широкой железной двери с никелированными ручками-поручнями. Чигур взялся за поручни и толкнул дверные створки. Поразительно, но подались они с невероятной легкостью.

- Заходи! – скомандовал Владимир Иванович.

Андрей вошел и остановился в удивлении. Комната оказалась просторным офисом. Ни окон, ни ламп Вершинин не увидел, но зал был освещен ярким, равномерным светом.

Вдоль стен стояли черные деревянные шкафы, набитые папками. За пластиковыми матовыми перегородками стояли столы с оргтехникой.

За одним из столов сидел парень. На экране его компьютера Андрей успел увидеть зеленое поле с игральными картами. В дальнем конце офиса на двух сдвинутых кожаных диванчиках сидели пожилой мужчина и девушка. Они курили, пили кофе и что-то обсуждали.

- Нам сюда! – сказал Чигур и свернул налево.

Над письменным столом склонилась стройная светловолосая девушка в белом халате.

– Анна Резник, – шепнул Владимир Иванович Андрею. А затем окликнул: – Привет, Анюта!

Девушка выпрямилась и обернулась. У нее было красивое строгое лицо и необычайной глубины синие глаза.

- Здравствуйте, Владимир Иванович. – Она перевела взгляд на Андрея: – Новенький?
- Не совсем. Надо бы проверить потенциал этого паренька.
- К какому времени нужно?
- Чем быстрее, тем лучше.

На лбу девушки обозначились морщинки.

- Вообще-то, я сейчас готовлю полугодовой отчет.

– Я в долгу не останусь, – просто сказал Чигур. Девушка замолчала. Потом улыбнулась и неуверенно проговорила:

– Владимир Иванович, вы же знаете, что я не пью. После того случая с сумасшедшим ликаном.

– А кто говорит про выпивку? – перебил Чигур. Он достал из кармана плаща большую шоколадку и протянул девушке. – Подарок из Швейцарии!

Девушка на мгновение задумалась, потом быстро глянула по сторонам и тихо сказала:

- Ох, Владимир Иванович, умеете вы уговорить девушку. Ладно, давайте.

Она взяла шоколадку и положила в карман халата. Потом прошла к пластиковой ширме, из-за которой торчало что-то похожее на советский рентген-аппарат.

Чигур подмигнул Андрею и тихо сказал:

– Работа в «Линии» съедает много энергии, особенно у женщин. Им, конечно, выдают специальные стимуляторы, но разве стимуляторы заменят настоящий шоколад?

– А как насчет ваших леденцов? – поинтересовался Вершинин. – Вы, я вижу, тоже равнодушно к сладкому?

– К сладкому?

Владимир Иванович достал из кармана алюминиевый портсигар, щелкнул кнопкой и вынул один леденец. Протянул Андрею:

– Попробуй.

Вершинин взял леденец, осмотрел его, понюхал, затем осторожно лизнул. Язык дернуло, как током, и Андрей от неожиданности выронил леденец на пол.

– Что? Не понравилось? – Чигур хрипло засмеялся. – Это и есть стимуляторы, о которых я говорил. У всех сотрудников «Линии» есть кое-какие способности. Но реализация этих способностей требует энергии.

Андрей все еще чувствовал во рту кисло-сладкий привкус. В голове у него посвежело, словно он умылся холодной водой.

– Значит, эти леденцы – что-то вроде батареек?

– Угу, – ответил Владимир Иванович, – что-то вроде. Анна вышла из-за ширмы, и Андрей заметил, что ее губы слегка испачканы шоколадом. Она окинула фигуру Андрея взглядом и приказала:

– Раздевайтесь до пояса.

– Снизу или сверху? – уточнил Вершинин.

– Сверху. Ваш низ здесь никого не интересует.

Он хмыкнул и принялся неторопливо раздеваться. Анна тем временем отодвинула ширму и пробежалась пальцами по клавиатуре ноутбука, стоявшего на специальной подставке и присоединенного к рентген-аппарату.

– Что это за машина? – опасливо спросил Андрей.

– Дефинитор АИ-54, – объяснила она. – Вы разделитесь?

– Да.

Блондинка щелкнула клавишей, и передняя – прозрачная – панель аппарата отъехала в сторону.

– Входите и становитесь в голубой круг, – распорядилась Анна.

Андрей подошел к аппарату, на секунду остановился, а затем решительно шагнул внутрь. Заметив под ногами голубой круг, он встал ровно в центр.

– Повернитесь лицом ко мне, – скомандовала Анна. Вершинин повернулся. Девушка кивнула:

– Так, хорошо. А теперь поднимите руки и вставьте их в голубые пазы.

Андрей поднял голову, поискал глазами пазы и вставил в них кисти рук. Раздался мягкий щелчок, и никелированные зажимы мягко захватили его руки. Андрею это не понравилось, но делать было нечего.

Передняя панель закрылась, и Вершинин почувствовал себя зверьком, пойманным в ловушку.

– Так, – сказала Анна, колдуя над клавиатурой. – Теперь не шевелитесь.

Монитор компьютера, стоявший к Андрею боком и видимый лишь отчасти, засветился, и на нем запрыгала красная шкала. Два деления. Три. Четыре. Снова два.

Лица Владимира Ивановича и Анны вытянулись от удивления.

– Ничего не понимаю, – проговорил Чигур. – Может, дефинитор глючит?

Девушка, не сводя удивленного взгляда со шкалы, отрицательно качнула головой:

– Исключено. Я час назад тестировала его на себе. Где вы взяли этого парня, Владимир Иванович?

– На улице подобрал.

Андрей кашлянул, привлекая внимание:

– Не очень-то это вежливо – обсуждать меня вот так.

Однако слова его, кажется, остались неслышанными.

– У него необычный маркер, – тихо сказала Анна, продолжая разглядывать дисплей. – И шкала без ярко выраженной поляризации. Никогда такого не видела... Пожалуй, можно выходить.

Она нажала на кнопку, и прозрачная панель, отделяющая Андрея от внешнего мира, вновь отъехала. Зажимы, державшие его руки, разомкнулись.

– Выходи, студент! – сказал Чигур.

Андрей вышел и быстро натянул на себя футболку и куртку.

– Оделся? – снова обратился к нему Владимир Иванович. – А теперь присядь. Надо поговорить.

Андрей сел на стул. Вид у него был хмурый. Владимир Иванович и Анна встали напротив. Первым заговорил Чигур:

– Скажи-ка, студент, с тобой случалось что-нибудь необычное?

– Кроме того, что вчера я дрался со стригоями, а сегодня чуть не превратился в снеговика?.. – Андрей покачал головой: – Нет.

– Вы уверены? – вмешалась в разговор Анна. – Постарайтесь вспомнить.

– А чё со мной должно было случиться?

– Способности, даже в такой свернутой и скрытой форме, как у вас, должны были как-то проявиться, – объяснила Анна. – Хотя бы косвенно.

– Хотите сказать, что я феномен?

– В каком-то смысле да. Но очень необычный. Или в вас сочетается множество одаренностей, как полезных, так и никчемных. Или.

– Или что?

Девушка хотела ответить, но Чигур перебил:

– Слушай, студент, а может, ты спортом занимаешься?

– Вообще-то, занимаюсь.

– Каким?

Вершинин сдвинул брови и нехотя ответил:

– Кендо.

– Кендо? – Владимир Иванович непонимающе приподнял брови. – Это что? Типа карате?

– Бой на бамбуковых мечях, – ответила вместо Вершинина синеглазая Анна. – Тренирует тело, закаляет волю и дисциплинирует разум. Я правильно говорю?

Андрей слегка смутился;

– В общем, да.

– И как успехи? – оживился Владимир Иванович. – Надеюсь, ты чемпион?

– Успехи пока средние, – ответил Андрей. – Сэнсэй говорит, что я не чувствую противника. И что не умею выкладываться по полной. «Когда вы делаете что-то, вы должны сжечь себя дотла, сгореть, как хороший костер, не оставив никакого следа», – процитировал Андрей. И добавил: – Я не умею сгорать дотла.

Лицо Чигура снова посмугнело.

– Зачем же тогда занимаешься? – хмуро осведомился он.

Андрей пожал плечами:

– Сам не знаю. Тянет. Чигур вздохнул:

– Значит, спорт здесь ни при чем. – Он потер пальцами колючую щеку, посмотрел на Анну и задумчиво проговорил: – Потенциал остался неопределенным.

– Ничего, – успокаивающе сказала Анна. – Хорос его прощупает.

У Андрея от этого «прощупает» неприятно засосало под ложечкой.

– А может, вы сами как-нибудь справитесь? Судя по всему, ваш шеф – очень занятой человек. Зачем тревожить его понапрасну?

Девушка посмотрела на Андрея своими небесно-голубыми глазами, улыбнулась и вежливо сказала:

– Мы должны выявить ваш дар, чтобы раскрыть его. А раскрыть в человеке его дар, особенно такой свернутый, как у вас, – это посложнее, чем диагностировать язву желудка по фотографии.

Сравнение с язвой желудка Вершинину совсем не понравилось. Он даже подумал, не отдать ли Чигуру перстень и не слинять ли отсюда. Однако сомнения его длились всего несколько секунд.

– Ладно, – вздохнул он. – Пусть прощупывает. Но если ваш Хорос попробует сделать со мной что-нибудь непотребное, я не посмотрю, что он ваш начальник. Ясно излагаю?

Владимир Иванович и Анна переглянулись, и Андрей заметил, что они едва сдержали улыбки.

2

Кабинет шефа «Линии» был просторным и светлым. Посреди него располагался широкий стол, а вокруг стола – несколько кожаных кресел.

Сам Хорос стоял спиной к окну, засунув руки в карманы. Он был в белом кашемировом свитере, коротко стрижен и с сильной проседью, а лицо его – гладко выбритое, загорелое – было похоже на лицо отставного военного или врача.

Хорос смотрел на долговязого темноволосого человека, сидевшего в кресле. Тот был очень худ, скверно одет, а в волосах у него ярко светилась седая прядь.

– Гармата, твоему поступку нет оправдания, – сухо проговорил Хорос. – Ты вел поиски перстня тайно, не поставив в известность «Линию». Ты даже не сообщил, что перстень находится на Земле. Ты засветился во многих местах, попал в больницу и позволил врачам осмотреть себя. В конце концов, ты нелегально пересек границу нашего мира. Нам сильно повезло, что перстень так и не попал в руки Менериху. Что ты скажешь в свое оправдание, рыцарь Гармата?

– Только то, что я спешил, – смиренно ответил долговязый. – У меня не было времени зарегистрироваться.

– Но ты мог хотя бы сообщить мне о своем прибытии, – с упреком проговорил шеф «Линии». – Или у тебя не было времени даже на это?

Долговязый Гармата сдвинул брови и сказал тем же тихим и спокойным голосом, что и прежде:

– Прости, Хорос. Я думал, ты сам почувствуешь.

– У меня и так куча дел. Я не могу напрягаться каждый раз, когда какой-нибудь нахал нелегально вторгается в наш мир. Для этого есть регистраторы. – Заметив усмешку, промелькнувшую в глазах рыцаря, Хорос сухо добавил: – Впрочем, у них тоже много дел, и они не могут разорваться на части. В общем, так, Гармата. Нелегальное пересечение границы миров я тебе прощаю. Но ты должен ответить за то, что спугнул мага авгура и стригу Литовцеву. Сегодня же я извещу твое начальство в Лагоре.

Долговязый почтительно склонил голову:

– Делай то, что должен, благородный Хорос.

Тут раздалось какое-то шипение, и в воздухе перед лицом Хороса развернулся мерцающий экран размером с большую книгу. На экране появилось лицо, и негромкий голос проговорил:

– Элои, Хорос. Ами рута Гарма адо мирра ата. Шеф «Линии» посмотрел на экран и перебил:

– Говорите по-человечески, у меня декодер барахлит.

Раздался легкий щелчок, и вслед за тем с экрана полилась человеческая речь:

– Благородный Хорос, мы просим тебя отослать рыцаря Гармату в Лагор. У нас тут случилось небольшое ЧП, и Инквизитор Ротгер требует его присутствия.

Хорос кивнул:

– Хорошо. Что-то еще?

Существо на экране проговорило с легким смущением:

– Гармата сообщил нам, что согласовал с «Линией» все свои действия. Так ли это и не допустил ли он самоуправства?

Шеф «Линии» посмотрел на Гармату. Тот сидел в своем кресле со спокойным, смиренным лицом. Хорос перевел взгляд на мерцающий в воздухе экран и сказал:

– Гармата согласовал свои действия с Регистрационной Комиссией и со мной лично. Мне не в чем его упрекнуть.

– В таком случае конец связи, – ответил голос. Вновь послышался легкий щелчок, и экран свернулся. Гармата склонил голову:

– Спасибо тебе, благородный Хорос!

– Не стоит благодарности, – ответил шеф «Линии». – И запомни, рыцарь: если это повторится еще раз – я сообщу твоему руководству. Этого требует Универсальная Инструкция, и нарушать ее вторично я не собираюсь.

– Я это запомню, – вежливо сказал Гармата. Потом приподнял черную бровь и так же вежливо произнес: – Хорос, могу я кое о чем спросить?

– Спрашивай, – кивнул шеф «Линии».

– Как перстень снова оказался в вашем мире?

– Ты ведь знаешь, что много лет назад я имел неудовольствие столкнуться с Менерихом в Кремле?

– Да, я это знаю.

– Из той давнишней схватки я вышел победителем. Менериха я заточил... сам знаешь куда. А перстень Бафомета отправил в вечное скитание по мирам. Я сделал так, чтобы передвижения перстня были спонтанными и чтобы он не задерживался ни в одном из миров дольше пяти секунд. Но силы, создавшие перстень Бафомета, вложили в него что-то вроде жажды самореализации. Несколько дней назад перстень снова появился в нашем мире. Всего на несколько секунд, однако место для появления было выбрано идеально.

– Что это было за место? – поинтересовался рыцарь Гармата.

Хорос усмехнулся:

– Уличный лоток с бижутерией. В тот миг, когда перстень появился там, возле лотка остановилась женщина. Некая Алла Крутова, владелица ресторана «Купава». Перстень привлек ее внимание. Как только Крутова взяла перстень с лотка и посмотрела на него алчущим взглядом, его скитаниям пришел конец.

Гармата нахмурился и вздохнул. Хорос продолжал:

– Как видишь, все просто. Но занятость помешала мне узнать о появлении перстня вовремя.

– Хорос, что будет, когда перстень попадет в руки Менериху?

– Он откроет Заповедные Врата и выпустит зло, которое дремало несколько тысяч лет.

– А почему Менерих действует через подставных лиц? И где он сам?

Хорос прищурил холодные темные глаза и презрительно проговорил:

– Залег на дно. Он знает – стоит ему высунуться, как я это тут же почувствую. Думаю, он объявится в самый последний момент, когда у нас уже не останется времени, чтобы остановить его.

– И когда наступит этот момент?

– Через три дня. А точнее. – Хорос поднял руку и посмотрел на серебряный хронометр, – через семьдесят три часа, сорок минут и шесть секунд. – Шеф «Линии» опустил руку. – Но я вижу, начальство даже не потрудилось подготовить для тебя досье. Это прискорбно.

Гармата чуть склонил голову, как бы признавая факт попустительства, но не считая себя вправе поддерживать критику собственного начальства, из чьих бы уст она ни исходила. А затем спросил:

– Заповедные Врата можно открыть только в определенный час?

Хорос кивнул:

– Да.
– А если Менерих опоздает?
– Тогда ему придется ждать еще сто лет. А может быть, и больше. Тут нужны точные расчеты. Еще вопросы есть?
– Только один. Менерих – маг? Хорос нахмурился:
– Точно не знаю. Его сущность скрыта. Но если он маг, то самый сильный из всех, каких мне довелось встречать. А уж я их много перевидал. Это все?
Рыцарь кивнул:
– Да.
– Тогда свободен.
Гармата поднялся с кресла, низко поклонился Хоросу, повернулся и зашагал к двери.

3

– Далеко еще идти? – спросил Вершинин. Чигур качнул головой:
– Нет. Здесь рядом.
Он остановился посреди коридора и полез в карман за своим портсигаром с леденцами.
– А кто такой этот шеф? – спросил Андрей.
– Начальник «Линии».
– И что в нем такого особенного?
– Кроме того, что он гений, – ничего. Я знал много хороших регистраторов, студент. И всему, что они умели, они научились у Хороса. Благодаря ему мы можем противостоять гостям.
– Может, не будем его тревожить? – осторожно сказал Вершинин. – У него наверняка много дел.
Владимир Иванович усмехнулся:
– Не дрейфь. Шеф может размазать нас по стене одним взглядом, но он милосерден: если размажет, то сделает это быстро и безболезненно.
Андрей хмыкнул:
– Спасибо, утешили. Значит, это Хорос научил вас размахивать тростью? Что ж, трость – это сила. Пожалуй, самое страшное оружие, какое мне довелось увидеть.
Вершинин усмехнулся и добавил:
– Удивительно, как это ваши гости до сих пор вас не перебили. Должно быть, они не так сильны, как кажутся.
Владимир Иванович нахмурился. Холодно посмотрел на Вершинина и сказал:
– Трость, говоришь? Хм. Давай-ка кое-куда зайдем.
– Куда?
– Сейчас увидишь.
Идти пришлось недалеко. Остановившись перед дверью с табличкой «Лаборатория», Чигур приложил палец к сенсорной панели. Раздался легкий щелчок, и железная дверь слегка приоткрылась. Чигур взялся за ручку, глянул на Андрея и предупредил:
– Только помалкивай. Сан Саныч не любит болтунов.
Вершинин усмехнулся и сделал характерное движение – словно застегивал рот на молнию.
Трескучий старческий голос из-за двери окликнул:
– Чигур, долго ты еще будешь там мяться? Заходи или проваливай к черту!
Лаборатория, в которую они вошли, оказалась невероятно большой и была совершенно не похожа на предыдущий офис. Стены ее были обиты стальными панелями, и это придавало ей вид отсека космического корабля.
Посреди лаборатории, у широкого железного стола, стоял невысокий коренастый старик в белом халате. Редкие седоватые волосы были всклокочены. Глаза скрывали толстенные линзы очков, а под длинным носом топорщились седовато-бурые усы.

Сан Саныч недовольно покосился на непрошенных гостей, но не прервал своего занятия. На столе перед ним стоял какой-то сложный механизм из пластика и металла, и старик сосредоточенно ковырял его крохотной отверткой.

Владимир Иванович негромко проговорил:

– Сан Саныч, это наш новый стажер. Мы только что от Анны Резник, и, кажется, у паренька большой потенциал. Я покажу ему наши игрушки, не возражаешь?

– Когда ты прислушивался к моим возражениям? – проворчал старик.

Владимир Иванович усмехнулся, дал знак Андрею следовать за ним и двинулся к дальней стене лаборатории. По пути он взял со столика пульт, направил его на стену и нажал на кнопку. Стена бесшумно отползла в сторону, открыв огромный стенд.

Андрей ахнул. Весь стенд был увешан оружием, плотно сидевшим в специальных ячейках-пазах. В некоторых образцах Вершинин без труда опознал пистолеты, автоматы и арбалеты. Другие своей необычной обтекаемой формой больше напоминали маленькие ракеты или болиды.

Были и совсем странные вещи – такие, что непонятно было, за что там следует братья и на что нажимать. Однако сомнений в том, что это именно оружие и что оно обладает огромной разрушительной силой, не оставалось.

Владимир Иванович внимательно наблюдал за реакцией Андрея, и, судя по довольной ухмылке, реакция эта ему понравилась.

– Ну как, студент? Впечатляет?

– Не то слово, – выдохнул Андрей. – А вот это что?

– Арбалет. Стреляет серебряными стрелами. В каждой – взрывной заряд.

– Разрывные серебряные стрелы? Вот это да! А что вон там, белое?

– «Светоч Месмера». Выжигает гостям сердце и кровеносную систему. Для людей почти безвреден.

– Почти?

– При легком поражении – легкий обморок.

– А при тяжелом?

– При тяжелом – тяжелый.

– А это – пистолет? Чигур покачал головой:

– Нет. Дезинтегратор. Рассеивает противника на молекулы.

– Жесть! А это что за зеркало?

– «Зеркало», – передразнил Владимир Иванович. – Это щит-отражатель. Преобразует энергию мага в энергию с противоположным знаком.

– Как?

– Молча.

Вершинин отвел взгляд от зеркального щита, шагнул к стенду и потянулся было к небольшому никелированному пистолету-автомату, который, казалось, сам просился в руки.

– Осторожно, студент.

– Можно мне подержать автомат? Владимир Иванович хмыкнул:

– Разбежался. Чтобы пользоваться этим оружием, нужно быть сотрудником «Линии».

– Тем более что каждый четвертый ствол – прототип и существует в единственном экземпляре, – проговорил своим трескучим голосом Сан Саныч, оторвавшись от работы.

Владимир Иванович снял со стенда маленький черный пистолет и протянул его Андрею:

– Вот это можешь подержать.

Тот взял пистолет, взвесил на ладони.

– И чем он отличается от обычного?

– Стреляет разрывными пулями, начиненными серебряной шрапнелью.

– Вы не шутите?

– Нет, студент, не шучу. Серебро обладает кучей свойств, многие из которых до конца не изучены. Помимо прочего, серебро – природный антисептик. А наши гости – что-то вроде

инородного тела. А что бывает, когда в руку вонзится заноза?

– Кожа воспаляется.

– Верно. А чтобы этого не случилось, рану обрабатывают антисептиком. Аналогия ясна?

– Яснее некуда. А что это под стволом?

– Дезактиватор. Гости часто применяют энергию, аналогов которой на Земле нет. Особенно этим грешат маги. Вытворяют такое, что диву даешься. Те энергии, что они используют, чужды нашему миру и выглядят как настоящая магия. Впрочем, ты и сам это видел.

– А дезактиватор гасит эти энергии?

– Молодец, соображаешь. Это как если бы на фонарик, включенный в мире вечного мрака, кто-то набросил покрывало.

Сан Саныч за спиной у Андрея недовольно проговорил:

– Чигур, своими сравнениями ты примитивизируешь сложные вещи.

Владимир Иванович пожал плечами:

– Я делаю сложные вещи понятными. Студент, тебе ведь понравились мои сравнения?

– Угу, – отозвался Вершинин, разглядывая оружие.

– Вот и хорошо. А теперь отдай ствол и отойди от стенда.

– Может, дадите мне подержать что-нибудь покруче?

– Может быть, и дам. Но в другой раз. Если, конечно, этот другой раз когда-нибудь наступит.

Владимир Иванович вставил пистолет в паз. Затем взял пульт и нажал на кнопку.

Стальная стена вернулась на свое место, закрыв стенд. Андрей испытывал легкое разочарование от того, что ему не дали как следует рассмотреть супероружие.

Чигур повернулся к хозяину лаборатории:

– Над чем работаешь, Сан Саныч?

Тот хмыкнул, взял со стола механизм, в котором до этого ковырялся отверткой, и посмотрел на Андрея:

– Паренек, помоги надеть.

Вершинин шагнул к мастеру, взял из его рук механизм и удивился тому, каким легким он оказался.

– Вот так, – сказал Сан Саныч. – А теперь я надену это на плечи. Держи ремни, чтобы я не запутался. Так... А теперь подтяни ту серебристую пряжку.

Андрей сделал все, как он говорил. Теперь Сан Саныч стоял перед ним с механизмом за плечами и напоминал парашютиста, готового к прыжку.

– И что дальше? – поинтересовался Чигур.

– Дальше? – Сан Саныч лукаво блеснул линзами очков и вдруг исчез.

Андрей от неожиданности попятился и наткнулся на стол, а Владимир Иванович сдвинул кепку на затылок и с любопытством уточнил:

– Камуфляж?

– Точно, – ответил ему голос Сан Саныча.

Чигур кивнул и вдруг шагнул вперед и схватил руками воздух в том месте, откуда доносился голос. Невидимый старик рассмеялся, и смех этот прозвучал сразу с нескольких сторон.

– Неплохо, – одобрил Владимир Иванович, опуская руки. – И как ты это делаешь?

– Не я, а камуфляж, – сказал Сан Саныч. – В него встроены фальш-ретрансляторы. Мой голос звучит в одном месте, а сам я в это время нахожусь в другом. То же и с тепловым образом. В бинокль ночного видения меня не разглядишь. Пока камуфляж работает, я практически неуязвим.

Тут Сан Саныч бесшумно возник из воздуха прямо перед Чигуром. Владимир Иванович с восторгом посмотрел на механизм и поинтересовался:

– Дашь поносить?

– Нет, – ответил мастер. – Он еще не готов. Во включенном состоянии он сильно «светится». Ты ведь не хочешь, чтобы у тебя выпали все волосы и вывалились зубы?

– Не хотелось бы, – признался Владимир Иванович.

– Вот и я о том же. – Сан Саныч дернул щеточкой усов и добавил: – Сейчас как раз пытаюсь стабилизировать внутренний защитный экран.

– И когда доделаешь?

– Через день или два. Если, конечно, ты не продолжишь водить сюда экскурсии и отвлекать меня от работы.

Чигур усмехнулся:

– Ладно, Сан Саныч, не ворчи. Я уже уматываю.

– Студента своего не забудешь? Чигур хмыкнул:

– Такого забудешь. Идем, пора показать тебя шефу. Когда они снова оказались в коридоре, Владимир Иванович насмешливо посмотрел на Вершинина и спросил:

– Ну как? Впечатлен?

– Еще бы, – честно признался Андрей. – Хотя.

– Что такое? – приподнял бровь Чигур.

– У вас тут много всяких гаджетов, и все они обалденные. Но вы что-то говорили о способностях. Если у вас действительно есть суперспособности, то для чего вам столько приспособлений?

Владимир Иванович сдвинул брови и объяснил:

– Мы всего лишь люди, студент. Мы быстрее двигаемся, метче стреляем, лучше прыгаем и плаваем, сильнее бьем и медленнее устаем. Хорос сделал нас такими. Он дал нам источник энергии, способный поддерживать сверхсилу. Но мы не маги, студент. Наши силы – силы человека, хотя и удесятенные. Не каждый выдержит такую нагрузку. Поэтому Хорос привлекает на службу только самых сильных и одаренных. Ладно, думаю, он нас уже ждет. Идем!

– Можно еще один вопрос? Регистратор нахмурился, но кивнул:

– Валяй.

– Ваш офис – почему его не видно снаружи?

– Потому что его не существует в нашем мире, – просто ответил Чигур.

Андрей недоверчиво прищурился:

– Хотите сказать, что это все. – он обвел рукой стены, – существует в какой-то параллельной реальности?

Владимир Иванович кивнул:

– Угу.

– И кем этот мир населен? – с прежним недоверием уточнил Вершинин.

– Нами, – ответил Чигур. – Наш шеф Хорос создал этот мир усилием воли. Он небольшой: если мне не изменяет память, всего двести квадратных метров.

Андрей обдумал его слова, потом с опаской посмотрел на стену и слегка отступил от нее. После чего снова посмотрел на Чигура и тихо спросил:

– Владимир Иванович, ваш начальник – бог? Регистратор покачал головой:

– Не думаю. Хотя никто из нас не знает его истинной сущности. Хорос – хранитель Маятника. И этим делом он занимается так долго, что уже и сам позабыл сколько. А может, не позабыл, а просто не хочет говорить об этом с нами, простыми смертными.

– А что такое Маятник?

По лицу Чигура пробежала тень. Он недовольно покосился на Андрея, как бы прикидывая, не стереть ли ему память прямо сейчас, пока не стало слишком поздно.

– Забудь про то, что я тебе сказал, – сухо обронил он. – Хорос – наш шеф, и этим все сказано.

– А.

– И никаких больше вопросов про Хороса. Андрей послушно замолчал.

Владимир Иванович Чигур обожал и боготворил своего шефа. Он понимал, что чувства эти скорее были бы уместны для пятнадцатилетней девочки, хранящей под подушкой фотографию любимого актера, однако ничего не мог с собой поделать. Да и не пытался.

Он прекрасно помнил тот день. Осенний, пасмурный. С утра накрапывал холодный дождь. Помнил Чигур и воду в ручье – ледяную, обжигающую холодом до самых костей. Он выбрался из ручья, упал на пожухлую траву и понял, что дальше идти не может. Ног он не чувствовал, но знал, что через минуту онемение превратится в адскую боль.

Он лежал на траве и вглядывался в хмурое небо, уверенный, что это последний раз, когда он может смотреть на него так спокойно, никуда не торопясь.

В отдалении послышался собачий лай – предвестник надвигающегося ужаса. Несмотря на вялость, охватившую Чигура, сердце в груди судорожно скакнуло. На мгновение у него возникло ощущение дежавю. Это уже было с ним. Не раз и не два. Собачьи клыки, брызги крови и ошметки одежды. А затем грубый окрик на немецком и очередь из автомата, пущенная поверх головы.

Ну уж нет. Пусть сегодня он сдохнет, но не будет смиренно ожидать казни. Он еще поборется. Поборется... как боролся всегда. Чигур сцепил зубы, перевернулся на живот и попробовал подняться. Рывок – и вот он на ногах.

Постоял несколько секунд, покачиваясь и обретая равновесие, затем сделал шаг, другой, третий. Острая боль пронзила ступни, на секунду Чигур потерял сознание. Он не почувствовал удара от падения. А когда пришел в себя, обнаружил, что снова лежит на земле, а собачий лай раздается совсем близко, в каких-нибудь двадцати метрах от него.

– Конец. – хрипло прошептал Чигур распухшими губами.

И тут кроме собачьего лая, который, казалось, заполонил собой все вокруг, Чигур услышал отрывистые звуки немецкой речи.

Он подумал, что испытает животный ужас, как бывало всегда, когда он слышал немецкую речь. Но ничего такого не случилось. Он просто лежал на траве и смотрел на небо. На страх не осталось сил.

Когда из кустов вынырнули две огромные овчарки, он лишь повернул голову и безразлично посмотрел на них. Остановившись на мгновение, псы злобно уставились на Чигура, затем оскалили клыки и ринулись в ручей. Секунда, две – и вот они уже снова на твердой земле.

И тут случилось нечто такое, что по всем раскладам тянуло на чудо. Между Чигуром и собаками выросла мужская фигура.

Когда псы прыгнули, человек отступил на шаг, поймал их руками за загривки и прямо в воздухе столкнул головами. Раздался отвратительный хруст, злобные твари упали на землю. Еще два пса вынырнули из кустов и, завидев близкую жертву, без промедления бросились в ручей. Незнакомец поднял руку и прошептал что-то. Брызги воды, поднятые собаками, застыли в воздухе, а сами они остановились как вкопанные с раскрытыми пастьми, из которых не вылетало ни звука.

«Он остановил время», – подумал Чигур, и почему-то мысль эта его совершенно не удивила.

Незнакомец повернулся к Чигуру. Несмотря на гражданскую одежду – сапоги, брюки, телогрейка, – выправка у мужчины была военная, а лицо – спокойное и суровое, как у человека, привыкшего к опасности и знающего, как ей противостоять.

Незнакомец посмотрел на Чигура глазами, цвет которых невозможно было уловить, затем протянул руку:

– Идем, Володя. У нас не так много времени. Чигур ухватился за его руку и поднялся на ноги. Как ни странно, ступни снова повиновались ему, а нечеловеческая боль, скручивающая и разрывающая пальцы, куда-то ушла.

Немецкая речь и лай собак все еще звучали в отдалении, однако ощущение было такое,

словно они не приближаются ни на пядь, а блуждают вокруг, как голоса потерявшихся в пространстве и времени призраков.

– Кто вы? – тихо спросил незнакомца Чигур.

– Зови меня Хорос, – ответил тот. – Я пришел за тобой, потому что у тебя есть способности. Иначе говоря – дар.

– Дар?

Он кивнул:

– Да. Это твой четвертый побег из концлагеря. Чигур усмехнулся и сказал:

– Меня каждый раз ловили.

– Верно, – согласился Хорос. – Но ты все еще жив. Выносливость, нестигаемость, упорство – вот то, ради чего я пришел за тобой.

– Это и есть мой дар?

– Все, что мы имеем, мы получили в дар от нашего Создателя.

– Даже злобу и ненависть? Хорос кивнул:

– Даже их. Я отведу тебя в расположение четвертой дивизии. Службу ты продолжишь в разведроте.

– Но.

– Я позабочусь о том, чтобы у тебя не было проблем, – сказал Хорос, предугадав все вопросы Чигура. – Война скоро закончится, Володя. Но для тебя она продлится.

– И с кем же я буду воевать? С фашистами? Хорос покачал головой:

– Нет.

– Тогда с кем?

– Со временем ты это узнаешь. А пока от тебя требуется только одно.

– Что?

Хорос проговорил негромко, но отчетливо:

– Не подведи меня.

С тех пор прошло более полувека. Годы почти не оставили на теле Чигура своих разрушительных следов. Так, пара морщин да небольшая залысина. Энергетические леденцы не только помогали восстанавливаться после тяжелой работы, но и препятствовали износу организма, продлевая жизнь.

Чем бы ни занимался Чигур, за какое бы дело ни брался, он всегда помнил эти слова: «Не подведи меня». Иногда он чувствовал себя самураем, преданным слугой или даже верным псом, готовым отдать за хозяина жизнь. Но сравнение это не было унижительным. Чигур и впрямь готов был броситься в адское пекло, если на то будет воля Хороса.

Кроме того, он не мыслил себя без службы в «Линии». Служба эта давала Чигуру две вещи. Во-первых, вкус к жизни. Хандра и тоска давно убили бы регистратора, если бы он не подвергал себя смертельной опасности. А во-вторых, граничащая с самодовольством гордость от владения тайным знанием. В отличие он миллиардов землян, Чигур знал о существовании других миров и о тайных пружинах, приводящих в движение Вселенную.

Потому-то он так хорошо понял Андрея, когда тот говорил об овцах на скотобойне. И потому испытал настоящую радость, когда понял, что студент обладает мощным даром, пусть и в скрытом виде. И сейчас, шагая к кабинету всемогущего начальника, Владимир Иванович искренне надеялся, что Хорос подтвердит способности парня.

* * *

Они остановились. Чигур снял кепку и пригладил волосы.

– Владимир Иванович, а Хорос – это имя или фамилия? – тихо спросил Андрей.

– Скорее прозвище, – ответил Чигур.

Он кашлянул в кулак и хотел постучать. Но дверь открылась сама. В коридор вышел очень высокий, худой черноволосый мужчина. Окинув Чигура и Андрея беглым взглядом, он отвернулся и быстро зашагал по коридору. Андрей посмотрел ему вслед и спросил:

– А это кто?

– Понятия не имею, – ответил Чигур.

Он поднял руку и трижды коротко постучал.

– Войдите! – отозвался голос.

Владимир Иванович распахнул дверь, положил руку Андрею на плечо и слегка подтолкнул его вперед:

– Толай, студент!

Волнуясь, как школьник перед экзаменом, Андрей переступил порог и вошел в кабинет. Он увидел широкий стол и несколько кресел. У окна, сунув руки в карманы, стоял высокий мужчина в белом кашемировом свитере.

Мужчина обернулся, и Андрей увидел открытое, гладко выбритое лицо, похожее на лицо отставного военного или врача.

– Добрый день! – поприветствовал мужчину вошедших. – Присаживайтесь, пожалуйста.

Владимир Иванович и Андрей уселись в кресла, на которые указал мужчина. Чигур положил кепку на колени, посмотрел на Хороса и спросил:

– Кто это был, шеф?

– Ты о ком?

– О долговязом парне, с которым мы столкнулись.

– А... этот... Так, один мой помощник.

– Я думал, что знаю всех ваших помощников, – сказал на это Чигур.

– Он из внештатных, – пояснил шеф и тут же сменил тему: – Так что там у вас случилось в ломбарде? Расскажи со всеми подробностями.

Чигур сделал жалостливое лицо и попросил:

– Шеф, а может, сами считаете? Уж больно долго рассказывать.

Хорос прищурил глаза. Они у него были неопределенного цвета – то ли темно-серые, то ли светло-карие.

– Я думал, ты не любишь, когда я роюсь у тебя в голове, – спокойно произнес шеф.

– Не люблю, – признался Чигур. – Но происшествие неординарное. Боюсь что-нибудь упустить.

– Хорошо. Нагни голову.

Чигур наклонил голову, и шеф, вытянув руки, прижал указательные пальцы к его вискам.

– Вспоминай, – сказал он.

Некоторое время регистратор и его начальник смотрели друг на друга, но взгляды у них были разными. У шефа – спокойный взгляд уверенного в себе человека, у Чигура – что-то вроде неясного испуга перед силами, которые он не мог себе как следует представить.

Через несколько секунд глаза Чигура расширились и перестали мигать. Хорос убрал руки от головы своего подчиненного.

– Да, – неопределенно проговорил он. – Все это действительно настораживает. – Затем перевел взгляд на Андрея: – Думаю, вам какое-то время придется держать перстень при себе. Вас это не затруднит?

Вершинин, заранее благоговей перед всемогущим начальником «Линии», смущенно покачал головой:

– Нет, нисколько.

– У этого парня большой потенциал, – с непонятной гордостью сказал Чигур. – Но он свернут.

Несколько секунд шеф смотрел на Андрея. Взгляд его был спокойным и вежливым, но Андрею почему-то подумалось про рентгеновский аппарат, способный просвечивать человека насквозь.

– Да, – сказал наконец шеф. – Способности действительно есть. Но раскрыть их будет непросто. А при таком сильном сжатии – даже опасно.

– Мы с Анной тоже так решили, – кивнул Чигур. – Вот я и подумал, шеф: может, вы займетесь им лично?

Хорос задумчиво побарабанил длинными пальцами по столу. Потом посмотрел Андрею в глаза и вежливо спросил:

– Андрей, а вы действительно этого хотите?

– Хочу, – ответил тот. – Если что-то пойдет не так, вы сотрете мне память, и я заживу прежней жизнью. Верно?

– Так. Но метод стирания памяти не совсем безопасен. Владимир Иванович вам, наверно, об этом уже говорил?

Андрей покачал головой:

– Нет.

Хорос посмотрел на Чигура:

– Володя, это правда?

– Не было времени объяснять, – оправдался тот.

– Тогда объясни сейчас.

– Как скажете. – Владимир Иванович повернулся к Андрею: – Первые недели две после стирания ты будешь испытывать приступы немотивированного беспокойства. Скорее всего, увидишь пару-тройку кошмарных снов. Но, в любом случае, это лучше, чем то, что тебе довелось увидеть вчера и сегодня. А потом, дней через десять или даже меньше, беспокойство и паника уйдут. Ты снова обретишь спокойствие, даруемое неведением.

Хорос устремил взгляд на Вершинина:

– Что вы теперь скажете, Андрей?

– Скажу, что две недели беспокойства я как-нибудь переживу. Да и в ваши силы я верю.

– Если так, то мы можем приступить прямо сейчас. Но прежде я хочу ввести вас в курс дела. Чигур уже рассказал вам, кто мы?

– Да, – кивнул Андрей. – Вы – филиал Регистрационной Комиссии, в просторечии – «Линия».

– Филиал? – Хорос усмехнулся и покачал головой: – Нет. Мы – головной офис. Так уж исторически сложилось, что главный центр находится в Москве. Когда-то давно он был в Египте, потом – в Риме, еще позже – в Византии. Ну а после падения Константинополя в 1453 году головной офис «Линии» обосновался в Москве.

– Здесь что, больше всего мигрантов? – осторожно поинтересовался Андрей.

– Как ни странно, да, – ответил шеф. – В России им жить удобнее, поскольку здесь не так всё э-э... заорганизовано, как в Европе. В основном сюда приезжают ликаны, стригои и кэрроги. Кто-то скрывается, набедокулив в своем мире, кто-то ищет приключений, кто-то – заработка. Большинство проживает в Москве и в окрестностях. Поближе к центральному офису «Линии».

– Но я знаю одного стригоя, который уже семь лет безвылазно живет в Албании, – сообщил Чигур. – Причем место жительства он выбрал сам.

Хорос кивнул:

– Да, попадают и такие оригинальные типы. К сказанному добавлю, что основная задача «Линии» – предотвращать проникновение в наш мир нелегалов и персон нон-грата. А также следить за тем, чтобы пришельцы не устраивали между собой разборок и не наносили вреда коренному населению.

– К примеру, чтобы не хлестали из людей кровь, – добавил Чигур.

– Совершенно верно, – снова кивнул шеф. – Короче говоря, чтобы гости соблюдали законы нашего мира и не совершали противоправных действий. Ну, а теперь... – Хорос пристально посмотрел Андрею в глаза и вежливо улыбнулся, – откиньтесь на спинку кресла и попытайтесь расслабиться. Понимаю, что в данных условиях сделать это будет непросто...

– Может, включить ему расслабляющую музыку? – предложил Чигур.

– Думаю, обойдемся и так. – Хорос положил ладонь Андрею на лоб. – Закройте глаза.

Андрей облизнул пересохшие от волнения губы и закрыл глаза. Ладонь у шефа

«Линии» была прохладная и твердая.

– Расслабьтесь, – сказал он. – Думайте о чем-нибудь приятном.

«Расслабишься тут», – хмуро подумал Вершинин. Однако, вопреки ожиданию, не прошло и нескольких секунд, как его охватила приятная дрема. Где-то в отдалении зазвучала тихая музыка, а сквозь нее пробивались негромкие голоса.

– Странная аура.

– И я о том же, шеф.

– Но потенциал действительно высок. И он очень неровный. То поднимается до пика, а то опускается до среднего уровня. и даже ниже.

– Да, необычно. Как думаете, что у него за способности?

Шеф ответил после паузы:

– Что-то связанное с психомоторикой. Но все очень расплывчато. А вот маркер очень интересный. Очень ясный и контрастный маркер.

– Вы встречали такое раньше?

– Всего два раза. И ты, конечно, понимаешь, о каких случаях я говорю.

Последовала недолгая пауза, после которой Чигур глухо пробормотал:

– Ну дела. Выходит, этот парень.

Окончания фразы Андрей не расслышал. Голоса Чигура и шефа стали уплывать, делаться невнятными и тихими, как далекий плеск волн, потом умолкли совсем. Теплая река подхватила Андрея и понесла по своим волнам. Он погрузился в черный, глубокий сон без сновидений.

Когда Андрей пришел в себя, он увидел, что Хорос сидит в кресле, но на него уже не смотрит. Взгляд шефа был устремлен на нечто, висящее в воздухе прямо перед его лицом. Это был прямоугольный полупрозрачный экран.

Человек на экране почтительно проговорил:

– Благородный Хорос, Инквизитор Ротгер просит тебя прибыть в Лагор. У него к тебе важный разговор.

– Что за разговор? – сухо уточнил Хорос.

– Точно не знаю. Он сказал лишь, что это связано с перстнем Бафомета и с Заповедными Вратами, которые тот должен открыть.

Шеф «Линии» посмотрел на часы и сказал:

– Передайте Его Светлости Ротгеру, что я сейчас буду.

Экран свернулся и исчез. Хорос повернулся к Андрею.

– К сожалению, я должен ненадолго отлучиться, – сказал он. – Вы не возражаете, если мы закончим позже?

– Не возражаю, – ответил на это Андрей. – Но только если Чигур снова покажет мне ваш арсенал.

Хорос вежливо улыбнулся и сказал:

– Не вопрос. Володя, покажи нашему гостю все, что он захочет.

– Сделаю, шеф.

– И не забудь: за его безопасность отвечаешь головой.

– Да, шеф. Само собой.

Хорос поднялся с кресла и повернулся к Андрею и Чигуру спиной. Затем вытянул руку и прочертил пальцем в воздухе какой-то знак. Воздух перед шефом «Линии» стал стремительно сгущаться, приобретая дымчато-серебристый оттенок. Секунда. Другая. И вот перед Хоросом повисло в воздухе облако, сотканное из серебристого тумана. Хорос опустил руку и шагнул в облако. В тот же миг оно свернулось в сияющую точку, которая пару мгновений висела в воздухе, а потом исчезла.

– Где он сейчас? – тихо спросил Андрей.

– В Лагоре, – ответил Чигур.

– Это был Портал?

Регистратор кивнул. Он посмотрел на Андрея, подмигнул ему и спросил:

– Ну что, студент, ты по-прежнему горишь желанием посетить арсенал?

– Было бы неплохо, – сдержанно ответил Вершинин.

– Тогда.

На столе Хороса пикинул коммутатор, а затем взволнованный голос Зины произнес из динамика:

– Шеф!

Чигур шагнул к столу, наклонился к коммутатору и сказал:

– Зина, Хороса нет.

– Владимир Иванович? А где шеф?

– Отлучился.

– Можете с ним связаться?

– Нет. Он не в нашем мире.

– Вот черт!

Чигур покосился на Андрея и негромко спросил:

– Зин, а что случилось?

– Коля Игнатьев только что доложил, что на проспекте Вернадского, в парке, зафиксирован несанкционированный выброс чужеродной энергии. Очень сильный.

– А точнее?

– По шкале Федотова – три с половиной единицы. Игнатьев не уверен, что справится сам, и просит подкрепления.

Чигур на секунду задумался, потом сказал:

– Хорошо. Передай, что подкрепление скоро будет.

– Владимир Иванович, вы уверены?

– Да. Свяжи меня с Игорем.

– Игорь регулирует рамку Перехода.

– Ничего, доделает потом.

В динамике послышалось шуршание. Секунд десять коммутатор молчал, затем мужской голос произнес:

– Владимир Иванович, это Игорь. Зина мне все передала, я готов выехать. Сможете нас корректировать?

Чигур нахмурился. Пару мгновений он молчал, затем вздохнул:

– Шефа сейчас нет, но я попробую. Только имей в виду: на Вернадского после стычки с кэррогами связь до конца еще не отлажена. Так что в основном вам с Игнатьевым придется положиться на свои силы.

– Не волнуйтесь, Владимир Иванович. Сделаю все как надо. Можно мне взять Светоч Месмера?

Чигур на мгновение нахмурился, но сказал:

– Бери. Но только без лихачеств.

– Что вы, Владимир Иванович, какие лихачества! Все будет тихо и интеллигентно. Я выезжаю.

– Хорошо. Удачи!

– И вам тоже. Коммутатор умолк.

Чигур выпрямился, недовольно посмотрел на коммутатор и проворчал:

– Мальчишки... – Затем качнул головой и с досадой добавил: – Как же все не вовремя!

– Что-то серьезное? – осторожно спросил Вершинин.

– Ты же слышал – выброс чужеродной энергии. Три, мать их, с половиной единицы!

– Это много?

– Много, студент, много. – Чигур повернулся к Андрею: – Ты вот что. В ближайшие полчаса я буду занят. Не пытайся со мной заговорить, потому что я тебя все равно не услышу. Можешь пока полистать журнальчик. Договорились?

– Договорились, – кивнул Андрей.

Он взял со столика свежий номер «Эксперта» и принялся демонстративно его листать. Чигур тем временем подошел к белому шкафчику, висевшему на стене. Открыл дверцу, достал какую-то штуку, похожую на хоккейный шлем с щитком и наушниками, затем прошел к самому дальнему креслу, сел и надел шлем на голову.

После этого Владимир Иванович откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Шлем осветился изнутри голубоватым светом. И вдруг по его гладкой поверхности забегали крошечные молнии, тело регистратора сильно дернулось, а затем обмякло. И тут же его голос спокойно проговорил:

– Игорь, Коля, как слышите? Прием.

Андрей оцепенел от изумления. Голос, без сомнения, принадлежал Чигуру, но губы его не двигались.

– Хорошо, – снова проговорил голос, исходивший, казалось, прямо из тела Чигура. – Дайте мне картинку.

Секунд десять было тихо, а затем Владимир Иванович сказал:

– Коля, усиль защитное поле. Так, отлично. Теперь продвигаемся, только осторожно. Игорь, нет! Не вздумай. Воспользуйся сетью, только увеличь площадь покрытия. Так, а дальше осторожно и не торопясь. Помни – они тебя не видят, но могут услышать. Игорь, я сказал: нет. В сторону!. Черт!. Выхожу на прямую корректировку! Андрей, ты меня слышишь?. Андрей!

Вершинин вздрогнул, поняв, что Чигур обращается к нему.

– Да, Владимир Иванович! Я слышу вас!

– Некоторое время я буду выглядеть странно. Не пугайся, это пройдет. Игорь, что ты. Сверни направо! Быстро! Переключи ствол на пятую! Это не ликан и не стригой, это маг огня! А справа от него, в двух метрах, маг отражений! Да, я его вижу. Не пытайся опере.

Голос Чигура оборвался. Тело его дернулось и обмякло, а дальше с лицом регистратора произошло нечто ужасное. Плоть Чигура сжалась на костях, черты заострились, пожелтевшая кожа плотно обтянула череп, а глазницы глубоко запали. Он весь словно внезапно высох.

Андрей с трудом отвел взгляд и уставился на раскрытый журнал. «Российские олигархи: выкачивание нефти снова приносит сверхприбыль», – прочел он на развороте. Страницы мелко подрагивали у него в руках.

«Успокойся, – приказал себе Андрей, стараясь не смотреть на Чигура. – Он предупредил, что будет выглядеть странно. Это пройдет. Наверное, это и есть прямая корректировка».

И все же не удержался.

С телом регистратора произошли еще более жуткие изменения. Теперь оно было похоже на высохшую мумию. Плащ, пиджак и брюки болтались на обтянутом кожей скелете, а тощая, сморщенная шея торчала из ворота, как сухой стебель из цветочного горшка.

Андрей перевел дух, затем опустил взгляд на страницы журнала и заставил себя читать:

«Российские миллиардеры вернулись в список вместе с ростом сырьевых цен. Цены на нефть выросли за год примерно вдвое – соответственно увеличился и список российских миллиардеров. Самые богатые россияне попали в клуб миллиардеров только в новом тысячелетии и с тех пор постоянно демонстрируют «приливы и отливы» в зависимости от сырьевых цен на мировых рынках».

Вдруг откуда-то из-за стены донесся женский крик. Андрей поднял голову. Крик повторился, но на этот раз прозвучал глухо и сдавленно, словно кто-то пытался заткнуть рот кричащей.

Андрей почему-то сразу подумал о полногрудой Зиночке из приемной. Он взглянул на Чигура, внешность которого оставалась такой же страшной. Потом сглотнул слюну и осторожно позвал:

– Владимир Иванович!

Чигур не отозвался. Не зная, что предпринять, Андрей встал с кресла и пошел к двери.

Взялся за ручку, покосился на регистратора, чтобы удостовериться, что тот все еще пребывает в своем странном состоянии полужизни-полусмерти, а затем легонько приоткрыл дверь.

До его ушей донесся какой-то шум. Андрей осторожно выглянул в коридор. Там было пусто, но как-то странно пусто. Мелькали бледные, едва заметные тени. Блики света попеременно падали на ровно освещенные стены, словно под потолком раскачивался невидимый фонарь.

И снова послышался приглушенный шум. Андрей вышел в коридор и пошел на этот шум. Прошел метров пять и остановился. Шум был совсем рядом. Андрей повернулся было к ближайшей двери, но вдруг неведомая сила подхватила его и швырнула на пол.

Андрей открыл глаза и приподнялся. Он с изумлением понял, что находится уже не в коридоре, а в том самом зале, в котором Анна Резник запихивала его в рентген-аппарат. Но теперь тут творилось черт знает что. Пластиковые перегородки были смяты и повалены. Столы, компьютеры и офисные шкафы валялись на полу. В воздухе кружились и летали бумаги и папки.

И тут Андрей увидел, что к нему несутся, оскалив пасти, два стригоя. Андрей оцепенел. Умом он понимал, что надо бежать, но тело отказывалось ему повиноваться. Когда до стригоев оставалось не больше полутора метров, за спиной у них выросла чья-то тень.

На мгновение стригои замерли, а потом от голов их повалил дым и они с воплями закружились на месте. За спиной у них стоял Сан Саныч, одетый в жилет – «невидимку». В руке у него Андрей увидел баллончик со «святой водой».

Сан Саныч подмигнул Вершинину и тут же снова исчез.

В уши Андрею ударил грохот выстрелов и яростный гул голосов.

Он увидел Анну Резник. Она стояла у стены, под прикрытием перевернутого стола, держа в руках нечто отдаленно похожее на гранатомет, и стреляла сгустками огня в мечущихся перед ней альбиносов. Те уворачивались от зарядов, швыряя в ответ острые куски льда. Они со свистом проносились над головой Анны и втыкались в стену подобно ножам. В своем развевающемся белом халатике, с распущенными волосами, она была похожа на разъяренную фею-воительницу.

Метким выстрелом Анна превратила в пар сразу двух альбиносов, но тут из-за чудом устоявшего стеллажа выскочил невысокий человечек в джинсовой куртке и метнул в Анну голубую молнию.

Молния задела ее лишь вскользь, но она закричала от боли, выронила оружие и упала. Вершинин вышел наконец из ступора. Нагнувшись, он подхватил с пола ствол, наставил дуло на незнакомца и нажал на спусковую панель так, как это делала Анна. Сгусток огня ударил противнику в грудь и отшвырнул его метра на четыре.

Андрей оглянулся и увидел растрепанную голову Анны, высунувшуюся из-за стола.

– Где Чигур? – хрипло крикнула она.

– На прямой корректировке! – крикнул в ответ Андрей.

– Черт!

Мимо Андрея пробежал парень в белом халате, а за ним крупными прыжками мчался собакоголовый ликан.

– Переключи рычаг на волновой удар! – крикнула Анна.

Андрей опустил взгляд на свое оружие.

– Желтый рычажок! – снова крикнула она. Вершинин сдвинул рычажок, повернулся к ликану, который почти настиг убегающего парня, и выстрелил. Невидимая волна, упруго всколыхнув воздух, настигла оборотня в прыжке и ударила в спину. Он трижды перевернулся, рухнул на пол и оцепенел.

Парень нагнулся и поднял с пола какой-то предмет, похожий на неровный темный металлический диск.

– «Черный хлыст»! – завопил он на весь зал. Люди, сражающиеся с пришельцами, включая Анну, черноволосую регистраторшу, мгновенно упали на пол.

– Ты тоже! – крикнул Андрею парень.

Вершинин щучкой нырнул на паркет. Приподняв голову, он увидел, как парень нажал на едва заметную красную панель диска. В тот же миг от диска отделился подрагивающий в воздухе темный полукруг и волной пронесся по залу. Все твари, который попали в поле действия смертоносной волны, тут же обратились в пепел и рухнули на пол, как фигуры из черного песка, разрушенные порывом ветра.

Но как минимум половина тварей успела либо пригнуться, либо взвиться в воздух, чтобы избежать смертоносного прикосновения волны.

Хотел парень нажать на панель диска еще раз или нет, Андрей не знал, но в следующий миг с потолка прямо на голову парню рухнул стригой. Одним взмахом когтистой руки от рассек регистратору шею от уха до уха, тут же впился в разрез своим безобразным ртом, с клокотанием поглощая кровь.

Андрей побелел от ужаса, и тут слева от него что-то загрохотало. Он обернулся и увидел пожилого регистратора, который отбивался от прущего на него мага – «огневика» щитом-отражателем.

Маг швырял в регистратора сгустки огня, но тот с невероятной ловкостью парировал их щитом и отправлял обратно уже в виде белых сгустков холода.

Маг – «огневик» несколько раз увернулся, но тут один из сгустков угодил ему в пах. «Огневик» взвыл, и Андрей увидел, что нижняя часть его тела – от паха и ниже – стремительно покрывается льдом. Маг сделал попытку шагнуть вперед, но замороженные ноги его треснули и распались на куски, а сам «огневик» рухнул на пол и, скрежеща зубами от гнева и боли, зацарапал по паркету длинными ногтями.

Новые звуки привлекли внимание вконец ошалевшего Андрея. Он завертел головой, оглядывая поле битвы. Сражение шло по всему залу. Нападавшие превосходили регистраторов числом в несколько раз, однако регистраторы сражались храбро и, судя по валявшимся по всему залу телам пришельцев, явно побеждали.

Знакомая уже Андрею черноволосая девушка ударила напавшего на нее стригоя в живот прикладом короткого ружья, а когда он согнулся пополам и лязгнул на нее зубами, она вскинула ружье и выстрелила ему в лицо гроздью крошечных игл. Между вонзившимися в кожу стригоя иглами забегали искорки, и вдруг голова стригоя вспыхнула, как кучка пороха. Прогорев за одно мгновение, голова превратилась в желтый череп с торчащими клыками, и череп этот, уставившись на девушку черными дымящимися глазницами, клацнул зубами, а потом скатился с плеч и, ударившись об пол, рассыпался в прах.

Девушка опустила ружье, вытерла рукавом кофты потный лоб и, посмотрев на Андрея, ободряюще ему улыбнулась. И вдруг тело ее вытянулось в струну, а затем, странно перегнувшись, отлетело в сторону. За спиной у нее стоял на четвереньках огромный ликан, и с оскаленных зубов его капала кровь.

Анна Резник вскочила на ноги, отбежала от стола и подняла с пола брошенный кем-то пистолет.

– В укрытие! – крикнула она.

Андрей повернулся, в два прыжка достиг стола, перепрыгнул через него и приник к полу. Анна присела рядом.

– Что происходит? – крикнул Андрей.

– Парк на Вернадского был всего лишь отвлекающим маневром! Они нас перехитрили!

– И что теперь делать?

– Сражаться!

– Мы справимся?

– Они захватили главный арсенал! Придется.

Договорить Анна не успела, поскольку в это мгновение неподалеку послышался угрожающий хриплый рык. Она выглянула из-за стола, и Вершинин, сжимая в руках оружие, последовал ее примеру.

Он увидел странное существо, похожее на огромного мускулистого таракана с волчьей

мордой, которого кто-то, смеха ради, вырядил в спортивный костюм. Существо это прыгнуло на стену. Затем облизнулось, издало жуткий утробный звук и, перепрыгнув со стены на потолок, побежало к Андрею и Анне. К нему тут же присоединились еще два таких же чудовища.

Вершинин открыл от изумления рот, но тут прямо перед ним, словно из-под земли, вырос пожилой регистратор. В каждой руке у него было по пистолету.

– Ко мне, собачки! – крикнул он и, вскинув «стволы», нажал на спусковые панели.

Все три чудовища превратились в облака пыли и осыпались на пол.

«Пистолеты-дезинтеграторы!» – вспомнил Андрей, уставившись на страшное оружие.

И тут справа от входной двери Андрей увидел высоченного, светловолосого мага в джинсах и дорогой куртке с поднятым воротом. Он шагнул в зал прямо из стены. Остановился, быстро окинув взглядом поле битвы, а затем поднял голову и широко открыл рот. Из рта его с отвратительным шипением повалили клубы зеленоватого дыма и стали стремительно расползаться по залу.

– Маг – «дымород»! – крикнула с досадой Анна Резник. – Андрей, его дым ядовит! Прижмись лицом к полу – так меньше надышишься!

Андрей успел увидеть, как пожилой регистратор прыгнул на пол, а затем вжался лбом в прохладный паркет. В ту же секунду дым ворвался Вершинину в ноздри и горячий, удушливой волной заполнил легкие.

– Черт! Маски остались в арсенале!.. – с горечью проговорил кто-то рядом.

А потом голова у Андрея закружилась, и он провалился в темноту.

5

Глаза получилось открыть не сразу. Заслонившись от яркого света, Андрей взглянул на круглое, упитанное лицо, склонившееся над ним.

– Очнулся? – На лице лысого толстяка появилась усмешка. – Вот и отлично. Вы проиграли. А теперь отдай мне перстень, и я оставлю тебя в покое.

Андрей огляделся. Он лежал на полу, и толстый маг поставил ему на грудь ногу, обутую в дорогой итальянский ботинок. Рядом с ним стояли и другие гости. Выглядели они вполне по-человечески. Вершинин снова посмотрел на толстяка и сказал:

– Не понимаю, о чем вы говорите. Маг прищурил глаза:

– Это не твоя война, парень. Просто отдай перстень и отойди в сторону. Ты слишком слаб, чтобы сопротивляться.

Андрей приподнял голову. Зал был разгромлен, но никого из регистраторов он не увидел. Ни живых, ни мертвых.

– Где Анна? – хрипло спросил он у толстого мага.

– Ты про блондинку? Всех выживших регистраторов мы заперли в хозблоке.

– А Чигур?

– Полагаю, там же. Если, конечно, он жив.

Вершинин схватил толстяка за щиколотку и попытался спихнуть его ботинок со своей груди. Однако маг усилил нажим, а кто-то из стоявших рядом гостей пнул Андрея по пальцам.

– Не упрямясь, парень, – холодно сказал толстяк. – Отдай мне перстень, и обещаю – ты никогда больше меня не увидишь.

Андрей посмотрел магу в глаза и спросил:

– Перстень – это ключ, да? Какие двери он должен открыть? И что будет, когда они откроются?

– Ты и впрямь любопытен. Скоро ты получишь ответы на все свои вопросы. Ждать осталось недолго.

– Сколько?

– Три дня.

– А что потом? Что будет через три дня? Вы отдадите перстень Менериху, и он откроет Врата?

Толстяк поморщился:

– Ты очень догадлив, но мне надоело слушать твою болтовню. Повторяю в третий раз – отдай мне перстень.

– Или... что?

– Или я найду на тебя полчища птиц, и они разорвут тебя на такие мелкие клочки, что их даже под микроскопом не разглядишь.

Андрей опустил затылок на холодный пол. Немного помолчал, собираясь с силами, а потом проговорил твердым голосом, глядя магу авгуру прямо в глаза:

– Когда вернется Хорос, он вас всех уничтожит. При упоминании о Хоросе по широкому лицу мага пробежала тень. Он повернулся к альбиносу, стоявшему рядом, и сказал:

– Ты был прав, мороженщик. С этим парнем невозможно столковаться.

Сказав это, авгур вынул из кармана мобильный телефон и быстро поднес его к лицу Вершинина. Поняв, что сейчас произойдет, Андрей крепко зажмурился, однако мгновением раньше маг успел нажать на кнопку.

* * *

– Молодой человек! Молодой человек, вы меня слышите?

Андрей тряхнул головой и огляделся. Он сидел за пластиковым столиком летнего кафе, недалеко от павильона «Космос».

– Молодой человек! – снова окликнул кто-то.

За дальним столиком сидела симпатичная черноволосая девушка с выразительными серыми глазами. Она не смотрела на Андрея, а задумчиво потягивала из высокого стакана какой-то коктейль.

Вершинин повернул голову в другую сторону и увидел за соседним столиком еще одного посетителя. Это был толстый мужчина с лысой, как колено, головой. Лицо неприятное, а глаза – светлые, почти прозрачные. Одет толстяк был в дорогой костюм и элегантный черный плащ. На столе перед ним стоял белый пластиковый стаканчик с недопитым кофе.

– Вы меня? – тупо спросил Андрей, хотя и без того было ясно, что толстяк обращается именно к нему: больше никого в летнем кафе не было.

– Да, вас. Простите, но, кажется, вы подобрали мой перстень.

– Перстень? Толстяк кивнул:

– Да. Я уронил его, и он закатился под ваш столик. А вы его только что подняли.

Андрей наморщил лоб, осмысливая слова незнакомца. Когда смысл этих слов окончательно дошел до его сознания, Вершинин нахмурился:

– Я не видел никакого перстня.

Толстяк растерянно моргнул, отчего жирное лицо его приняло плаксиво-жалостливое выражение.

– Как же так? Я видел, как вы подняли его и положили в карман... – Толстяк выпятил нижнюю губу и покачал головой, с укором глядя на Андрея. – Ай-яй-яй, молодой человек. Вам всего двадцать с небольшим. Нехорошо начинать жизнь с обмана.

– Но я, правда, не видел никакого перстня, – с легким раздражением проговорил Андрей.

– Да как же не видели? Вы ведь только что положили его в карман куртки!

– В какой карман?

– В правый!

Андрей опустил руку в правый карман. Пальцы его и впрямь нащупали что-то гладкое и твердое. Вынув находку из кармана, Вершинин обнаружил, что это в самом деле перстень. Не

слишком массивный, из белого металла и с багрово-алым камушком.

– Это ваш? – смущенно проговорил Андрей. Лицо толстяка просияло.

– Да-да, это он! Могу я его забрать?

– Да, конечно. Возьмите! Вершинин протянул перстень толстяку.

– Большое спасибо. – Улыбаясь торжествующей улыбкой, незнакомец скovyрнул перстень с ладони Андрея и натянул его на толстый, как сосиска, мизинец левой руки. Посмотрел любовно на красный камушек, перевел взгляд на Вершинина и сказал: – Вы не представляете, как много для меня значит этот перстень. Для меня это своего рода ключ.

– Ключ? – не понял Андрей.

– Ну да, ключ. От будущей счастливой жизни! – Толстяк засмеялся и похлопал Вершинина по плечу.

Андрей потупил взгляд и виновато сказал:

– Простите, что не отдал сразу. Честное слово, я не заметил, как поднял его.

– Ничего страшного, юноша, ничего страшного. Главное, что теперь перстень у меня. За сим разрешите откланяться.

Швырнув на стол несколько мятых купюр, толстяк подмигнул Андрею и, повернувшись, зашагал прочь. Однако, отойдя шагов на пять, он притормозил, обернулся и весело крикнул через плечо:

– Передавай привет Хоросу! Потом захохотал и пошел дальше.

Андрей остался сидеть за столиком, и на лице его застыло обескураженное выражение. Привет Хоросу? Какому Хоросу? И как он, Андрей Вершинин, собственно, здесь оказался?

Андрей оглядел окрестности диковатым взглядом. Какая нелегкая занесла его на ВВЦ? Что он здесь забыл? И, в конце концов, как давно он здесь сидит?...

Ответов на эти вопросы не было. Поразмыслив немного, Вершинин вздохнул и пробормотал:

– Это все Давыдов с его проклятой водкой. «Давай отметим», «давай отметим»! Вот и отметили. – Андрей потер пальцами лоб и, мучительно поморщившись, добавил: – Второй день колбасит. Или уже третий?

За спиной у него раздалось бойкое цоканье каблучков. Андрей медленно повернул голову на звук. К летнему кафе стремительно приближалась симпатичная светловолосая девушка в белом халатике.

Встретившись взглядом с Андреем, она напряженно улыбнулась и махнула ему рукой. Вершинин тоже приподнял руку, но так и не смог заставить себя махнуть в ответ. Лицо блондинки было ему совершенно незнакомо.

Остановившись возле столика, девушка откинула волосы и, понизив голос, взволнованно спросила:

– Андрей, где перстень Бафомета?

– Перстень? Э-э. Я отдал его. Брови девушки взлетели вверх.

– Отдал? – переспросила она таким голосом, будто не верила собственным ушам.

Андрей кивнул:

– Ну да. Отдал.

– Как отдал? Зачем?

– Ну как. Он попросил, я и. А в чем, собственно, дело? – напрягся Андрей. – И почему вы спрашиваете про перстень?

Лицо блондинки исказила гримаса отчаяния, а спустя секунду отчаяние сменилось презрением.

– Ты либо глупец, либо гад, – отчетливо проговорила она, глядя Андрею в глаза. – Либо и то и другое вместе.

Вершинин смутился.

– Послушайте, девушка, – пробормотал он. – Не знаю, что вам от меня нужно, но вы.

Блондинка резко развернулась и зашагала прочь. Андрей проводил ее удивленным взглядом. Непонятно почему, но в душе у него словно саднило, будто бы он и впрямь

совершил какую-то подлость.

* * *

Уставшие после боя пришельцы собрались на одной из глухих лужаек Ботанического сада для совещания. Ветер тихонько шевелил кроны деревьев. Маг авгур по имени Соил, в кармане у которого лежал перстень Бафомета, прикрыл глаза и с удовольствием вдохнул свежий осенний воздух, пронизанный ароматом сухих листьев и влажных стволов.

– Соил, маги-мороженщики погибли, – сказал кто-то из ликанов.

– Маг огня – тоже, – сообщил другой.

Соил открыл глаза, посмотрел на кучку уцелевших после битвы пришельцев и вздохнул:

– Да... Жаль парней. Надежные были парни, настоящие. Но ничего не поделаешь – лучшие уходят первыми. Таков грустный закон Вселенной.

Стригой незаметно переглянулись. По тону лысого мага было непонятно, паясничает он или действительно жалеет о смерти братьев.

Один из стригоев – невысокий, сухопарый, с длинными черными волосами и золотым кольцом в левом ухе – взглянул на авгура пронзительными, как у всех стригоев, глазами и негромко проговорил:

– Мы получили перстень, Соил. Пора передать его Менериху.

– Да, – авгур улыбнулся. – Конечно.

– Мы хотим быть рядом, когда ты передашь перстень хозяину, – сказал другой кровосос, бритый под машинку молодой очкарик, похожий на студента-ботаника.

– Вот как? – Авгур весело посмотрел на стригоя. – Хотите, чтобы Менерих увидел своих помощников воочию? Думаете, он расчувствуется и одарит всех вас?

– Ты ведь знаешь, Соил, нам ничего не нужно, – подал голос ликан. – Мы просто хотим покинуть Землю без формальностей и бюрократической волокиты. И сделать это прежде, чем Менерих впустит сюда Армию Тьмы.

– Армия Тьмы, – сказал с усмешкой маг. – Звучит как-то по-киношному, верно?

Стригой с золотым кольцом проговорил:

– Когда Заповедные Врата откроются, это будет по-страшнее любого фильма ужасов. А теперь вызывай Менериха, авгур. Пусть он откроет нам Проход прямо сейчас.

– Что, и даже вещи не соберете? – весело вскинул брови толстяк авгур.

Стригой переглянулись. Ликаны нахмурились и шагнули к авгуру.

– Хорошо-хорошо. – Соил примирительно поднял ладони. – Уже вызываю.

Он пристально посмотрел в глаза стригю с серьгой в ухе и прошептал несколько слов на лагорийском языке. В тот же миг лицо стригоя побагровело, он схватился руками за горло, словно ему не доставало воздуха, а потом закашлялся. Из рта у него вылетел комок перьев.

– Опа! – насмешливо проговорил авгур. – Кажется, ты проглотил на завтрак курицу, забыв ее ошипать!

Стригой хотел что-то сказать, но вдруг стал раздуваться, словно его накачивали воздухом. Второй стригой бросился было к авгуру, но Соил быстро произнес заклинание – тот наткнулся на невидимую стену и отлетел назад. Ликаны зарычали, но авгур обратил взор на них – и они тут же захлебнулись собственным рыком и рухнули на землю.

Стригой с золотой серьгой в ухе, раздувшись, как воздушный шарик, лопнул, и во все стороны разлетелись десятки крохотных птичек-мухоловок. Второй снова ринулся на авгура, но в этот миг черная галка спикировала с неба и со всего размаху ткнулась стригю в глаз своим клювом. Он закричал от боли, споткнулся и упал.

Авгур неторопливо вынул из-под пиджака небольшой дезинтегратор, наставил его на стригоя и нажал спуск. Тело взметнулось в воздух, и тут же осело на землю облаком пыли.

Соил тем временем перевел ствол дезинтегратора на хрипящих и отплевывающих перья ликанов. И, неторопливо нажимая на спусковой крючок, одного за другим развеял их в прах.

Затем поднял оружие, небрежно дунул на ствол, по-ковбойски крутанул его на пальце и, откинув полу пиджака, сунул в кобуру.

Расправившись со свидетелями, Соил посмотрел по сторонам, после чего поднял лицо к небу, сунул в рот два пальца и громко свистнул. Прошло несколько секунд – со всех сторон донесся шум крыльев, и шум этот быстро нарастал.

– Давайте, птички, давайте, – с улыбкой проговорил авгур. – Нужно тут все хорошенько подчистить, а лучше вас никто этого не сделает.

Небо над головой Соила потемнело от тысяч птичьих силуэтов. Он засмеялся, раскинул руки в приглашающем жесте и крикнул:

– Пиршественный стол готов!

Глава четвертая Другой мир

1

Два дня до открытия Заповедных Врат

– В общем, это дело решили закрыть. Я, конечно, протестовал, но мой голос не взяли в расчет. Сидя в машине брата, Андрей вполуха прислушивался к его словам и рассеянно смотрел на пробегающие мимо дома. Он чувствовал себя будто с похмелья, хотя вроде бы накануне ничего не пил. Но вчерашний день вспоминался как-то смутно, как если бы воспоминания были ненастоящими и кто-то намеренно проецировал их в сознание Андрея.

«Проецировал воспоминания...» Вершинин усмехнулся. И откуда только в голову лезут такие глупости? Наверно, залетело из какого-то фантастического фильма...

– Слышь, Андрюх! Ты чего такой смурной? Не выспался, что ли?

– Что-то вроде того.

– А конкретней?

– Да сны снились плохие. Все время просыпался.

Егор кивнул и понимающе проговорил:

– Кошмары. Понимаю. Поганая штука. Мне первый год после Чечни тоже снились. Душу выматывали. Но потом прошло. Рано или поздно все проходит.

– Верно, – тихо отозвался Андрей. И добавил с грустной усмешкой: – И жизнь в том числе.

Егор посмотрел на него с удивлением.

– Э... брат, да ты совсем прокис. Говорю тебе, не циклись на чернухе. Проснулся, встряхнулся, принял холодный душ – и вперед. «Туда, на бой, на жизнь, на рынок. С прибором рынка в поединок!» – Егор ухмыльнулся. – Не помнишь, кстати, чей стишок¹?

Андрей качнул головой:

– Нет.

– Наверно, Пушкина. Другого я бы не запомнил. В общем, расслабься и думай о чем-нибудь приятном.

Андрей вздрогнул.

– Что ты сказал? – глухо переспросил он.

– Когда?

– Только что.

– Я сказал – расслабься. И получай удовольствие от жизни. Другой-то все равно не будет.

Андрей задумался. Ему вдруг показалось, что недавно он уже слышал эти слова. Но произнесены они были вежливым, ровным и властным голосом, совсем не похожим на

¹ Егор неверно цитирует стихотворение Велимира Хлебникова «Сегодня снова я пойду...».

сипловатый баритон брата.

Андрей тряхнул головой и тихо пробормотал:

– Дежавю.

Но на душе все равно осталась тревога, подобно осадку на дне пустого стакана.

– Что слышно про убийц Литовцевой? – спросил Андрей у брата. – Их уже поймали?

Егор покачал головой:

– Нет. Слушай, брат, ты прости, что я тебя подозревал.

– А ты меня подозревал?

– Ну не тебя, конечно. Просто думал, что ты кого-то покрываешь. Кого-нибудь из обдолбанных дружков.

– Среди моих друзей таких нет. Егор улыбнулся:

– Верю. Потому и прошу у тебя прощения. Ну ты как? Не в обиде?

– Нет.

– Вот и хорошо. Нас только двое Андрюха, и других братьев у нас нет. Помни об этом.

– Да, Егор, я помню.

Егор, не сводя взгляда с дороги, кивнул:

– Вот так.

С полминуты они ехали молча. Егор покосился на рукоять бамбукового меча, торчащую из спортивной сумки Андрея:

– А ловко ты машешь этой палкой.

– Это не палка, – сказал Андрей. – Это синай – бамбуковый меч.

– Да, я помню, – кивнул Егор. – Дерешься ты этой штуковиной ловко. Но по мне, так лучше бы занимался борьбой или боксом. Можешь мне поверить, брат, на улицах города тебе эта палка не пригодится.

– Я занимаюсь кендо не для того, чтобы драться палками на улице, – сказал Андрей. – Кендо – это путь к самосовершенствованию и внутренней дисциплине. Кроме того, мне нравится быть кендоки. – Андрей покосился на брата и чуть прищурил серые глаза. – Я тебе рассказывал нашу байку? Однажды у каратиста, борца и кендоки спросили: о чем вы думаете перед схваткой? Каратист ответил: «О том, куда нанести удар и как его правильно исполнить». Борец ответил: «О том, как произвести бросок и болевой прием». А кендоки улыбнулся и сказал: «Я ни о чем не думаю. Я просто предвкушаю наслаждение от боя».

– Наслаждение, говоришь? – Егор усмехнулся. – Ладно, не буду с тобой спорить. И все же наше самбо лучше. – Он искоса глянул на брата и спросил: – Не забыл еще приемы, которые я показывал?

Андрей покачал головой:

– Нет.

– Ну тогда я за тебя спокоен. Владеть приемами самообороны – это тебе не палкой размахивать.

«Мечом», – хотел поправить Андрей, но передумал. Егор Вершинин был капитаном милиции. За двенадцать лет службы ему ни разу не приходилось видеть бандитов с мечами в руках. Ножи, заточки, пистолеты – это да. Но японский меч. Нет, это было выше его понимания.

Андрей хорошо помнил тот день, когда он решил заняться кендо. У него был плохой период. Девушка, с которой он встречался почти два года, ушла к другому. В первый день после ее ухода Вершинин купил бутылку водки и в одиночестве выпил всю. Но это не помогло забыться. Стало только хуже. Переболев похмельем, Вершинин отправился на улицу.

Три дня, с раннего утра до позднего вечера, он бродил как неприкаянный по Москве, забив на занятия. А на четвертый, когда Андрей, остановившись на каком-то бульваре, посмотрел на мутное, затянутое тучами солнце в отчаянии проговорил: «Господи, что мне делать?», – порыв ветра швырнул ему в лицо рекламный листок.

Спортивный клуб кендо.

Приглашаем всех желающих!

Андрей хотел просто выбросить листок, но словно какой-то голос сказал ему – зайди, попробуй. И он зашел. И попробовал. И остался в клубе на полтора года. Пожалуй, в этом было что-то от судьбы.

Вершинин давно заметил: стоило ему взять в руки бамбуковый меч, как он превращался в другого человека. Сильного, ловкого, уверенного в себе. Меч был не просто оружием – он был воплощением лучших качеств Андрея, которые отдельно от меча будто бы и не существовали.

Андрей не раз размышлял, что было бы, если б он взял в руки настоящий меч. И не просто меч, а какой-нибудь легендарный. вроде того серебряного меча, который хранился в Музее Востока. Изменил бы этот клинок его суть? Сделал бы его более воинственным? Или подарил бы ему ощущение полной свободы?

Размышляя об этом, Вершинин уловил краем глаза, что из папки, лежащей на коленях Егора, выпал листок. Андрей нагнулся и поднял его. Хотел уже отдать брату, но задержал взгляд на изображении. Этот листок был фотороботом какого-то человека. Обычное, размытое и весьма условное изображение из разряда «Их разыскивает милиция».

– Кто это? – спросил Андрей, разглядывая портрет. Егор покосился на листок и ответил:

– Пару дней назад два мужика устроили в ресторане драку. Разбили витрину и все такое. Потом оба исчезли.

– Завели на них дело?

– Да нет... Фоторобот этот давно пора выбросить. Не знаю, что он тут делает.

Андрей смотрел на портрет задумчивым взглядом. Лицо казалось ему знакомым. Это было изображение лысого толстяка с выпуклыми, рыбьими глазами. Физиономия была неприятная, и Андрей не без удовольствия убрал листок обратно в папку.

– Что, не понравился? – усмехнулся Егор. – А на работе мне приходится встречаться с такими каждый день. Кстати, насчет работы. Ты, кажется, собирался устроиться системным администратором? Ну как?

– Пока никак, – ответил Андрей. – На дворе кризис.

– Ну и хорошо. Скажу тебе как старший брат: отдавай все время учебе, и тогда выйдет толк. А понадобятся деньги – обращайся ко мне. Где тебя посадить?

– Где удобнее.

Егор остановил «мазду» у обочины, в двух шагах от университетского скверика:

– Будь осторожен, брат. Москва становится слишком опасным городом. Сколько у тебя сегодня пар?

– Две.

– Если хочешь, я за тобой заеду, вместе пообедаем.

– Да нет, я потом сразу на тренировку.

– Ну как хочешь.

Андрей пожал брату руку и выбрался из машины.

2

Путь к Главному зданию университета проходил через скверик. Бронзовый Ломоносов, казалось, смотрел на Андрея полным оптимизма взглядом, но Андрей не мог ответить ему тем же.

Проходя мимо памятника, Вершинин вдруг увидел двух подростков, мучающих рыжего кота. Один держал зверя в руках, а второй пытался примотать к его хвосту скотчем бутылку из-под кока-колы. Кот тихонько завывал и время от времени делал попытки вырваться. Тогда мучители хлопали его по ушам и приговаривали:

– Не дергайся, рыжий! Вершинин остановился и крикнул:

– Эй, пацаны! Хватит мучить кота! Подростки переглянулись.

– А это твой, что ли, кот? – спросил один из них, с вызовом посмотрев на Андрея.

– Мой, – ответил он, чтобы хулиганы смогли отступить, не теряя при этом лица.

Подростки снова переглянулись. В их лицах читалась досада, однако воевать со взрослым парнем из-за какого-то кота они не собирались.

– Раз твой, тогда ладно, – нехотя проговорил второй подросток.

Они оторвали от пушистого кошачьего хвоста скотч, зашвырнули бутылку в кусты и, сунув руки в карманы, зашагали прочь. Кот же, получив свободу, посмотрел на Вершинина недовольным взглядом, громко мяукнул и скрылся.

В мяуканье кота Андрею странным образом послышалось слово «лагор». Что оно означало, Вершинин сказать не мог, но слово было знакомое. Андрей озадаченно потер щеку.

Лагор, Лагор. Где-то это он уже слышал. Определенно. Но где? Похоже на имя. Нет-нет, на название какого-то города. Или страны? Да, кажется, так. Но есть ли на свете страна с таким названием?

Андрей напряг память. Вроде бы, где-то в Азии есть город Лахор. Но то ведь Лахор, а это – Лагор. В памяти что-то замаячило, закружилось... Какое-то смутное воспоминание, его никак не удавалось ухватить. Лагор, Лагор, Лагор. Очень важная страна. Для кого важная? И, собственно, чем она так важна? Да тем, что это не страна, а целый мир!

Вершинин облегченно вздохнул. Воспоминание наконец было ухвачено и зафиксировано. Значит, Лагор – это не город и даже не страна, а целый мир. Вроде нашей Земли, хотя там все по-другому. И живут там совсем не люди, а особые существа.

«Откуда же я это знаю?» – спросил себя Вершинин.

И сам себе ответил: «Наверно, читал в какой-то книге».

Пытаясь восстановить воспоминание о таинственной книге подробнее, Андрей стал представлять себе этот Лагор в деталях. Постепенно ему стало казаться, что окружающий мир растворяется в странной красноватой дымке.

«Что со мной такое? – подумал Андрей, впрочем без всякой тревоги. – Должно быть, этот гад Давыдов подсунул мне вместо аспирина какую-нибудь «пилюлю счастья». Он на этот способен. Еще как...»

Андрей продолжал фантазировать. В сказочном Лагоре постоянно дуют злые метели, и воздух там красный от песочной взвеси. Прямо как на Марсе.

Стоило Вершинину подумать о метелях, как резкий порыв холодного ветра обжег ему лицо. Прямо перед собой Андрей увидел серебристо-серое облако. Неумолимая сила потянула Андрея к этому облаку. Вершинин попытался сопротивляться, но тут перед глазами у него что-то вспыхнуло, а затем все потонуло в ослепительно-ярком свете, и Андрей понял, что падает в пропасть.

* * *

Когда Вершинин снова очнулся, на улице стояли странные красные сумерки, делая окружающий мир зыбким и нереальным, словно сотканным из тумана. Дул ветер, и взвесь песка, поднятая в воздух, была такой плотной, что походила на туман.

Андрей огляделся. Сперва очертания Главного здания МГУ и деревьев вокруг показались ему прежними, но чем дольше он смотрел на них – тем больше отличий находил. Что-то во всем этом было не то. Приглядевшись к памятнику, Андрей со страхом и удивлением понял, что это не Ломоносов. Это был какой-то худой бородатый человек, закутанный в длинный плащ и грозно всматривающийся в даль, словно с минуты на минуту ожидая нападения.

А университетское здание теперь больше походило на средневековый замок. С башнями, портиком и открытым балконом. Замок этот стоял на площади, от которой расходились во все стороны кривые, изломанные улочки, тянувшиеся между каменными домами, деталей которых было не разглядеть из-за красных сумерек и песочной взвеси, поднятой ветром.

Где-то в отдалении, словно за стенами, играла тихая музыка. На фасаде замка красовались два огромных циферблата. Один показывал время, другой – продолжительность

дня и ночи.

Андрей в отчаянии тряхнул головой, надеясь, что наваждение растает, но этого не произошло. Тогда Вершинин поднял руку и сильно ущипнул себя за щеку в надежде проснуться. Этого не случилось. Замок, площадь, дома, грозный памятник – все это осталось на месте и по-прежнему имело зыбкие и неясные очертания.

Да и тихая, отдаленная музыка, которую доносил ветер, никуда не исчезла.

– Да что же это. – в отчаянии пробормотал Андрей и прижал ладонь ко лбу.

Лоб был прохладный. Значит, свалить все эти глюки на жар не получится. Тогда Андрей ошупал голову пальцами, надеясь наткнуться на рану. Но никакой раны не было. Да и боли он не ощущал. Следовательно, сотрясение мозга тоже можно было исключить.

Может быть, галлюцинация? Воздух темный и зыбкий, все предметы кажутся нереальными. Андрей изо всех сил пытался успокоить себя разумными доводами, но не слишком преуспел.

«Если видишь перед собой что-то удивительное и непонятное, действуй так, словно видел это уже много раз, – прозвучали в голове у Вершинина слова сэнсэ. – Только успокоившись, ты сможешь вернуть себе твердость духа и способность размышлять здраво».

И тут до ушей Андрей донесся чей-то слабый вскрик. Вершинин обернулся и увидел неприятную сцену. Тощий мальчишка-подросток, одетый в невообразимые лохмотья, лежал на песке, а двое мужчин избивали его гибкими черными хлыстами. Одеты они были в длинные плащи, а лица их были скрыты капюшонами.

Очертания фигур были зыбкими, словно Андрей смотрел на них сквозь жаркий колеблющийся воздух.

Нескончаемый ветер с шорохом и свистом бомбардировал его лицо колким красноватым песком.

Как ни странно, Вершинин обрадовался виду живых людей. Это помогло ему вернуть чувство реальности. А следом пришла и уверенность в себе. Что бы ни случилось с окружающим миром – в нем все еще были люди.

«Старайся не проходить мимо чужой беды, – вспомнил Вершинин другие слова сэнсэ. – Никогда не знаешь, как эта беда отразится на тебе, и вполне может быть, что последствия ее поразят тебя самого или твоих близких».

– Эй! – крикнул Вершинин. – Эй, вы!

Фигуры замерли и усталились на Андрея. У Вершинина неприятно засосало под ложечкой. Действуя почти машинально, он достал из спортивной сумки меч-синай и выставил его перед собой.

– Мне не нужны проблемы! – крикнул он, стараясь, чтобы голос звучал твердо. – Надеюсь, они не нужны и вам! Поэтому оставьте мальчишку в покое!

Мужчины, закутанные в плащи, переглянулись. Затем снова повернули лица к Андрею, угрожающе вскинули свои хлысты и, выкрикивая что-то гортанное, стремительно пошли на него.

В голове у Андрея словно кто-то переключил тумблер. Он молниеносно прыгнул вперед и нанес одному из незнакомцев удар, разрубающий противнику запястье. Тот взвыл от боли и выронил хлыст.

Второй что-то визгливо завопил и хотел напасть на Андрея, но не тут-то было. Увернувшись, Андрей двумя ударами оттеснил противника на аллею, а третьим так сильно врезал незнакомцу, что тот вскрикнул и пошатнулся.

Встав в стойку и выставив перед собой синай, Андрей громко сказал:

– Мне не нужны проблемы! Но если вы не уберете свои хлысты, я буду вынужден снова прибегнуть к силе!

Один из мужчин что-то быстро сказал другому, тот кивнул. Оба резко повернулись и зашагали прочь.

Андрей опустил меч, шумно выдохнул и снова пощупал ладонью лоб.

«А может, я все-таки сошел с ума? – подумал он. – И все, что происходит со мной в

последние дни, – это признаки безумия?»

– Эй! – окликнул Андрей мальчишку. – Ты живой?

Тот медленно поднялся на ноги и с опаской посмотрел на Вершинина. Лицо у пацана было худое и скуластое, брови срослись на переносице, а темные глаза были такими огромными, что казались ненастоящими.

– Я в порядке! – отозвался мальчишка высоким голосом, глядя на Андрея с почитанием, но и с опаской. – Могу я приблизиться к тебе, добрый господин?

Голос мальчика звучал странно. На миг у Андрея возникла дикая мысль: мальчишка говорит не по-русски, но плотный красный воздух преобразует его голос, превращая абракадабру в понятную речь. Мысль эта показалась ему странной, поскольку полностью противоречила всему, что он знал о мире. И он тут же прогнал ее.

– Не знаю, добрый я или нет, но приблизиться ты можешь! – громко сказал Андрей, и вновь ему почудилось, что, пробравшись сквозь густой воздух, подобно многократно отразившемуся эху, голос его добрался до мальчишки в виде жуткой абракадабры.

Мальчик, прихрамывая, подошел к Андрею. Подобострастно посмотрел на него снизу-вверх, а потом поймал левую руку Андрея тощими пальцами и попытался ее поцеловать.

– Ты чего! – возмущенно вскрикнул Вершинин и отдернул руку. – С ума сошел?

Мальчишка сжался и зажмурил глаза, явно ожидая удара.

– Да что с тобой? – раздраженно проговорил Вершинин.

Поняв, что удара не последует, мальчик осмелился открыть глаза и виновато вымолвил:

– Прости, если сделал что-то не так, добрый господин. Я принял тебя за рыцаря-лагорийца, так же, как и мои обидчики. Только рыцари так умело пользуются мечами. – Мальчик окинул фигуру Андрея любопытным взглядом и сказал: – Ты выглядишь как пришелец из другого мира.

– Из другого? – Вершинин нахмурил лоб. – Может, так оно и есть. А как называется этот мир?

– Лагор, господин. Он называется Лагор. Андрей снова огляделся. Потом страдальчески скривился и пробормотал:

– Это какое-то безумие. Должно быть, я все-таки сплю. Я читал, что иногда людям снятся сны, почти неотличимые от яви.

В отдалении послышался странный, жутковатый шум, словно кто-то скреб железом по стеклу. Андрей поморщился. Хорошо, допустим, это сон. Но что делать, когда ты понял, что находишься во сне и не можешь проснуться?

Нужно отнестись к своему сну как к игре и попытаться играть по его правилам!

Мальчик прервал его размышления:

– Если вы еще не зарегистрировались, добрый господин, я могу проводить вас до городского магистрата. Незарегистрированный гость может пребывать в нашем мире до первого заката.

Андрей несколько секунд смотрел на мальчика, затем перевел взгляд на небо. Ветер нагнал рваные тучи на розоватый диск солнца, и его тусклый свет то затухал, то снова делался ярче, пробиваясь сквозь волны багрового тумана.

В этом мрачном, мерцающем свете все казалось нереальным. Андрей был почти уверен, что все это – только сон, страшный сон, и на самом деле он крепко спит в своей постели. Но во сне это было или наяву, а отдаленный скрежет, пробивающийся сквозь волны песчаного ветра, вселял в душу Андрея ужас.

– Надо уходить, – сказал вдруг мальчик, и в голосе его послышалась явная тревога. – В Лагоре нельзя подолгу оставаться на одном месте.

– Почему? – хрипло спросил Вершинин.

– Того, кто долго стоит на одном месте, рано или поздно настигают хронофаги.

– Кто?

Мальчик наморщил лоб, подыскивая подходящие слова, и у Андрея возникло ощущение, что в этот миг мальчишка роется не в собственной памяти, а в его, Андрея,

голове. Наконец мальчик облизнул губы и тихо сказал:

– Пожиратели времени. В последние годы от них совсем не стало житья.

Красноватый воздух становился темнее. И чем темнее он становился, тем паршивее делалось на душе у Андрея. Будь он лет на пять помладше, он бы, вероятно, опустился на землю, покрытую красноватым песком, и расплакался от страха. Но взрослый человек тем и отличается от ребенка, что умеет брать себя в руки. И сейчас Андрей изо всех сил пытался это сделать.

«Может, я в другом измерении?» – подумал он, и при виде страшного памятника и колеблющихся очертаний огромного замка, выросшего на месте МГУ, мысль эта не казалась ему такой уж странной.

– Хронофаги лишают наш мир будущего, – снова заговорил мальчик. – Посмотрите на башенные часы.

Андрей поднял голову и, заслонив ладонью глаза от вездесущего песка, взглянул на часы. Брови его изумленно приподнялись.

– Прошел уже час? – удивился он. – Но ведь я здесь всего минут пятнадцать...

– Хронофаги обглодали наше время, как черви гриб. Иногда оно скачет, как бешеное, а иногда густеет, как патока, и застывает, как лед. И в такие минуты нам особенно невыносимо жить.

В отдалении снова послышался скрежещающий шум. Андрей увидел аллею, освещенную фонарями. Цепочка фонарей светлела в багровом песчаном тумане, как гирлянда. Фонари висели сами по себе, без всякой опоры или крепления, как шаровые молнии.

– Допустим... – пробормотал Андрей и вытер рукавом вспотевший лоб. – Допустим, что я действительно попал в другое измерение. Но. почему мне кажется, что тут все соткано из тумана? И. где другие люди?

– Если вы говорите о жителях города, то они здесь, вокруг вас, – робко проговорил мальчишка. – Но вы их не видите. Это часто бывает с теми, кто только что прибыл в Лагор из другого мира. Вы, сарги, называете это. – Мальчик наморщил лоб и с трудом проговорил: – А-дап-та-ци-я.

– Как же мне.

Договорить Андрей не успел. Улица взорвалась гомоном голосов, стуком шагов и скрипом колес.

– Смотри, куда идешь, сарг! – гаркнул вдруг кто-то. Андрей отскочил в сторону – что-то огромное и жуткое пронеслось мимо, обдав его облаками красного песка и тошнотворным запахом серы.

Некоторое время Андрей обескураженно смотрел по сторонам. Ощущение призрачности окружающего мира исчезло. Каменные дома, железные ограды и деревья обрели четкость.

Сердце бешено заколотилось у Андрея в груди, когда он увидел, что улица заполнена странными существами. Некоторые из них были похожи на людей, другие – на разряженных в просторную одежду диких животных.

Андрей готов был закричать от ужаса, но вспомнил изречение сэнсэя: «Держи свой разум холодным и ничему не удивляйся. Только холодный разум способен победить наваждение».

Резкий порыв ветра забил Андрею губы песком. Он сплюнул и внезапно почувствовал сильную жажду.

– Послушай. – вновь обратился он к мальчишке. – Как тебя зовут?

– Мое имя – Данко, добрый господин. А ваше?

– Андрей. Андрей Вершинин. Послушай, Данко, где можно попить?

– Попить?

– Ну да. Воду, пиво, сок – что угодно. Мальчик на мгновение задумался, а затем ответил:

– Тут неподалеку есть неплохой трактир, называется «Мандрагора». Если хотите, я

провожу вас туда. Только прошу вас, добрый господин, спрячьте свой меч. Маг Лмерк, наш Властитель, запрещает обнажать клинок на улице. А его стражники патрулируют улицы и имеют обыкновение появляться, когда их совершенно не ждешь.

Вершинин только сейчас вспомнил, что держит в руке бамбуковый меч.

И тут прямо перед Андреем, будто из-под земли, выросли две фигуры. Это были два жутких монстра, высотой по два с половиной метра каждый. Злобные лица, плоские носы, клыки, торчащие между вывернутых губ. Тела их были закованы в латы, на перевязи у каждого висела огромная кобура, сделанная из чего-то прозрачного, вроде пластика, а в ней – что-то похожее на громоздкий, исцарапанный двухствольный пистолет с оптическим прицелом и несколькими рычажками.

Броня и оружие бренчали при каждом их движении, и Андрей не мог взять в толк, как они умудрились появиться бесшумно.

«Что же это такое?» – с отчаянием подумал Вершинин, глядя на чудовищ. – Как же мне проснуться от этого кошмара?»

Андрей крепко зажмурился, выждал несколько секунд, а затем снова открыл глаза. Мир вокруг остался прежним – чужим и страшным.

Остановившись перед Андреем и мальчиком, закованные в панцири монстры осмотрели их с ног до головы. После чего один из них положил лапу на рукоять пистолета и пролаял:

– Указом Властителя Лмерка доставать мечи из ножен средь бела дня запрещено!

– Я. – сипло пробормотал Вершинин и сглотнул слюну. – Я не знал.

– Прошу прощения, господа стражники, – робко заговорил Данко, – но этот добрый господин только что прибыл в Лагор и еще не успел а-дап-ти-ро-вать-ся.

– Еще один новичок, – едва ли не брезгливо проговорил один из монстров.

– Да, – с такой же брезгливой миной подтвердил другой. – В последнее время этих остолопов пруд пруди.

– Скажи спасибо Палеусу-сумасброду. После того как он изобрел свою адскую машину, Порталы стали открываться чаще, чем прежде.

И снова у Вершинина появилось ощущение, что монстры говорят на чужом языке, но воздух Лагора, как универсальный декодер, будто переводит их слова на язык, доступный пониманию Андрея. Словно какие-то участки его мозга пришли в резонанс с колеблющимся, зыбким воздухом и заработали с ним на одной частоте.

– Этот юный лагориец – ваш друг? – спросил у Андрея один из стражников, указывая пальцем на мальчишку.

– Да, – растерянно ответил Вершинин.

– Пусть он вас проинструктирует. – При слове «проинструктирует» воздух странно всколыхнулся. – На первый раз, сарг, мы накладываем на тебя штраф в размере двадцати синедролей. В следующий раз ты отправишься в тюрьму.

Андрей хотел сказать, что у него нет никаких синедролей, но тут мальчишка достал из кармана несколько синеватых, сильно потертых пластинок и протянул их стражникам. Взыскав штраф, стражники повернулись и растворились в воздухе, словно их и не было. Андрей облизнул пересохшие, исколотые песком губы и хрипло сказал мальчишке:

– Тебе пришлось заплатить за меня... Мальчик улыбнулся:

– Пустяки, господин Андрей. Вы ведь спасли мне жизнь. И потом, если честно, я ведь совсем не беден. После смерти родителей мне досталась в наследство большая сумма. Деньги лежат на моем счету в банке Верховного Инквизитора Ротгера. Каждый день я снимаю со счета некоторую сумму на свои нужды. А если потратить все не удастся, раздаю эти деньги тем, кому они нужнее.

Вершинин недоверчиво оглядел тощую фигурку мальчишки в лохмотьях.

– Ты не похож на богача, Данко, – сказал он. Мальчик кивнул:

– Знаю. Это потому, что по духу я странник. Таких, как я, много в Лагоре. Мы просто блуждаем по миру, нигде подолгу не останавливаясь.

– Зачем?

– Мы не выносим оседлой жизни. Она кажется нам тесной и душной.
Андрей вздохнул:
– Ты странный парень. Почему те двое били тебя?
– Я не уступил им дорогу. Бродяги вроде меня считаются низшей кастой и должны уступать дорогу знатым господам. Это предписано специальным указом Властителя Лмерка.
– Ну и порядки, – пробормотал Вершинин.
– Жизнь в Лагоре строго регламентирована, добрый господин. Только так можно уберечь наш мир от того, чтобы он не превратился в проходной двор.
Мальчик произнес эти слова четко, как заученные.
Андрей взглянул на заполненную чудовищами улицу, отвернулся и проговорил слабым, сокрушенным голосом:
– Кажется, мне и впрямь нужно выпить. Эй, Данко, что ты там говорил про трактир?

3

Бесшумно и мягко ступая босыми ногами по припорошенному красным песком полу, мальчик ввел Андрея в просторный зал с темными, потемневшими от времени балками. Пол был выложен каменными плитами. В глубине виднелась лестница, ведущая на второй этаж. Три больших окна с зеленоватыми стеклами выходили на улицу.

Зал был уставлен крепкими дубовыми столами, стульями и скамьями. В центре красовался огромный, выложенный из булыжников камин, в котором на вертеле жарилась туша какого-то зверя.

Едва Андрей переступил порог трактира, как его оглушил гул голосов и стук кружек и кубков. Он с изумлением разглядывал посетителей. Кого здесь только не было! За самым дальним столом, наполовину утопленным в нише, сидели жуткие твари, похожие на чертей. Красные, хвостатые, с рогатыми головами и клыкастыми ртами. В руках у них были кружки, из которых выбивалось голубоватое пламя.

– Кто это? – спросил Андрей у своего юного проводника.

– Дебалусы, – ответил Данко. – На вашем языке их мир принято называть Геенной. Хотя, по слухам, там не так уж плохо. – Он покосился на Андрея и добавил, как показалось Вершинину, с легкой долей иронии: – Не намного хуже, чем у вас.

За ближайшим столом бражничали несколько существ с зеленоватыми лицами, покрытыми чем-то вроде лиловой коры или коросты, но похожими на человеческие. Одеты они были одинаково: зеленые шерстяные куртки, серые штаны, заправленные в высокие сапоги, на головах – что-то похожее на горшки, украшенные перьями. У их стола стояли ружья с мерцающими дисплеями на цевьях. Кроме того, на боку у каждого висело по короткому мечу.

– А это кто? – тихо спросил Андрей, кивнув на зеленолицых.

– Виртуанские охотники, – ответил Данко. – В их мире им не на кого охотиться, потому они охотятся здесь, в Лагоре. Наши леса кишат зверьем. Кроме того, время от времени Властитель Лмерк или Инквизитор Ротгер выдают лицензии на отстрел узников Башни Скорби. Участием в охоте им заменяют казнь.

– «Участие в охоте»? – удивился Андрей. – Это у вас так называется?

– Законопослушным гражданам и гостям Лагора это не грозит, – успокоил его мальчик.

Тут толстый трактирщик, выглядящий совершенно как человек, если не брать в расчет заостренные уши, украшенные кисточками волос, подошел к стойке и, окинув Андрея хмурым взглядом, поинтересовался:

– Что вам подать?

Рот его открывался немного не в так произносимым словам, и выглядело это фальшиво и жутко. Андрей справился с волнением и сипло ответил:

– Стакан воды.

Вскоре трактирщик поставил на стойку стакан с красноватой жидкостью, при одном

лишь взгляде на которую Андрею расхотелось пить. Он отвел глаза от стакана и невольно прислушался к тому, что говорили за соседним столом зеленолицые охотники.

– Крестьяне поговаривают, будто в Сурремском лесу появились анфаусы, – говорил один виртуанский охотник другим. – По ночам близ фирговых владений часто слышат их вой.

– Анфаусы? – вскинул брови его собеседник.

А третий ударил кулаком по столу и грозно прорычал:

– Нужно не мешкая получить у магистратов лицензию на их уничтожение!

В этот момент им принесли заказ – два огромных блюда, в одном из которых дымилось жареное мясо, украшенное зелеными плодами, а в другой – большая нога какого-то зверя, обильно политая серым, резко пахнущим соусом.

– Маги Властителя Лмерка опять задирали рыцарей Инквизитора Ротгера, – продолжил первый охотник.

Второй нахмурился и проговорил:

– Добром это не кончится.

– Если в Лагоре снова вспыхнет война, придется искать для охоты другие леса, – поддакнул третий.

Андрей повернулся к мальчишке, который выбирал на витрине какое-то лакомство, и тихо спросил:

– О каких магах и рыцарях они говорят?

– Это два клана, которые правят Лагором, – ответил Данко, продолжая задумчиво разглядывать лакомства. – На самом деле Лагором правит Незримый Создатель. Однако его никто никогда не видел. Поэтому на деле вся власть принадлежит двум его наместникам – Властителю Лмерку и Инквизитору Ротгеру. Лмерк – глава магов. Ротгер – глава рыцарей-лагорийцев.

– И как же они правят вдвоем? Данко нахмурил брови и вздохнул:

– Сам не знаю. Триста лет назад между магами и рыцарями разгорелась война. С обеих сторон пролилось море крови. Последствия этой войны были настолько ужасными, что кланам пришлось подписать перемирие и заключить союз.

– Но разве простые рыцари могут совладать с магами? – усомнился Андрей. – Колдовские чары не перешибешь мечом.

Мальчик взглянул на Вершинина и, чуть прищурив свои огромные глазища, проговорил:

– Хороший рыцарь стоит двух магов, мой господин. Меч в его руках – сродни лучу света, пронзающему тьму.

– Хочешь сказать, что маги боятся рыцарей?

– Конечно.

– А рыцари? Они не боятся магов?

– Рыцарь-лагориец, если он действительно рыцарь, не боится никого и ничего. Запомните это, добрый господин. Если вы назовете рыцаря-лагорийца трусом – тут же лишитесь головы.

В трактир вошел новый посетитель. Он сразу привлек внимание Андрея. Это был рослый мужчина с такими широкими плечами, что они казались ненастоящими. На голове у него красовался странный головной убор с высокой тульей, украшенной перьями. А длинные каштановые волосы, чрезвычайно густые, были зачесаны назад и заплетены в косички.

Мужчина был горбонос и скуласт, а его длинный, сужающийся подбородок заканчивался острой каштановой бородкой. Лицо его было покрыто не то татуировкой, не то рисунком из странных узоров, причем казалось, что узоры эти нанесены как бы с изнанки его кожи и проступают сквозь нее. Еще на лице у него был виден зарубцевавшийся шрам, проходивший от переносицы через всю левую щеку. А уши были заострены и увенчаны рысьими кисточками.

Во всем облике незнакомца – в крутом изломе его темных бровей, слегка раскосых

зеленоватых глазах, хищном, хрящеватом носе и узком подбородке – было что-то мефистофельское.

На правом боку великана висел широкий кинжал, а на левом – огромный меч, под стать его богатырскому телосложению.

Было видно, что рыцарь пользуется популярностью среди посетителей трактира. Его то и дело окликали из-за столов. Некоторые просто здоровались, а другие протягивали ему навстречу наполненные вином кубки. Однако рыцарь отказывался от вина, отвечая приятелям то вежливой улыбкой, то острым словом.

Подойдя к стойке, он обменялся с трактирщиком приветствиями и осведомился:

– Как поживает твоя жена, дружище?

– Не знаю, господин рыцарь, – уныло отозвался тот, поставив перед мужчиной кубок из странного, зеленоватого металла, доверху наполненный красным вином. – Я не разговаривал с ней две недели.

– Почему?

– Представьте себе: эта старая дура вздумала пудрить лицо и подводить глаза и губы краской!

– И что же тут плохого?

– То есть как это что, – растерялся трактирщик. – Все в этом мире должно быть естественно, так учит Его Светлость Властитель Лмерк.

– Все, что есть у женщины, чтобы выжить в мире мужчин, – это ее красота, – спокойно проговорил рыцарь. – Нет ничего зазорного в том, что твоя жена прибегает к помощи красок, желая сохранить розы и лилии на своих увядающих щеках.

Трактирщик насупился, но возражать не решился. Рыцарь тем временем отхлебнул из кубка, а затем спросил:

– Что слышно в Анаране? Казнят кого-нибудь?

– Сегодня вроде бы нет. А вчера одному крестьянину отрубили ноги и руки за то, что он сорвал пучок колосков с хлебного поля знатного мага.

Рыцарь мрачно усмехнулся и проговорил:

– Весело живется на свете лагорийскому бедняку. Андрей ущипнул себя за руку, надеясь проснуться.

Но это не подействовало. Тогда он, вспомнив о своем решении играть по установленным во сне правилам, чуть выдвинулся вперед и сказал:

– Простите, что вмешиваюсь. Вы сказали, что крестьянина четвертовали за то, что он сорвал несколько колосков?

– Эти колоски, равно как и сама земля, на которой они произрастали, принадлежат знатному магу, – сказал трактирщик, окинув Андрея быстрым холодным взглядом.

– Это чудовищно, – сказал Вершинин. Широкоплечий рыцарь взглянул на него с интересом.

– Совершенно справедливые слова, – сказал он. – Кажется, мы с вами не знакомы. Могу я узнать, кто вы?

– Меня зовут Андрей. Андрей Вершинин.

– А меня Бройль, – представился рыцарь. – Должно быть, вы обо мне слышали?

Андрей покачал головой:

– Нет. Я только сегодня приехал в ваши края.

– Вот как? Что ж, надеюсь, что вам понравится в Анаране. – Рыцарь отхлебнул вина и сказал, вновь обращаясь к Вершинину: – Вы уже где-нибудь остановились?

– Нет, – честно признался Андрей.

«Я не уверен, что вообще должен где-то останавливаться», – хотел добавить он, но трактирщик его опередил.

– Господа, – сказал он, – у меня есть отличная меблированная квартира. Чистая, с исправным обогревом, двумя отличными кроватями и окнами на улицу.

– И во сколько синедролей обойдется нам это сокровище? – поинтересовался рыцарь.

– С вас я возьму двадцать синедролей за ночь. Рыцарь взглянул на Андрея.
– Признаться, я сейчас на мели, – сказал он. – Если вы согласны снять эту квартиру на двоих и поделить плату пополам...

– Я согласен, – выпалил Андрей.

И тут же подумал, удивляясь себе: «Какого черта я это сказал? У меня ведь даже денег нет.»

Он поискал взглядом Данко, чтобы спросить у него совета. Мальчик стоял в отдалении, перед стеной, на которой висела клетка с какими-то птицами. Судя по странным звукам, он пытался подражать из свисту.

– Этот мальчик – ваш слуга? – осведомился рыцарь.

Трактирщик снова опередил Андрея и сказал:

– Для слуги я могу поставить в прихожей кушетку, – сказал он. – Если, конечно, это вас устроит.

– Нас устроит, – ответил за Андрея рыцарь и протянул трактирщику свою огромную ладонь: – Значит, по рукам?

– По рукам! – ответил трактирщик и с готовностью пожал руку рыцаря.

4

На улице совсем стемнело. Песчаный ветер дул все с тем же остервенением. Он взбаламучивал наползающий багровый туман и взбивал его, словно масло.

Едва они вышли на улицу, как в отдалении послышался страшный скрежещущий звук. Мгновение он звучал на высоких и визгливых тонах, а затем снова стал тише.

– Хронофаги, – тихо проговорил рыцарь, прислушиваясь к скрежету, и рука его легла на рукоять меча. – Они не успокоятся, пока не сожрут нас всех.

В голосе его, впрочем, не было никакого испуга. Воспользовавшись моментом, Андрей решил прояснить ситуацию с хронофагами раз и навсегда.

– Бройль, – тихо окликнул он. – А что это за твари?

– Хронофаги?

– Да.

Рыцарь задумался.

– Слышали когда-нибудь про черную дыру?

– Да.

– Представьте себе, что черная дыра – это нора. А хронофаги – твари, которые обитают в этой норе.

Они пожирают время, лишая нас будущего и вычеркивая из памяти прошлое.

Андрей попытался это осмыслить, но у него ничего не получилось.

– Это слишком сложно для меня, – сказал Вершинин. Бройль усмехнулся:

– Это сложно для всех, мой друг.

– Но они разумны?

– Хронофаги? Как вам сказать... Они – воины небытия. Если вы захотите поговорить с хронофагом, он будет столь же разумен, как и вы. Если он будет говорить с сумасшедшим, он будет сумасшедшим. Хронофаг – что-то вроде смутного отражения самой темной из сторон вашей души.

Андрей обдумал его слова, еще тщательнее, чем прежде, потом качнул головой и сказал:

– Нет. Боюсь, мне этого не понять. Бройль улыбнулся:

– Земная логика тут бессильна. Но поверьте мне, если хоть один хронофаг проникнет в ваш мир – вам всем придет конец. Они – как смертельные вирусы, паразитирующие на живом организме и постепенно разрушающие его.

На этот раз аналогия показалась Вершинину вполне ясной.

– И как хронофаг может проникнуть в наш мир? Рыцарь пожал могучими плечами:

– Не знаю, мой друг. Всегда есть какая-нибудь лазейка... У каждой болезни бывают

свои носители. Есть они и у хронофагов. Думаю, какая-нибудь черная душа вполне может и для этого сгодиться.

Бройль хотел еще что-то добавить, но тут из багрового сумеречного воздуха соткались два вооруженных стражника. Ростом оба они превосходили рыцаря, однако были уже него в плечах.

– Господин! – обратился один из них к рыцарю. – Вы должны немедленно сдать свое оружие и проследовать за нами в магистрат.

– Вот как? – Он усмехнулся и холодно заметил: – В ваших интересах, господа, было бы не играть с огнем. На каком основании вы хотите меня задержать?

– Вы нарушили указ Властителя Лмерка! – пролаял второй стражник, неприязненно глядя на рыцаря.

– Какой именно? – сухо уточнил тот.

– Тот, который гласит, что длина рыцарского меча в главной цитадели Лагора, стольном граде Анаране, не должна превышать сорока ратонов. Ваш меч превышает допустимую длину на два ратона, и за этот излишек вы должны ответить перед Законом.

Глаза рыцаря недобро блеснули, он положил пальцы на рукоять своего огромного меча и отчеканил:

– А теперь слушайте меня, стражники. Если вы немедленно отсюда не уйдете, я засуну этот «излишек» вам в... – Фразу он закончил крепким словом.

Стражники явно растерялись. Было видно, что им нечасто приходилось нарываться на сопротивление. Один из них свирепо пролаял:

– Рыцарь, вы вынуждаете нас применять силу!

Он вскинул руку, намереваясь схватить Бройля за плечо, но тот увернулся, и лапища монстра скользнула по султану его шляпы. Клинок меча, холодно блеснув в свете газовых фонарей, уткнулся стражнику в горло.

– Я, кажется, просил тебя не искушать судьбу, стражник, – с холодной яростью проговорил рыцарь.

– Оказание сопротивления карается смертной казнью, – хрипло проговорил второй стражник, свирепо, но слегка растерянно глядя на то, как острие меча щекочет шею его напарнику.

Однако рыцарь пропустил эти слова мимо ушей. Взгляд его по-прежнему был устремлен на стражника, шею которого он намеревался проткнуть.

– Ты посмел поднять руку на рыцаря-лагорийца, – холодно проговорил он, глядя перепуганному стражнику в глаза. – Понимаешь ли ты, какую ошибку совершил?

– Это была вынужденная мера, – прохрипел стражник. – Властитель Лмерк узнал, что в городе появились незарегистрированные гости из темных миров. И гости эти очень опасны.

Рыцарь усмехнулся:

– Это меняет дело, но ненамного. Если тебе так спокойнее, то я клянусь, что не собираюсь покушаться на жизнь Лмерка.

– Клятва, в которой не упоминается имя Незримого Создателя, ничего не стоит. Поклянитесь Его именем, господин рыцарь.

Брови рыцаря сошлись на переносице.

– Слово рыцаря-лагорийца тверже стали, – отчеканил он. – Я дал клятву в самом себе, при чем же тут Создатель?

– Вы правы, – мгновенно смирился стражник. – Простите за то, что посмел усомниться в вашем слове.

– Следовало бы отрезать тебе уши, грязный холуй. Но так и быть – я тебя отпущу. Что же до остального...

Свободной рукой рыцарь достал из кармана штанов небольшую черную палочку и потряхнул ею в воздухе.

Тотчас из палочки развернулся мерцающий голубоватый свиток, испещренный символами. Бройль сунул полупрозрачный свиток в морду стражнику и проговорил:

– Если умеешь читать – прочти это.

Стражник пробежал глазами по свитку, сглотнул слюну, перевел взгляд на рыцаря и сказал:

– Почему же вы сразу не показали нам ваш *особый пропуск*?

– Хотел посмотреть на ваши физиономии, когда сделаю это. – С этими словами рыцарь вложил меч в ножны, затем схватил стражника за плечо, резко развернул и дал ему хорошего пинка.

Пробежав несколько шагов, стражник остановился и коротко и невнятно выругался. Рыцарь повернулся и зашагал по улице. Андрею и мальчику оставалось только нагнать его и пойти рядом.

* * *

Вскоре после того, как Андрей, Бройль и мальчишка покинули трактир «Мандрагора», в зал вошли еще два гостя. Первый был очень высоким, с темными длинными волосами, мягкой волной спадающей ему на плечи, и черными миндалевидными глазами. Одет он был в серый балахон с металлическим отливом и подпоясан широким серебряным поясом. Второй был значительно ниже, толстый и совершенно лысый. Балахон его был темнее, чем у высокого, и выглядел поскромнее, да и пояс был не таким широким.

Оба гостя окинули зал брезгливыми взглядами, затем прошли к самому дальнему столику и сели. Дождавшись, пока разносчик поставил на стол два кубка с вином и ушел, высокий посмотрел на своего лысого спутника и сказал:

– Через два дня в Лагор прибудет Темный посланник. К этому моменту перстень должен быть у нас.

– Я добуду его, хозяин, – почтительно склонив лысую голову, проговорил толстяк. – Клянусь Незримым Создателем.

– Если мы опоздаем, Заповедные Врата закроются, и перстень превратится в бесполезную безделушку. Так же, как и твоя голова, Соил.

Маг авгур ответил полным покорности голосом:

– Я все сделаю, Менерих. Темный посланник получит свой перстень. А вы – плату, на которую рассчитываете. – Авгур исподлобья глянул на хозяина и негромко добавил: – Но, мой господин, вы уверены, что Темный посланник нас не обманет?

Менерих прищурил черные, как два бездонных колодца, глаза.

– Неужели ты и правда считаешь, что кто-то способен поступить со мной так? – холодно спросил он.

Авгур смутился:

– Нет, хозяин, я так не считаю. Я просто оговорился.

– Впредь следи за своим языком, Соил. Иначе я вырву его из твоей поганой глотки и брошу на съедение бродячим псам.

Менерих неторопливо отхлебнул вина. Затем поставил кубок на стол и снова взглянул на авгура:

– Ты уже выяснил, куда подевался мальчишка?

– Нет, мой господин, но ему от меня не скрыться. Все ликаны и стригои Москвы ищут этого парня. Не пройдет и суток, как он будет найден. Мой господин, можно задать вам вопрос?

– Задавай, – разрешил Менерих.

– Зачем *Тому, Кто Придет За Перстнем*, понадобился мир саргов?

– Любая экспансия имеет свое начало, авгур. И почему бы миру саргов не стать первым в череде поработанных миров?

Соил наморщил широкий лоб, обдумывая слова хозяина, а Менерих небрежно поинтересовался:

– Ты наказал стригоев, которые упустили перстень и позволили парню уйти?

– Да, мой господин. Никто из них не остался в живых.

Менерих кивнул своей красивой, как у египетского фараона, головой:

– Хорошо. Если все пройдет гладко, ты получишь щедрую награду, Соил. Но если мне придется самому переместиться в мир саргов и подвергнуть свою жизнь опасности – я сделаю с тобой такое, чего ты даже не можешь себе представить. Так что не подведи меня, Со-ил. – Менерих посмотрел авгуру в глаза и повторил голосом, от которого по спине у мага пробежал мороз: – Не подведи.

Затем улыбнулся и снова взялся за свой кубок.

5

Пройдя через узкий коридор, примыкавший к кухне, Андрей, рыцарь и семенивший за ними мальчишка попали на жилую половину дома. Комната, в которую их ввел хозяин, была просторная, но не очень светлая из-за толстых мутных стекол. Посреди комнаты стоял дубовый стол. У одной из стен Андрей увидел кучу странной техники в мерцающем серебристом корпусе.

Усевшись на скамью, рыцарь снял шляпу, взглянул на сломанное перо и, нахмурившись, проговорил:

– Эти сволочи сломали мне султан.

– Главное, что голова ваша по-прежнему твердо сидит на ваших плечах, – сказал мальчик, с обожанием глядя на рыцаря.

Рыцарь усмехнулся:

– Ты прав, мальчик.

Он поднялся со скамьи, скинул камзол и направился к умывальнику, негромко что-то напевая себе под нос. Рыцарь набрал полную пригоршню воды и плеснул себе в лицо.

Тут в дверь постучали.

– Кого там нелегкая принесла? – недовольно проворчал рыцарь и, вытирая полотенцем руки, подошел к двери.

Возможно, ему стоило спросить, кто стоит за дверью. Но, судя по всему, у благородного рыцаря не было привычки осторожничать. Распахнув дверь, он нахмурился. Но тем не менее посторонился, впуская незваных гостей в комнату.Guests этих было четверо. Андрей узнал среди них двух закованных в латы стражников, которых видел на улице.

Стражники держались чуть позади высокого статного господина в темной хламиде, подпоясанной алой лентой. У господина было суровое морщинистое лицо, гладко выбритое и неприятного землистого цвета. Оно было так же, как лицо рыцаря Бройля, покрыто узорами символов. Однако в узорах было что-то темное и зловещее. В сухих морщинистых руках он держал жезл из желтого металла.

Был среди вошедших и еще один: невысокий и худой, он держался за спинами монстров. Одет коротышка был в такую же хламиду, как и господин с жезлом, но подпоясана она была золотым шнуром.

– Вот он! – грубо проговорил один из стражников и показал пальцем.

– Еще раз ткнешь в меня пальцем – и я оторву тебе голову, – спокойно и холодно отчеканил рыцарь, глядя стражнику в глаза.

Тот стушевался и поспешно опустил руку.

– Господин рыцарь, – заговорил не терпящим возражений тоном человек в темной хламиде, подпоясанной алой лентой, – вы оказали сопротивление стражникам Властителя Лмерка, тем самым нарушив Закон.

– Могу я узнать, с кем имею дело? – холодно поинтересовался тот.

– Я Маг Поручитель из личного корпуса Властителя Лмерка. Я знаю, что вы предъявили стражникам *особый пропуск*. Но ныне подобные документы недействительны. Месяц назад они были отменены особым указом Властителя Лмерка.

– Гм. – Рыцарь усмехнулся. – Вижу, я долго не был в Лагоре.

– Возможно, сударь. Но теперь вы пройдете с нами.

– Господа, – заговорил вдруг Андрей, сам удивляясь своей наглости. – Простите, что вмешиваюсь, но мне кажется, произошло недоразумение.

Маг Поручитель удивленно и неприязненно уставился на Вершинина. Его глубоко посаженные глаза сверкнули мертвенным блеском.

– С кем я говорю? – надменно осведомился он.

– Меня зовут Андрей Вершинин. Я сегодня прибыл в Лагор.

Маг Поручитель прищурил тяжелые веки:

– Беря в расчет вашу неопытность, я пропущу ваши слова мимо ушей. Но при условии, что вы больше не будете лезть в разговор и отойдете в сторону. Иначе.

– Иначе что? – дерзко спросил Андрей, чувствуя не столько страх, сколько раздражение. – Вы всего лишь порождение моего спящего сознания. Я сплю, а вы – мой сон.

Андрей и сам не знал, зачем сказал это. Видимо, напряжение последнего часа дало о себе знать. Ответом ему была немая сцена, и все присутствовавшие с изумлением уставились на него.

По тонким губам Мага Поручителя пробежала усмешка, и он слегка приподнял свой жезл. В глазах у Андрея ярко вспыхнуло, и что-то тяжелое и горячее с силой ударило его в грудь. Вершинин упал на пол, но снова поднялся на ноги и обалдело затряс головой.

Рыцарь наклонил голову и, угрюмо глядя на Мага Поручителя, процедил сквозь зубы:

– Вы применили магию против гостя, хотя он не сделал вам ничего плохого.

– Я не намерен обсуждать с вами свои действия, – отчеканил маг.

– Вот как?

Лицо рыцаря слегка побелело, символы, испещрявшие его, ожили и задвигались, складываясь в самые замысловатые сочетания.

Маг понял, что оплошал, и на мгновение смутился, но тут же взял себя в руки и холодно проговорил:

– Я поступил так, как велит закон. И закончим этот спор. Одевайтесь, господин рыцарь. Вы пойдете с нами.

Андрей наконец пришел в себя. Он выхватил из спортивной сумки меч-синая и, кипя от обиды и ярости, шагнул к Поручителю. Тот снова вскинул свой жезл, но рыцарь поднял левую руку, и вдруг жезл вырвался из пальцев мага и отлетел в сторону. Маг вскрикнул и затряс рукой.

– Вы за это поплатитесь! – рявкнул он.

– За что именно? – сухо уточнил рыцарь.

– Рыцарям запрещено применять силу против представителей власти!

– Рыцари-лагорийцы и сами – представители власти, – парировал Бройль.

Тут коротышка с золотым поясом, до сих пор стоявший молча, оттолкнул стражника в сторону, шагнул вперед и, сбросив с лица капюшон, завопил:

– Как смеешь ты указывать Магу Поручителю, Бройль?!

Лицо у него было злобное, морщинистое, хотя и молодое, а узоры на щеках и скулах имели красноватый оттенок и извивались, как тонкие черви.

Андрей решил, что тоже имеет право голоса. В конце концов, это его сон, каким бы жутким и нелепым он ни был. Вершинин выставил перед собой бамбуковый меч и проговорил дрогнувшим от волнения голосом:

– Кажется, вам ясно сказали.

– Прочь с дороги, мерзкий сарг! – завизжал коротышка и выхватил из кармана балахона золотой жезл.

Андрей, помятуя, какую страшную силу имеют здесь жезлы, резко ринулся вперед и молниеносным ударом выбил его у коротышки из рук.

– Сударь, нет! – крикнул мальчик, бросился к Андрею и повис у него на руке.

Бройль заслонил собой Андрея и сухо сказал:

– Вам придется уйти, маги!

Коротышка зарычал, но Маг Поручитель положил руку ему на плечо и резко проговорил:

– Мы подадим жалобу в магистрат!

– Делайте, что должны. Но сейчас – вон отсюда! Несколько секунд все стояли неподвижно и молчали.

Но взгляд Бройля был холоден и тверд. И было ясно, что у Мага Поручителя нет никакого желания проверять, насколько далеко готов зайти рыцарь.

Маг Поручитель перевел взгляд на Вершинина и процедил сквозь зубы:

– Не думай, что тебе удастся так просто уйти, сарг. – Затем развернулся и сказал своим спутникам: – Идемте.

Коротышка поднял с пола свой золотой жезл и посмотрел на Андрея сверкающими глазами. Губы его тряслись, а узоры на щеках стали багровыми и яростно извивались. Однако он ничего не сказал, а лишь накинул на голову капюшон и вышел вслед за Магом Поручителем и двумя притихшими стражниками.

Когда дверь за ними закрылась, Бройль медленно выдохнул и посмотрел на Вершинина:

– Вы подняли меч на племянника Главного Советника – Климорда, – сказал он.

– То есть этот лилипут – сын важного чиновника? – уточнил Андрей.

Бройль кивнул:

– Да. Главный Советник – очень влиятельное лицо в Лагоре.

Вершинин нахмурился. Пусть это сон, но даже во сне не стоит подставлять хороших людей.

– Мне пора, – сказал он и сунул бамбуковый меч в сумку.

– Ты не должен уходить, – сказал рыцарь. – Только твоя воля может противостоять им.

Андрей улыбнулся и покачал головой:

– Я сам ввязался в это и сам за все отвечу. Прощай, Бройль! Прощай и ты, Данко!

Вершинин забросил спортивную сумку на плечо и повернулся к двери. В тот же миг словно тысячи ледяных игл пронзили его тело, а душу обуял ужас. Крик застрял у Вершинина в горле, ноги его подкосились. Он хотел обернуться к Бройлю, но было уже поздно.

Невидимая ледяная сеть опутала его и подняла в воздух. А затем одним рывком выдернула из комнаты, протащила сквозь закрытое окно и швырнула в проезжающую мимо громоздкую, исходящую паром, тарахтящую по выбоинам дороги самоходную коляску.

– Сам пришел! – услышал Андрей зловещий голос Мага Поручителя.

– Вывалился из окна прямо к нам в лапы! – хихикнул коротышка Климорд.

Андрей несколько раз моргнул, фокусируя зрение, увидел склонившиеся над собой лица магов и пробормотал:

– Как я здесь оказался?

Коротышка прищурил злобные глаза и с ненавистью проговорил:

– Похоже, этот сарг никакой не храбрец, а обыкновенный идиот. Надеть на него хомуты!

Монстры-стражники навалились на Андрея и в мгновение ока защелкнули на его руках и ногах хомуты.

6

Андрей лежал в углу мрачной просторной комнаты, прямо на полу. Рот его был заткнут кляпом, руки – стянуты за спиной хомутами.

Тоска саднила в душе стальной иглой. То, что с ним происходило, Андрей не считал сумасшествием. Нет, нет, он не сошел с ума. Это точно. Привычная логика не срабатывала в отношении окружающего мира, и он, Андрей, это видел – значит, с его рассудком все в порядке. Умалишенные не ведают о том, что они умалишенные.

И все же в этой ситуации безумие было бы для Андрея Вершинина лучшим выходом.

Комната была заполнена магами. Все они стояли, кроме одного – коротко стриженного, грузного, широколицего, с толстыми бескровными губами и плоским носом. Он сидел в большом кожаном кресле, и тяжелые морщинистые веки его были устало прикрыты. Одет он был в широкий коричневый балахон, стянутый на обширной талии золотым ремнем. На ногах красовались золотые сандалии.

Лица всех магов были испещрены странными рисунками, похожими на татуировки, и у некоторых эти рисунки двигались, складываясь в замысловатые символы и тут же распадаясь вновь.

Худосочный маг с костлявым лицом, выражение которого сочетало в себе лукавство и подобострастие, скользнул к креслу и прогнусавил:

– Советник, сарг, который оскорбил вашего племянника, ждет разговора с вами!

Главный Советник открыл усталые глаза и пророкотал:

– Тащите мерзавца сюда.

Двое стражников схватили Андрея за плечи, рывком подняли на ноги и подтащили к креслу. Затем один из них вырвал изо рта Андрея кляп, а затем пнул сапогом по ногам, и тот рухнул на колени.

Советник устало посмотрел на Вершинина и небрежно осведомился:

– Ты и есть тот сарг, который оскорбил моего племянника?

– Это он! – крикнул стоявший рядом с креслом Климорд и выхватил золотой жезл. – Презренный, вонючий сарг, ты заплатишься за это!

Советник поморщился, словно у него болел зуб, и лениво проговорил:

– Угомонись, Климорд.

Коротышка нехотя опустил жезл и бросил на Андрея яростный взгляд. Несколько секунд Советник смотрел на Вершинина своими усталыми, безразличными глазами, затем разомкнул плоские губы и спросил:

– Как тебя зовут, сарг?

– Андрей Вершинин, – ответил Андрей, хмуро глядя в глаза Советнику.

– Ты, кажется, вообразил себя рыцарем? Андрей покачал головой:

– Нет. Я...

– Тогда почему ты носишь при себе меч? – повысив голос, осведомился Советник.

Андрей перевел дух и ответил дрожащим голосом:

– Я шел с тренировки. У меня тренировки по средам и пятницам. А меч этот – не настоящий. Он из бамбука. Он называется «синай» и нужен мне, чтобы...

Советник ленивым жестом остановил его и проронил, обращаясь к слугам:

– Подайте мне меч.

В то же мгновение бамбуковый меч Андрея материализовался в воздухе прямо перед лицом Советника. Тот внимательно осмотрел его, затем приподнял брови:

– Это и есть меч сарга? Простая деревянная палка? Маги, стоявшие рядом с креслом, усмехнулись, а те, что стояли поодаль, поежились и чуть пригнули головы. Советник насмешливо посмотрел на Андрея.

– Это что же? – усмехаясь, осведомился он. – Выходит, ты угрожал моему племяннику ученическим мечом?

Андрей натянуто улыбнулся и сдавленно пробормотал:

– Да.

Несколько секунд Советник раздумывал, глядя на Вершинина так, как хорошо пообедавший человек смотрит на новую порцию еды, потом поморщился и сказал:

– Ты не нравишься мне, сарг. Я бы с радостью приказал отрубить тебе голову, но Великая Конвенция призывает быть милосердным. Поэтому я помилую тебя и отпущу на все четыре стороны. Эй, стража, вышвырните этого сарга на улицу!

Стражники шагнули к Андрею, но тут один из типов, стоявших возле кресла, бросился вперед и воскликнул:

– Прошу тебя, маг, не делай этого!

Все, кто был зале, с удивлением уставились на выскочку. Это был высокий худой мужчина с черными волосами, в которых ярко белела седая прядь.

Советник смерил его хмурым взглядом и негромко проговорил:

– Я разрешил тебе присутствовать здесь при условии, что ты будешь молчать, рыцарь.

– Статус наблюдателя позволяет мне подавать реплики, Советник. Об этом говорит двенадцатый параграф Великой Конвенции.

Советник поморщился:

– Ты прав, рыцарь. Итак, говори: чего тебе надо? Долговязый рыцарь холодно посмотрел на Андрея и громко сказал:

– Советник, этот юный сарг – враг. Он не заслуживает твоего снисхождения.

– Враг? – Советник подозрительно нахмурился. – О чем ты говоришь, рыцарь Гармата?

– Он отдал перстень Бафомета магу-изменнику. И теперь многим мирам Содружества угрожает опасность.

Маг Советник перевел взгляд на Андрея и удивленно переспросил:

– Этот ничтожный сарг отдал перстень авгуру?

– Да, – ответил Гармата.

Во взгляде мага, устремленном на Андрея, проступило любопытство.

– И зачем же ты это сделал, сарг?

Вершинин разлепил спекшиеся губы и тихо проговорил:

– Простите, но я не понимаю.

– Что тут непонятного? Отдал ты перстень авгуру или нет?

Андрей собрался с духом и ответил:

– Если вы говорите про лысого толстяка, которого я вчера встретил на ВВЦ, то да, я отдал ему перстень. Но этот перстень принадлежал ему. По крайней мере, он так сказал.

Советник еще несколько секунд разглядывал Андрея, потом повернулся к рыцарю Гармате и неохотно проговорил:

– Ты прав, рыцарь. Он сам во всем сознался.

– Думаю, что он виноват и в другом, – сурово сказал Гармата. – Этот юный сарг хитростью проник в офис «Линии». Там, с помощью какой-то магической хитрости, он сумел отвлечь Хороса, а затем впустил в офис ликанов, стригоев и магов-изменников.

Маг Советник снова посмотрел на Вершинина, и на этот раз в его взгляде было не только любопытство, но и изумление.

– Гармата говорит правду? Это сделал ты? Андрей тряхнул головой.

– Это все какое-то недоразумение, – хрипло произнес он. – Я никого не предавал. Вы должны верить мне, потому что. потому что.

– Потому что – что? – с холодным любопытством осведомился Советник.

– Потому что все это – мой сон! – выпалил Вершинин.

На лица присутствующих появились усмешки.

– Этот сарг действительно хитер, – сказал Советник. – Но его хитрость – это хитрость сумасшедшего. Я верю тому, что ты говоришь, рыцарь Гармата. Передай моему другу, Инквизитору Ротгеру, что я накажу предателя по заслугам. Эй, стража! Возьмите сарга и отведите его в темницу. А на рассвете бросьте этого гаденыша с Башни в ров. Исполняйте!

Андрей хотел вскочить на ноги, но один из стражников ударил его кулаком по голове. А второй грубо впихнул ему в рот кляп. Затем стражники подхватили Андрея и быстро потащили к двери.

Советник взглянул на Гармату:

– Это все, что ты хотел сказать, рыцарь?

– Советник, если вы что-то знаете о местонахождении Менериха.

– А почему, собственно, я должен что-то знать о нем? – резко перебил Советник.

– Вы – один из самых сильных магов Лагора. А, по некоторым слухам, Менерих...

Гармата осекся, поняв, что превысил дозволенные полномочия, а Советник сдвинул брови, чуть подался вперед и отчеканил:

– Менерих не маг. У вас нет никаких доказательств этого.

– Да, но.

– Не зазнавайся, лагориец! – прорычал Советник. – Помни, с кем ты говоришь!

Гармата закусил губу, сделал над собой усилие и низко поклонился.

– Прошу прощения, маг, – глухо проговорил он. Советник откинулся на спинку кресла и высокомерно произнес:

– Твое время истекло, наблюдатель. Теперь ты должен покинуть мой дворец.

– Да, Советник.

Гармата снова низко поклонился, затем развернулся и зашагал к двери. Два стражника пошли вслед за рыцарем, чтобы препроводить его до ворот. Когда шаги их стихли в отдалении, один из магов с плохо скрываемым гневом произнес:

– Мой господин, эти рыцари совсем зазнались. Пора бы их приструнить.

– Властитель Лмерк сам решит, кого ему «приструнить», – сухо проговорил Советник. – А ты, маг огня, просто делай свою работу и не забивай голову вещами, о которых тебе по долгу службы думать не полагается.

Маг огня низко поклонился в знак того, что принимает каждое слово начальника без возражений.

– Теперь оставьте меня, – сказал Советник, обращаясь ко всем магам сразу. – Я хочу отдохнуть.

Маги принялись чертить пальцами в воздухе какие-то знаки – и стали бесшумно исчезать один за другим. Их наместник устало прикрыл глаза и, положив руки на подлокотники кресла, расслабил свое грузное, стареющее тело.

7

Старая, потемневшая от времени и сырости каменная кладка. Каменный пол. У стены – деревянные нары с тощим тюфяком, набитым соломой. Впереди, слева и справа, – железная решетка. По соседству, за решеткой, – другие узники.

Воздух в темнице был темен и сыр. В полумраке Вершинин не имел возможности как следует разглядеть своих соседей, но отчетливо слышал их негромкие голоса.

– Скажу тебе честно, Адран, моя деятельность в должности советника сильно походила на лотерею, – говорил один. – Подпишешь распоряжение, примешь решение, а потом сиди и гадай: то ли тебя наградят поместьем в Орсенвальме, а то ли подведут к известному всем сооружению с намыленной петелькой и накинута эту петельку тебе на шею?

– Да, друг, приятного мало, – согласился с ним другой. – Но при демократии и торжестве общественного мнения тебе было бы ничуть не лучше. Будучи советником Лмерка, ты зависел только от его воли и настроения, а при власти общественного мнения тебе пришлось бы стать марионеткой черни.

– Это не так. Политик должен согласовывать свои действия с мнением большинства граждан. Глас множества – это глас Незримого Создателя.

– Не о том вы толкуете, сидельцы, – хрипло вмешался третий голос. – Вам пора подумать о собственной незавидной участи. Завтра-послезавтра петельки, про которые вы говорите, затянутся на ваших тощих шеях. И тогда никакой глас большинства вам уже не поможет.

– Ты излишне пессимистичен, Урс. Всем известно, что после смерти каждый лагориец попадает в один из низших миров с возможностью последующей реабилитации.

Андрей приподнял с тюфяка голову и удивленно взгляделся в полумрак.

– Прошу прощения, – заговорил он. – Про какие такие низшие миры вы говорите?

– Про такие, как твоя Саргория, – ответил ему хриплый голос Урса.

Вершинин нахмурился:

– Вы в самом деле думаете, что ваш Лагор – центр и вершина Вселенной?

На это хриплый голос ничего не ответил, зато ответил другой, который Андрей

услышал первым:

– Конечно, Лагор – первое и главное творенье Незримого Создателя. Создатель сконструировал его силой своей мысли. Впрочем, некоторые изощренные умы считают, что Лагор – всего лишь сон Создателя и, когда он пробудится, Лагор исчезнет. А вслед за Лагором исчезнут и другие миры, которыми Лагор оброс, как днище корабля – ракушками.

– А я слышал, что другие миры – всего лишь тени, отбрасываемые Лагором от света, который излучает Незримый Создатель, – сказал голос, который вступил в беседу вторым.

Андрею подобный взгляд на вещи показался диким. Он сел на нарах, опустив ноги на каменный пол, немного помолчал, а затем сказал:

– Вы считаете наш мир низшим, но поверьте, он не сильно отличается от вашего.

– Да ну? – насмешливо отозвался хриплый голос. Послышался тихий, многоголосый смех.

– Эй, парень, ты у нас впервые? – спросил кто-то из узников.

– Да, – ответил Вершинин.

– А тебя не удивил тот факт, что ты понимаешь нашу речь?

– Удивил, но.

– Но что?

– Я подумал, что это какое-то свойство здешнего воздуха.

– Правильно подумал. Воздух Лагора снисходителен и милостив к гостям. Наша речь для тебя – всего лишь невнятная, чудаковатая абракадабра. Но ты слушаешь ее – и понимаешь. В твоих ушах она звучит привычно, верно?

– Верно, – тихо ответил Андрей.

– Лагор подстраивается под тебя, странник, хоть ты этого и не заслуживаешь.

– Вы хотите сказать, что воздух Лагора. обладает разумом? – с изумлением проговорил Андрей.

– Как и все, что сотворил Незримый Создатель. Воздух, которым вы дышите в вашей Саргории, – мертвый. Что-то вроде углекислого газа, который вы выдыхаете после того, как глотнули свежего горного воздуха. Теперь ты видишь, что ваш мир – всего лишь тень, жалкое подобие нашего.

Голова у Андрея шла кругом. Сжав виски ладонями, он попытался обдумать все, что услышал. С полминуты все молчали, а потом тот голос, который рассказывал ему про воздух Лагора, вздохнул и горестно произнес:

– Одна беда, сарг, – наш мир меняется. Хронофаги хорошо над ним поработали, и многие уверены, что Лагору приходит конец.

– И мне вместе с ним, – с горечью проговорил Вершинин. – Через час, а может быть и меньше, меня сожрут неведомые твари. Похоже, ваш Лагор – это мой кошмарный сон, от которого мне не суждено проснуться.

– Ни с кем ничего нельзя сделать вопреки его желанию, – веско проговорил кто-то из узников. – Запомни это, юный сарг.

Андрею было что возразить, однако он не успел. Лязгнул замок, и дверь его клетки со скрипом распахнулась.

– Пора, сарг! – прорычал старший стражник и дал знак двум мордоворотам, следовавшим за ним.

* * *

Кроваво-красное солнце Лагора едва вошло, и влажный воздух был холоден. Ветер развеивал Андрею волосы, и двое стражников, держащие его за руки, отвернули уродливые лица, чтобы ветер – резкий, пронизывающий, неистовый – не обжег им щеки.

– Молись своим богам, сарг! – пробасил один из стражников, крепко стискивая лапами его предплечье.

– Даем тебе десять секунд! – рыкнул второй. Андрей прищурил глаза от ветра и

посмотрел вниз.

От страшной высоты у него захватило дух, а по спине пробежала ледяная волна ужаса.

Никогда раньше Андрей не верил в сказки про то, что перед глазами умирающего проносится вся его жизнь. Но сейчас он испытал нечто подобное. Время как бы замедлило ход, и перед глазами встали лица родных и любимых людей. Егор, мама, папа... А вот Вероника – его недавняя любовь, от которой он так глупо и бездарно отказался, приняв пустяк за вескую причину.

За спиной у Вероники появился Павелецкий вокзал. Она жила неподалеку, и Андрей частенько проходил через площадь, удивляясь тому, как вольготно чувствуют себя здесь бомжи.

Потом лицо Вероники исчезло, и на его месте появилось другое – зеленоглазое, с каштановыми завитками на висках и лучезарной улыбкой, при одном взгляде на которую хотелось превратить свою жизнь в беспечный праздник.

Лиза Кадимова... Боже, какая же она славная! И как невыносима мысль о том, что он умрет, так и не сказав ей об этом! По окоченевшим от холодного ветра щекам Андрея потекли горячие слезы.

– Нет! – крикнул он. – Нет!

И в этот миг стражники выпустили из лап его руки. На мгновение в груди у Андрея захолонуло от радости – неужели передумали? Но сильный толчок в спину убедил его в обратном. Долю секунды Андрей балансировал на краю зубчатой башни, а затем потерял равновесие и полетел вниз.

«Нет!» – снова крикнул он, но на этот раз беззвучно. И крепко зажмурился. Последним, что Вершинину удалось ухватить мыслью перед тем, как потерять сознание, был вид зеленой лужайки перед Павелецким вокзалом.

Потом в лицо ему ударил такой сильный и резкий порыв ветра, что Андрей захлебнулся. А в следующее мгновение все кончилось, словно кто-то внезапно выключил в голове у Андрея свет и звук.

Глава пятая Приключения сумасшедшего

1

Он был очень толстым, этот тип. Толстым и лысым. Разложил перед Мишаней Давыдовым четыре туза, посмотрел на него своими насмешливыми глазами и сказал:

– Каре из тузов. Сегодня вам не повезло, юноша.

А потом, пока Мишаня, обливаясь потом, таращился на тузов и пытался прийти в себя, сгреб его фишки и сложил их перед собой аккуратными столбиками.

В какой-то миг Давыдову показалось, что он забыл, как дышать. Он поднялся из-за игрового стола с его отвратительным зеленым сукном, повернулся и двинулся к выходу на негнущихся ногах.

На улице перед клубом Мишаня выбил из пачки «кэмэла» сигарету. На душе у него было погано. Он умудрился спустить за один вечер сумму, на которую его родители могли бы жить полгода. Но самое страшное, что деньги эти были чужие, взятые в долг, и Давыдов совершенно не представлял, как он теперь будет расплачиваться с кредитором.

А все этот чертов толстяк! И откуда он только взялся? Мишаня сплюнул себе под ноги и с остервенением проговорил:

– Дьявол!

Дверь за спиной у Давыдова скрипнула. Он обернулся и оцепенел. Во дворик перед клубом вышел тот самый толстяк, который ободрал его бумажник как липку. Остановившись рядом, он засунул в рот сигарету и похлопал себя по карманам.

– Огня не будет? – спокойно осведомился он у Мишани.

Давыдов достал зажигалку. Язычок пламени осветил жирное лицо, и Давыдов почувствовал острое желание подпалить толстяку пухлые, слюнявые губы.

Прикурив, незнакомец выпустил облачко дыма и, глянув на Давыдова своими полупрозрачными выпуклыми глазами, поинтересовался:

– Переживаете из-за проигрыша?

– Вам-то какое дело?

– Никакого. – Незнакомец стряхнул пепел и вновь остро и холодно взглянул на Давыдова. – Можно вопрос?

Мишаня не ответил. Вероятно, расценив его молчание как согласие, мужчина сказал:

– Удача вам явно не сопутствует. Стоит ли садиться за карточный стол с вашим-то везением?

Давыдов раздраженно посмотрел на толстяка и негромко, но резко ответил:

– Мое дело: хочу – сажусь, хочу – нет.

– Не спорю. Но вам не кажется, что высшие силы не хотят, чтобы вы это делали?

Мишаня подозрительно сощурился:

– Какие еще высшие силы?

– Те, которые крутят колесо фортуны, – невозмутимо ответил толстяк. – Ну, а теперь представьте себе на мгновение, что в мире есть не только невидимые силы, отвечающие за везение или невезение, но и те, кто умеет этими силами управлять.

– Как это?

Незнакомец затаился, выдохнул облачко дыма, в котором Мишане на мгновение почудился замысловатый узор из непонятных символов, и ответил:

– Примерно как шаманы. Когда долго нет дождя, племя обращается за помощью к шаману. Тот берет свой волшебный бубен и начинает бить в него, призывая богов, отвечающих за дождь. Те слетаются на шум – и пожалуйста. На поля обрушивается ливень. Так же и с картами. Что, если кто-то умеет призывать удачу и ставить ее на службу себе? Причем без всякого бубна.

Давыдов стряхнул с сигареты пепел и усмехнулся:

– И где же взять такого шамана? Где его найти?

Лысый толстяк улыбнулся Мишане радушной улыбкой, от которой по спине у Давыдова почему-то пробежала дрожь, и весело проговорил:

– Этот шаман перед вами!

Несколько секунд Давыдов таращился на незнакомца, затем кивнул:

– Ясно. Приятно было познакомиться. – Он швырнул окурок в лужу и повернулся, чтоб уйти.

– Я не сумасшедший, – спокойно проговорил толстяк. – И могу вам это доказать.

Давыдов ухмыльнулся:

– Интересно знать – как?

Толстяк переложил сигарету из правой руки в левую, а затем достал из внутреннего кармана стодолларовую купюру и протянул ее Давыдову:

– Держите.

– Что это? – удивился Мишаня.

– Шаманский бубен, – с улыбкой ответил толстяк. – Эта купюра приносит удачу. Если вы поставите ее на кон, то сумеете отыграть все, что спустили за вечер.

Губы Давыдова изогнулись в недоверчивой улыбке, однако его глаза, глаза игрока и прожигателя жизни, засветились азартным огоньком. Глядя на купюру, Мишаня с волнением уточнил:

– А если я проиграю?

– Не проиграете.

– Но все-таки?

– Тогда я дам вам еще одну сотню в качестве компенсации за причиненный моральный

ущерб, и на этом разойдемся.

Мишаня медлил, не в силах поверить в странный альтруизм толстяка.

– Ну? – улыбнулся тот. – Договорились или нет? Еще секунду Давыдов стоял неподвижно, потом, не в силах противостоять азарту и алчности, выпалил:

– Договорились! – И сгреб деньги с ладони незнакомца.

Ждать пришлось недолго. Спустя полчаса маг авгур и Мишаня Давыдов встретились снова. Мишаня смотрел на толстяка во все глаза. На щеках его играл румянец, волосы были взъерошены, глаза блестели от радости.

– Вижу, у вас получилось, – усмехнулся Соил. – Отыграли свои деньги?

– Отыграл! И еще кое-что сверху! – выпалил Давыдов, не в силах совладать с дрожью в голосе.

– Неплохо, – одобрил толстяк. – Не хотите вернуть мне мои сто баксов?

Мишаня вынул из кармана толстую пачку денег, вытащил из нее стодолларовую бумажку и протянул авгуру. Тот хотел взять купюру, но остановился и с упрёком посмотрел на Давыдова:

– Молодой человек, нехорошо начинать новую жизнь с обмана.

Давыдов покраснел, а толстяк легонько щелкнул пальцами, и в тот же миг из пачки, которую Мишаня сжимал в руке, выскользнула купюра и, перелетев по воздуху, опустилась на пухлую ладонь авгура.

Тот взял стодолларовую бумажку, аккуратно сложил и хотел убрать в карман. Но, заметив, каким алчным взглядом Давыдов смотрит на нее, остановился.

– Вижу, вам не хочется расставаться с ней, – с легкой усмешкой произнес он.

Мишаня облизнул губы, поднял взгляд на толстяка и сказал:

– Продайте мне ее.

– Продать? Какой же в этом смысл? Счастливая купюра выиграет мне столько денег, сколько я пожелаю.

– Продайте, – хрипло повторил Мишаня. – Я за нее все... Все, что захотите!

Толстяк качнул лысой головой:

– Исключено. Впрочем. – Тут он пристально посмотрел Давыдову в глаза и сказал, чуть понизив голос, отчего тот зазвучал таинственно и зловеще: – Я мог бы вам ее подарить. В обмен на одну услугу.

Мишаня побледнел и попятился.

– Вы что, голубой? – хрипло спросил он. Толстяк посмотрел на Давыдова непонимающим взглядом, а потом запрокинул голову и тихо засмеялся:

– Вон вы о чем подумали! Нет, я не гомосексуалист. Мне нужна от вас услуга совсем иного рода.

Несколько секунд Давыдов молчал, хмуро глядя на незнакомца, а потом вдруг сказал:

– Вы хотите, чтобы я продал вам свою душу?

– Душу? – Глаза авгура насмешливо блеснули. – Друг мой, вы, наверное, фильмов насмотрелись. Нет, свою бессмертную душу можете оставить себе. Тем более что не такая уж она и бессмертная. Я хочу, чтобы вы рассказали мне о своем друге.

Мишаня облегченно вздохнул, но тут же снова напрягся:

– О каком еще друге?

– Его зовут Андрей Вершинин. Помните такого?

– Конечно, помню... А... что вы хотите про него узнать?

– Видите ли, он мне кое-что должен. Но я никак не могу его отыскать. Дома он не ночевал. В университете тоже не появлялся. Как вы думаете, где он может быть?

– Я не знаю.

– Жаль. – Толстяк аккуратно сложил счастливую купюру и сделал вид, что хочет убрать ее в карман.

При виде ускользающего счастья сердце Давыдова дрогнуло, и он выпалил:

– Пойдите. Подождите! У нас есть дом в Абрамовке. Дом старый, в нем никто не живет. Пару-тройку лет назад мы постоянно там зависали. Возили туда девчонок, ударили рыбу в озере. ну и все такое.

– Значит, дом в Абрамовке? – Маг прищурил прозрачные и холодные, как родниковая вода, глаза. – Думаете, он там?

Мишаня натянуто улыбнулся и сказал с деланным весельем:

– У него есть ключ. Это раз. И это очень хорошее место, чтобы прятаться от кредиторов. Это два.

– Вижу, у вас уже был подобный опыт, – улыбнулся авгур. – Будьте добры, назовите мне точный адрес дома.

Давыдов назвал. И даже объяснил, как удобнее до него доехать.

Толстяк выслушал и кивнул:

– Что ж. Думаю, есть смысл проверить ваше предположение. – После чего протянул сто долларовую бумажку Давыдову. – Держите, она ваша. Кстати, счастливая купюра не только приносит удачу, но и исполняет желания. Поэтому будьте с ней крайне осторожны.

– Клянусь, что буду осторожен! – выпалил Мишаня, схватив купюру. И добавил для пущей убедительности: – Чтоб я сдох!

В тот же миг лицо Давыдова дернулось и побелело. Выпустив из пальцев купюру, он схватился за сердце, судорожно хватанул воздух ртом, покачнулся и рухнул на асфальт.

Авгур бросил на распростертое у его ног тело неприязненный взгляд и презрительно вымолвил:

– Сарги. Ничтожные рабы ничтожных желаний!

Затем протянул пухлую руку. Счастливая купюра, лежащая на асфальте, шевельнулась и превратилась в большую бабочку. Взмахнув крыльями, она вспорхнула и перелетела на ладонь мага.

Он осторожно погладил бабочку двумя пальцами. На одном из крылышек у нее угадывался выпученный глаз Бенджамина Франклина, а на другом – надпись: «In God We Trust». Маг легонько провел над бабочкой ладонью, и она снова превратилась в купюру.

Соил сложил купюру пополам и сунул ее во внутренний карман пиджака. Затем повернулся и неторопливой, беззаботной походкой зашагал прочь от клуба.

2

36 часов до открытия Заповедных Врат

Войдя в кабинет шефа «Линии», рыцарь Гармата остановился на пороге. В кресле у окна сидел человек. Был он невысок, плотен, широкоплеч и одет в мятый потертый плащ. На голове – кепка, в руке, лежащей на подлокотнике кресла, – дезинтегратор, похожий на автоматический пистолет. Взгляд жесткий, колющий, подозрительный.

– Приветствую тебя, регистратор, – спокойно сказал Гармата и склонил голову в легком поклоне.

Регистратор прищурил светло-голубые неприветливые глаза и сухо осведомился:

– Я тебя знаю?

– Не думаю, – покачал головой рыцарь. – Хотя несколько часов назад мы столкнулись в коридоре, когда я выходил отсюда.

Регистратор всмотрелся в худое лицо рыцаря пристальнее.

– Да, помню, – сказал он. – Ты похож на лагорийца. Тот приподнял голову и гордо проговорил:

– Меня зовут Гармата. Я рыцарь.

– Ясно. – Регистратор слегка расслабился. – Меня называй Чигуром. Или Владимиром Ивановичем. Садись где удобнее.

Гармата сел на небольшой кожаный диванчик.

– От Хороса вестей нет? – осведомился он. Владимир Иванович покачал головой:

– Нет. Эти ублюдки отлично все рассчитали. Сперва обезглавили «Линию», подключившись к «горячей связи» и вызвав Хороса в Лагор. Потом устроили кавардак на проспекте Вернадского, узнав, что у нас там барахлит корректировка. Ну а потом, когда в офисе осталось всего несколько сотрудников, напали и отняли у студента перстень. – Чигур замолчал. Потом облизнул сухие губы и мрачно добавил: – Я бы отрезал себе руку, если бы знал, что это хоть что-то исправит.

Вдруг воздух посреди комнаты слегка замерцал. Чигур мгновенно вскинул дезинтегратор и прицелился в густеющее, мерцающее всеми цветами радуги облако. Мерцание продолжалось еще несколько секунд, а потом на облаке появилось едва различимое изображение человеческого лица.

– Хорос! – взволнованно воскликнул Чигур, весь подавшись вперед.

Лицо на облаке открыло глаза.

– Здравствуй, Володя, – проговорил негромкий, словно бы издалека звучащий голос. Шеф перевел взгляд на рыцаря: – Здравствуй и ты, Гармата.

– Шеф, как вы.

– Мне трудно поддерживать ментальную связь, – перебил регистратора Хорос все таким же негромким, спокойным голосом. – Видимо, мой мозг сильно поврежден.

– Мозг поврежден? – Чигур нахмурился. – Где вы сейчас, шеф?

– У своих старых друзей... Тело мое мертво, но мои друзья изо всех сил пытаются реанимировать его.

– У них получится?

– Не знаю. У меня мало времени, Володя. Прежде всего запомните, что Андрей Вершинин ни в чем не виноват. Авгур стер ему память, а затем хитростью выманил перстень.

– Шеф, мы...

– Не перебивай. Менерих и авгур ищут его.

– Зачем? Ведь перстень уже у них!

– Я не смог разгадать их замысел. Но Вершинин им нужен, очень нужен.

Тут Гармата, все это время ошарашено молчавший, сказал:

– Поздно, Хорос.

Шеф «Линии» посмотрел на рыцаря:

– Что значит поздно?

– Андрея казнили. Сбросили с Башни в глубокий ров.

– Что? – хрипло переспросил Чигур. – Какой еще, с чертям собачьим, ров? О чем ты вообще говоришь?

– Андрей был в Лагоре, – ответил Гармата. – Я встретил его у Мага Советника. Он оскорбил племянника мага и ждал наказания. Советник решил проявить милосердие, но тут вмешался я и потребовал казнить Андрея.

– Что-о? Казнить? Ты в своем уме?

– Я был уверен, что Андрей предатель.

– Уверен? Какого лешего ты вообще делал у магов?!

– Я был послан к Советнику в качестве наблюдателя, в соответствии с параграфом.

– Этого не может быть, – твердо проговорил Чигур. – Студент не мог попасть в Лагор. Это просто невозможно.

– Он был там, – тихо сказал Хорос, и по облаку, на котором отображалось его лицо, пробежала рябь. – У Андрея редкая способность. Дар телепортации.

– Но телепортация срабатывает лишь в границах своего мира, – возразил регистратор.

– Он сумел расширить способность, вывести ее на новый уровень.

– Разве это возможно?

– До сих пор я думал, что нет. Авгур стер ему память, но у человека, помимо памяти, есть и еще кое-что.

– Что?

Хорос ответил:

– Совесть. Вспомни слова основателя «Линии»: «Я смотрю на суждения о верном и неверном как на коварный танец дракона, как на зарождение и гибель убеждений, как на слезы, оставляемые четырьмя временами года. Единственная догма – совесть, единственный Бог – внутри, единственный путь – через совесть вовнутрь». Анна Резник обвинила Вершинина в предательстве. Андрей, будучи совестливым и честным парнем, испытал шок. Это помогло ему встать на верный путь и усилило способность к телепортации. Механизм мне не до конца понятен, но факт остается фактом – он был в Лагоре.

– Но. – На лице Владимира Ивановича появилась растерянность. – Гармата только что сказал, что Андрей мертв.

Хорос покачал головой:

– Это не так. Андрей сумел избежать гибели. Он создал Проход и выскользнул в него за мгновение до того, как рухнул на дно рва.

– И где же он теперь?

– Это предстоит выяснить тебе. В дефиниторе должна остаться мнемокарта Андрея Вершинина. С ее помощью.

– Шеф, мнемокарта сгорела вместе с дефинитором, – уныло сказал Чигур. – Я уже проверял.

По изображению на серебристом облаке снова пробежала рябь.

– Плохо дело, – сказал Хорос. – Ладно, тогда пойдем другим путем. Разыщи кэррога Толю. Помнишь его?

– Да.

– Когда-то он был нашей лучшей ищейкой. Уверен, он и сейчас сумеет настроиться на нужную волну. Гармата тебе поможет. Но ты должен найти его раньше, чем это сделает Менерих.

Чигур сдвинул брови и кивнул:

– Сделаю, шеф.

– Я попытаюсь связаться с тобой. потом. но не уверен, что у меня получится. Да, и еще одно. Наша сотрудница Зина...

Голос шефа оборвался на полуслове, серебристое облако свернулось в точку и исчезло. Несколько мгновений Чигур сидел молча, надеясь, что связь восстановится, затем тихо проговорил:

– Наверно, все. – Он повернулся к Гармате. Тот сидел с изумленным, ошарашенным лицом. – Эй, рыцарь, ты.

– Хорос сумел поддерживать с нами ментальную связь, будучи почти мертв?

Владимир Иванович неприязненно прищурился:

– Когда речь идет о нашем шефе, «почти» не считается. А вот тебе, лагориец, следовало бы быть осмотрительнее, посылая людей на казнь.

Гармата опустил взгляд:

– Я виноват, и мне нет прощения. Когда все закончится, я сам обращусь с соответствующим рапортом к Инквизитору Ротгеру.

– Вот это вряд ли, – холодно сказал Чигур. – В соответствии с Великой Конвенцией твое дело будет рассматриваться здесь, в нашем мире, ибо навредил ты человеку, а не лагорицу.

– Я соглашусь с любым вердиктом, – сказал на это Гармата. – А теперь не будем терять времени. Кто такой кэррог Толя, которого мы должны разыскать?

Чигур усмехнулся:

– Ты не знаешь, кто такие кэрроги?

– Знаю. Это выходцы из мира прорицателей. Но я не знал, что кэрроги сотрудничают с «Линией». Говорят, у них очень скверный характер и они не подпускают к себе чужаков.

– Даже среди кэррогов бывают исключения. Дядя Толя работал у нас несколько лет, пока не увлекся водочкой. К сожалению, алкоголь действует на способности кэррогов

губительно, и год назад, совершив три ошибки подряд, он взял расчет.

– Ты знаешь, где его искать? Чигур хмыкнул:

– Догадываюсь.

– Тогда в путь!

Гармата поднялся на ноги и повернулся к двери.

3

Двадцать минут спустя регистратор Чигур и рыцарь Гармата стояли в начале Кривоарбатского переулка и смотрели на пожилого инвалида-колясочника, просящего подаяние у прогуливающих по Старому Арбату.

– Он, правда, инвалид? – тихо спросил Гармата.

– Вряд ли, – ответил Чигур. – Он любит оставаться незамеченным среди людей.

– Станный способ.

– Станный? – Чигур покачал головой. – Самый верный.

– Хорос сказал, что Толя был лучшей ищейкой. Как он это делает?

– Каждое сказанное слово, каждое действие оставляет после себя информационный след, подобный радиоволнам. А мозг этого кэррога похож на приемник. Только теперь у этого приемника сбилась настройка.

Гармата взглянул на дядю Толю с интересом. Во внешности инвалида не было ничего примечательного. Небритые, впалые щеки, лукавые, усталые глаза, изношенная кепка и такие же рубашка и куртка.

– Оставайся здесь, – приказал Владимир Иванович рыцарю и вышел из-за угла.

К попрошайке-инвалиду он подошел спокойной, уверенной походкой. Остановился рядом и сказал:

– Привет, дядь Толя! Как оно, ничего?

Кэррог запрокинул голову и посмотрел на Чигура снизу вверх, сощутив левый глаз. Потом смачно сплюнул и просипел:

– Лучше не бывает. Какого дьявола ты тут забыл, регистратор?

– Требуется твоя помощь.

– Вот как? Я на вас уже не работаю, так что проходи мимо.

– Ты слышал про перстень Бафомета?

– А кто про него не слышал? Это один из тридцати шести артефактов древности, а про них рассказывают каждому стажеру «Линии» на первом же занятии. А почему ты спрашиваешь?

Чигур шмыгнул носом и нехотя проговорил:

– Он снова объявился.

На мгновение лицо дядя Толи оцепенело, а затем он усмехнулся:

– Да ну? Значит, твой шеф плохо поработал сто лет тому назад? Передай ему мои сожаления.

– Я бы передал, но не могу. Менерих заманил Хороса в ловушку и попытался уничтожить.

– Значит, этот дьявол Менерих тоже жив? – Дядя Толя удивленно покачал головой. – Ну и дела. Хорос не только проворонил перстень, но и не сумел как следует разобраться с магом универсалом?

– Менерих – не маг, – глухо сказал Чигур.

– Вот как? А кто же он?

– Его сущность никому не известна.

Дядя Толя помолчал, посмотрел на проходящих мимо людей, потом сказал:

– Ну, тебе виднее. А я-то зачем тебе понадобился?

– Помоги мне найти перстень, Хороса и парня по имени Андрей Вершинин.

Дядя Толя долго молчал, потом с хмурым видом отчеканил:

– Ты, кажется, не расслышал меня, регистратор. Я давно не работаю по профилю. Обращайся к молодым кэррогам, а я уже на пенсии.

– Никто из кэррогов не работает с нами. Дядя Толя усмехнулся:

– И правильно делают. С вами, людьми, только свяжись. Утащите в ад быстрее, чем дебалисы. И я – яркий тому пример.

– Дядь Толь, ты – наша единственная надежда.

– Вот как? Хм... Значит, ваше дело швах. – Дядя Толя посмотрел на присмирившего Чигура тяжелым взглядом, потом вздохнул: – Ладно. У тебя есть деньги?

– Сколько нужно?

– Давай все, что есть.

Владимир Иванович достал из кармана бумажник, а из него – пачку рублей, долларов и евро. Протянул их дяде Толе.

Тот взял пачку и, не пересчитывая, засунул во внутренний карман пиджака.

– А теперь дай мне свои руки.

Чигур протянул руки, и дядя Толя ухватил их своими огромными загорелыми клешнями.

– Думай про перстень, Хороса и парня. Только думай усердно, врачи запретили мне напрягаться.

Владимир Иванович наморщил лоб. Прошло секунд тридцать. Кэррог выпустил руки Чигура из своих клешней и сказал:

– Хороса я среди живых не вижу. Перстень – у мага авгура. Авгур – в районе метро «Сокол», но где именно – я определить не могу. Что до этого парня. Андрея Вершинина. то его я вижу вполне определенно.

– И где он?

Дядя Толя поманил регистратора корявым пальцем. Тот нагнулся, и кэррог шепнул ему на ухо несколько слов. Брови Чигура взлетели вверх. Он посмотрел на дядю Толю и удивленно уточнил:

– Ты уверен?

– Гм... Сложный вопрос. Ты ведь знаешь, что моим сведениям можно доверять процентов на семьдесят. Правда, я сейчас в завязке, и вероятность должна быть чуть выше. Ну а верить мне или нет – решай сам.

Чигур выпрямился, раздумывая о чем-то, потом снова посмотрел на кэррога и сказал:

– Спасибо, дядь Толь. Как вообще поживаешь? Помощь никакая не требуется?

– Несколько минут назад ты говорил, что это *моя* помощь требуется вам, – напомнил кэррог. – Так что нет, помогать мне ничем не надо.

– Ладно. – Владимир Иванович нахмурился и, не глядя кэррогу в глаза, проговорил: – Дядь Толь, Менерих и его слуга авгур могут попытаться найти тебя.

Инвалид жестом остановил его:

– Ты ведь знаешь, Чигур, я смогу за себя постоять.

– Уверен?

Взгляд кэррога стал холодным и жестким, а губы сухо произнесли:

– Уверен. Не у одного тебя имеется дезинтегратор, парень.

Владимир Иванович прищурил глаза, мигом ставшие колючими:

– Дядь Толь, вообще-то для ношения дезинтегратора нужна лицензия. А если лицензии нет, дезинтегратор подлежит изъятию.

– Да ну? Ты собрался меня обыскивать? Чигур вздохнул и сказал:

– Ладно. Еще раз спасибо за помощь. Всего доброго! Затем повернулся и зашагал прочь.

– Володь! – окликнул его дядя Толя. Чигур обернулся. Кэррог растянул губы в улыбке и сказал уже подобному: – Ты заглядывай, ладно? Не по делу, а просто так. Выпьем водочки, потрындим.

– Хорошо, дядь Толь, загляну. Бывай! – Зашагав к переулку, где его дожидался Гармата,

Чигур тихо добавил: – Если, конечно, будет куда.

Свернув в переулок, Владимир Иванович подошел к Гармате и сказал тихо, зыркая по сторонам глазами:

– Есть информация про Андрея, которую надо проверить. Но поскольку меня в городе знает каждая сволочь, сделать это должен ты.

– Что именно? – так же тихо спросил Гармата. Чигур посмотрел ему в глаза и насмешливо ответил:

– Примерить тапочки и пижаму.

– Но.

– Подробности чуть позже. Пока ты будешь заниматься поисками Андрея, я попробую разыскать нашего общего друга авгура.

– Нам придется разделиться?

– Да. – Чигур достал из кармана дешевенький мобильный телефон и протянул рыцарю: – Держи, долговязый.

Гармата взял телефон, повертел его в руках и смущенно проговорил:

– Я не умею им пользоваться.

– Это не сложно. Как только услышишь, что телефон звонит, нажми на зеленую кнопку и поднеси его к уху.

– И все?

– И все. А теперь прости, мне нужно сделать пару звонков.

Чигур отвернулся, достал из кармана свой мобильник и отошел в сторону.

4

24 часа до открытия Заповедных Врат

Андрей открыл глаза и осмотрелся. В голове у него еще шумело, а перед глазами в прозрачно-желтой пелене мелькали мушки, однако чувствовал он себя намного лучше, чем раньше. Впрочем, что было раньше и когда собственно было это самое «раньше», Андрей не смог бы с точностью сказать.

Оглядевшись, Андрей понял, что лежит на белой неудобной кушетке, покрытой целлофаном, а рядом, на белых пластиковых стульях, сидят два амбала в белых халатах. Один из них был под два метра ростом, да и второй уступал ему ненамного.

Приподняв голову и осмотрев себя, Вершинин удивился своему наряду. Одет он был в полосатый фланелевый халат и такие же полосатые штаны.

Увидев, что Андрей шевелится, тот из амбалов, что был повыше, мордастый и упитанный, хмыкнув, пробасил:

– Гляди-ка, Толик, наш бомж проснулся.

Андрей сел на кушетке, тряхнул головой и скривился от ухнувшего в черепе колокола.

– Где я, парни? – хрипло спросил он.

– Там же, где и мы, – ответил второй амбал, мускулистый и смуглый, как цыган.

– А вы где? – спросил тогда Андрей. Амбалы переглянулись и заухмылялись.

– На Лазурном Берегу, – ответил смуглый. – В отеле «Рэдиссон».

Вершинин натянуто улыбнулся:

– А если серьезно?

– Если серьезно, то в психиатрической клинике. Проще говоря, в дурдоме. В простом российском дурдоме.

– Правда? И за что нас с вами сюда? Громилы переглянулись.

– Он еще и острит, – с усмешкой проговорил смуглый.

– Это от тоски по галоперидолу и циклодолу, – поддакнул мордастый. – Вот вколоть ему еще три кубика, сразу станет не до шуток.

– Так вы не психи?

Смуглый усмехнулся и покачал головой:

– Нет, парень. Мы – совсем наоборот. Ты хоть помнишь, как сюда попал?

Андрей попытался вспомнить, но перед глазами замелькали какие-то нечеткие и путанные фрагменты, и он удрученно покачал головой:

– Нет. Кажется, не помню.

– Тебя подобрали на лужайке возле Павелецкого вокзала, – объяснил мордастый. – Ты кричал, что за тобой гонятся маги, и требовал, чтобы тебе дали трость с серебряным клинком.

– Вот как? – Вершинин нахмурился и покачал головой: – Я ничего этого не помню.

– Жаль, – сказал мордастый, издевательски ухмыляясь. – А то мы уже послали человека за тростью. Придется отменять заказ.

Санитары – а в том, что это были санитары, Андрей теперь не сомневался – весело засмеялись.

– И давно я здесь? – спросил Вершинин после того, как они перестали гоготать.

– Здесь – недавно, – ответил смуглый. – Тебя перевезли из другой дурки.

– Зачем?

Санитар пожал плечами:

– А кто тебя знает? Говорят, наш главврач считает тебя очень интересным случаем. И он выкупил тебя у главврача сорок шестой больницы за бутылку виски. – Заметив, что Андрей усмехнулся, верзила удивленно осведомился: – Чего лыбишься, лишенец?

– Так дорого за меня еще не платили, – честно признался Вершинин.

– Да уж, – хмыкнул санитар. – Дурики нынче в цене. Не то что наш брат, санитар. Ладно, лишенец, поднимайся. Пора идти в гости.

Андрей нахмурился и уточнил:

– К кому?

– К нашему главному магу! – ответил мордастый утрированно торжественным голосом. – Веди себя хорошо, и он подарит тебе волшебную палочку. А уж я найду, куда ее тебе приладить!

Спустя несколько минут амбалы-санитары ввели Вершинина в просторный светлый кабинет, стены которого были украшены детскими рисунками.

В глубине кабинета, за широким столом, сидел мужчина в медицинском халате. На вид ему было лет сорок. Лысоват, но строен и моложав, а в глазах, устремленных на вошедших, светится озорной добрый огонек.

– Сергей Павлович, мы тут привели Гарри Поттера! – отрапортовал мордастый.

– И обещали, что вы подарите ему волшебную палочку, – добавил смуглый. – Вы уж не обидьте парня.

– Не обижу, – с улыбкой сказал мужчина в халате и указал на кресло перед столом: – Присаживайтесь, молодой человек.

Вершинин не двинулся с места.

– Чего встал? – грубо проговорил у него над ухом толстомордый санитар. – Тебя врач зовет. Шевели батонами!

И он несильно подтолкнул Вершинина в спину.

Андрей прошел в кабинет и сел в кресло. Кресло, вопреки ожиданиям, оказалось очень удобным.

Врач по-доброму посмотрел на него и вежливо осведомился:

– Ну и как вам у нас?

– Нормально, – рассеянно ответил Андрей. – Это, правда, дурдом?

Врач метнул на санитаров недовольный взгляд, и те слегка стушевались. Затем он снова посмотрел на Андрея и мягко проговорил:

– Ну зачем же так сразу? Это не дурдом. Это психиатрическая клиника.

– Ясно. – Вершинин удрученно вздохнул. – Значит, я сумасшедший?

Психиатр сочувственно улыбнулся.

– Никто здесь не считает вас сумасшедшим.
– Тогда, может быть, вы меня отпустите?
– Само собой. Но сперва мы вас немного подлечим. У вас расшалились нервы, это бывает. Неврозы и психозы в наше время – совершенно обычная вещь. Но мы успешно справляемся и с первым, и со вторым.

Андрей молчал, хмуро и удрученно разглядывая свои колени.

– Итак, давайте познакомимся поближе, – снова заговорил психиатр. – Как вас зовут?

– Андрей.

– А по батюшке?

– Александрович.

– А меня – Сергей Павлович. Андрей Александрович, прошлая наша беседа была несколько неудачной и, вероятно, не закрепилась у вас в памяти. Расскажите мне немного о себе.

Вершинин поднял на врача хмурый взгляд:

– Может, сначала вы?

– Я бы с радостью, – с улыбкой ответил психиатр. – Но в моей жизни нет ничего экстраординарного. Дом, работа, семья. А вот в вашей происходит много интересных вещей, я в этом уверен. Итак, что за маги вас преследуют и что они хотят с вами сделать?

Андрей помолчал. Потом потер пальцами лоб и растерянно и неуверенно проговорил:

– Я точно не знаю. Я погнался за лысым толстяком, а потом он нырнул в портал... Это было возле университета..

– Одну секунду. – Сергей Павлович взглянул на санитаров, застывших у двери, и сказал: – Вы можете подождать за дверью.

Санитары послушно вышли, а врач перевел взгляд на Андрея, нахмурил брови и проговорил:

– Итак, на чем мы остановились? Ах да, вы нырнули в отрывшийся портал. И что же было дальше?

– Дальше. Дальше было вот что.

И Андрей, уже почти не сомневающийся в том, что сошел с ума, начал рассказывать психиатру удрученным голосом обо всем, что пережил.

Когда десять минут спустя он закончил, Сергей Павлович прищурил свои добрые, внимательные глаза и вежливо уточнил:

– Скажите, Андрей, а этот Ладор...

– Лагор, – хмуро поправил Вершинин. – Они называют его Лагор.

– Ну да, Лагор, – кивнул врач. – Он действительно так сильно отличается от нашего мира?

– На первый взгляд нет. Но на самом деле там все другое.

– Как же вы разговаривали с обитателями Лагора, не зная их языка?

– Сам не знаю. В тюрьме заключенные объяснили мне, что все дело в воздухе.

– В воздухе?

– Да. У меня сложилось ощущение, что он действует как декодер. Преобразует звуковые волны и делает чужую речь понятной.

Сергей Павлович приподнял брови и сказал:

– Это очень необычно. Андрей кивнул:

– Я знаю.

Несколько секунд врач молчал, обдумывая слова Вершинина, затем спросил:

– Андрей Александрович, вы любите читать фантастику?

– Раньше любил, – ответил Андрей. – А сейчас как-то руки не доходят.

– В университете сильно загружают?

– Да, порядочно. – Вершинин на секунду замялся, а затем осторожно спросил: – Скажите, Сергей Павлович, а галлюцинации могут быть такими реалистичными и яркими?

– Иногда галлюцинации выглядят намного реалистичнее, чем жизнь, – ответил врач.

– Значит, никакого Лагора не существует? И я все это выдумал?
– А вы сами как считаете? Андрей понурил голову и вздохнул:
– Я не знаю. Все выглядело так реально. И Лагор, и рыцарь, и Советник-маг... Неужели я правда сошел с ума?

Сергей Павлович чуть склонил голову набок и сочувственно произнес:

– Вы не должны так говорить. Сознание человека – крайне сложная структура. И как в каждой сложной структуре, иногда в нем случаются сбои.

– Думаете, вы сможете починить мне мозги?

– Это наша профессия, – улыбнулся врач. – Поверьте, ваш случай хоть и интересный, но не самый оригинальный и не самый сложный.

– Правда?

– Правда. Мы вернем вас в нормальное состояние, Андрей. Но чтобы это произошло как можно быстрее, вы должны нам помочь.

– Я готов, – с готовностью сказал Вершинин. – Но не знаю как.

– Будьте с нами искренни. И, пожалуйста, отвечайте на все вопросы правдиво и максимально точно. И помните – все это только ради вашего здоровья. Никто в клинике не заинтересован, чтобы вы пробыли здесь долго. А теперь давайте поразглядываем карточки Роршаха.

Врач выдвинул верхний ящик стола и достал пачку плотных листков. Взял из пачки верхний и положил перед Андреем:

– Как по-вашему, что здесь изображено?

Вершинин посмотрел на черные кляксы и ответил, почти не задумываясь:

– Лагорийский рыцарь с мечом.

– Гм... – Сергей Павлович вежливо улыбнулся. – Ваше воображение, Андрей, создало удивительную по своей сложности картину. – Он достал новую карточку и положил ее перед Вершининым: – На что это, по-вашему, похоже? – спросил он.

– На дезинтегратор, – ответил Андрей.

– Дезинтегратор? Что это такое? Вершинин наморщил лоб:

– Я не помню.

– Но вы сами произнесли это слово.

– Да, но. – Андрей ощутил внутри себя черную, гнетущую пустоту. – Может быть, это из какого-то учебника? – неуверенно предположил он.

Сергей Павлович пристально посмотрел Вершинину в глаза:

– Может быть. Порой мы сами не знаем, откуда берется та или иная ассоциация.

На стол легла следующая карточка.

– Что изображено здесь?

– Это. я, – удивленно проговорил Вершинин. – Я стою один, с мечом в руке, и меня окружают чудовища. – Он пригляделся к картинке внимательнее и вдруг воскликнул: – Нет, это не чудовища! Это.

– Что это?

– Это просто огромные фигуры. И они... неживые.

– Мертвые? – уточнил врач. Андрей покачал головой:

– Нет, не мертвые. Просто неживые.

– Гм. Никогда не слышал таких удивительных и сложных интерпретаций. И что же, эта картинка – это очередное ваше воспоминание? Будучи в Лагоре, вы сражались с огромными «неживыми» истуканами?

– Нет.

– Тогда что?

– Не знаю... Может быть, это не то, что было, а то, что будет?

– То есть эти картинки – своего рода пророчества? Вершинин подумал и ответил:

– Скорее предостережения.

– Вам приходилось видеть такое раньше?

– Не помню. – Андрей с силой потер пальцами виски. – Кажется, да... Или нет?... – Он вздохнул и покачал головой: – Нет, не помню.

Некоторое время Сергей Павлович с любопытством разглядывал Андрея, потом сложил карточки Роршаха и убрал их в стол.

– Андрей Александрович, – начал он мягким, вкрадчивым голосом, – вы, конечно, слышали, что в лечении мы применяем гипноз?

– Слышал, – упавшим голосом отозвался Андрей. – Вы собираетесь меня загипнотизировать?

– А вас это пугает?

– Нет, – качнул головой Андрей. – Но меня еще никто никогда не гипнотизировал.

– Все когда-то бывает в первый раз, – мягко проговорил врач. – Сядьте поудобнее, и мы начнем.

– Прямо сейчас?

– А зачем тянуть? Вы должны полностью расслабиться и внимательно слушать мой голос.

– Хорошо. Я попробую.

Андрей поерзал в кресле. Потом сказал:

– Вроде готов.

– Смотрите мне в глаза, – негромко, но властно проговорил Сергей Павлович. – Чтобы у нас все получилось, вы должны сами этого захотеть. Все зависит от вашей воли, и только от нее.

– Я постараюсь, – честно сказал Вершинин.

– Тогда внимательно слушайте мой голос. – Сергей Павлович чуть подался вперед и, пристально глядя Андрею в глаза, проговорил: – Ваше тело полностью расслаблено. Ваша голова пуста. Ни одной мысли, никаких тревог – ничего! Вы ни о чем не думаете и не слышите ничего, кроме моего голоса.

«Хотел бы я, чтобы так оно и было», – с горечью подумал Вершинин.

– Не пытайтесь сопротивляться. Расслабьтесь и подчинитесь мне. Вашей воли больше нет. Есть только моя воля, и она полностью подчинила вас себе. А теперь отвечайте: кто такой Бафомет и почему вы о нем вспомнили?

– Я. не помню.

– Постарайтесь вспомнить. *Смотри мне в глаза, щенок!*

Вершинин вздрогнул. Губы врача остались сомкнутыми, а громкий, яростный окрик прозвучал прямо в голове у Андрея.

Куда ты дел перстень Бафомета, глупый, мерзкий сарг?

Андрей, оцепенев, смотрел на Сергея Павловича.

Отвечай, если не хочешь, чтобы я выжег тебе мозги! Кому ты отдал перстень и где он сейчас?

Чужая воля сломила Андрея. Он почувствовал себя вялым, уставшим и на все готовым.

– Я. не помню. Ничего не помню.

Вспоминай!

Новый импульс был так силен, что на мгновение Андрею показалось, что его голова вот-вот взорвется. Подступившее было воспоминание вылетело под напором этого импульса быстрее, чем он успел его озвучить.

– Пожалуйста. – хрипло пробормотал он, стиснув ладонями виски. – Пожалуйста, не так сильно.

Поняв, что совершил ошибку, стригой ослабил напор. И тут же в голове у Андрея зазвучали голоса.

«Ни с кем ничего нельзя сделать вопреки его желанию», – сказал один.

«Они не смогут пробиться к тебе сквозь щит, который ты сам воздвиг», – сказал другой.

«Твоя воля сможет противостоять им», – пообещал третий.

Андрей сжал кулаки, медленно поднял голову и посмотрел стригой в глаза:

«Прочь из моей головы, тварь!»

Несколько мгновений ничего не происходило, а затем по лицу Сергея Павловича пробежала судорога. На миг из-под личины выглянула его истинная сущность. Оскалив клыки и зарычав, Сергей Павлович резко отшатнулся и едва не упал на пол вместе со стулом.

– Как ты это сделал, сарг? – рявкнул он. Вершинин разжал губы и медленно проговорил, по-прежнему глядя в глаза стригой:

– Я ничего не делал.

Сергей Павлович вскочил со стула и отступил к стене.

– Санитары! – крикнул он. – Сюда! Быстро! Дверь распахнулась, и два амбала вбежали в кабинет.

– Уведите его! – дрогнувшим, сорвавшимся на визгливый хрип голосом крикнул Сергей Павлович.

Санитары подошли к креслу, схватили Андрея за плечи и подняли на ноги.

«Прямо стражники у Лмерка», – пронеслось в голове у Вершинина, и он усмехнулся побелевшими губами.

– Куда его? – спросил мордатый. – В надзорку или в общую?

– В общую! Но чтобы глаз да глаз. Отвечаете мне за этого парня головой!

– Само собой, Сергей Павлович. – Мордастый взял Андрея за шиворот и толкнул к двери: – Шевели батолами, Гарри Поттер!

Как только дверь кабинета закрылась, стригой достал из кармана мобильник. Но вместо того, чтобы набрать номер, он глубоко задумался.

Волна чужой воли выбросила его из головы студента. Удар был такой силы, что едва не расплавил ему мозги. Но как это могло случиться?

Стригой прекрасно сознавал свои возможности и знал их пределы. Уровень его силы был не то чтобы огромен, но и не так уж мал. Конечно, он не смог бы бросить вызов хотя бы самому захудалому магу, но вот сарги и ликаны, даже самые сильные из них, были для него открытой книгой.

Сломать волю молодого, неопытного сарга – что может быть проще? Однако парень умудрился поставить барьер и вышвырнуть его из своей головы. Либо этот мальчишка оказался сильнее, либо. ему кто-то помог.

Но кто?

Стригой вновь посмотрел на дисплей мобильного телефона. Один звонок – и через пять минут клиника наводнится магами. Они легко справятся с наглым мальчишкой, но в этом случае все лавры достанутся им. И он вновь, как это почти всегда бывает, останется не у дел.

Стригой нахмурился, облизнул губы длинным черным языком и, секунду поколебавшись, сунул мобильник обратно в карман.

– К черту магов, – тихо проговорил он. – Разберусь сам.

5

Лежа на кровати, Андрей вновь, в который уж раз за последние десять минут, посмотрел на железные прутья решетки и вздохнул.

Дверь палаты скрипнула, и громкий голос толстомордого санитара произнес:

– Принимайте пополнение, психи!

Андрей скосил глаза на дверь и увидел на пороге новенького. Он был долговяз, широкоплеч и худ. В его иссиня-черных волосах серебрилась седая прядь. Полосатая пижама была новичку явно коротка и смотрелась на нем нелепо. К груди долговязый новичок прижимал свернутую постель.

– Видишь вон ту кровать в углу? – небрежно осведомился санитар. – Топай туда и располагайся. Чувствуй себя как дома.

Он толкнул новенького к свободной койке, а сам развернулся и вышел.

Долговязый подошел к кровати и, ни на кого не глядя, стал застилать постель. Андрей

обратил внимание на кисти его рук. Они были очень большими, длиннопалыми, как у скрипача, и выглядели необыкновенно сильными.

Тем временем новенький растянулся на кровати, закинул руки за голову и закрыл глаза. Кровать была ему маловата, ноги пришлось закинуть на железное быльце. Пациенты некоторое время с любопытством таращились на его огромные босые ступни, протянутые едва ли не до середины палаты, но вскоре потеряли к новенькому интерес и снова отвернулись к стене.

Отвернулся и Андрей. В душе у него было пусто, мрачно и тоскливо. Вскоре он задремал.

* * *

– Сарг, проснись. Ты слышишь? Надо просыпаться. Кто-то сильно потрянул Вершинина за плечо, и он открыл глаза.

– Что?..

Большая ладонь закрыла рот Андрея.

– Тихо, – снова зашептал ему кто-то. – Нас не должны слышать.

Андрей растерянно заморгал, потом скосил глаза вправо и увидел новенького. Тот сидел на корточках рядом с кроватью Андрея и смотрел на него своими внимательными, спокойными глазами. В палате было темно, горела лишь тусклая дежурная лампочка под потолком.

– Сейчас я уберу руку, только не шуми, – сказал новенький. – Ты в большой опасности, но я помогу тебе.

Он убрал ладонь с губ Вершинина. Андрей приподнялся на локте, взгляделся в лицо новичка, нахмурился и шепотом спросил:

– О какой опасности вы говорите?

– Ты сам знаешь. Стригой не смог заставить тебя проговориться. И он уже зовет на помощь магов.

Андрей стиснул зубы и тихо процедил:

– Вы сумасшедший. Магов и стригоев не существует. Это все мои галлюцинации.

Долговязый покачал головой:

– Это не галлюцинации. Маги существуют. Они гости в вашем мире. Так же, как и я. – Он оглянулся на дверь, из-под которой пробивалась полоска тусклого электрического света, затем снова посмотрел на Андрея и сказал: – Пожалуйста, поспеши. Мне пришлось здорово потрудиться, чтобы разыскать тебя и проникнуть в эту клинику.

Слова долговязого прозвучали настолько зловеще, что заставили Вершинина поверить в серьезность незнакомца. Стараясь, чтобы кровать не скрипела, он опустил ноги на пол и нащарил босыми ступнями тапочки.

– Я поставил барьер, сквозь который стригой не сможет прорваться. Однако долго это продолжаться не будет. У нас есть максимум десять минут.

– А потом? – рассеянно спросил Вершинин.

– Потом нам не поздоровится.

Он выпрямился и протянул руку Андрею. Тот сглотнул слюну и хрипло прошептал:

– Значит, Лагор, маги и рыцари...

– Это все было на самом деле. Андрей уточнил:

– А вы кто?

– Гармата, – ответил незнакомец. – Мы виделись в коридоре «Линии», когда ты приходил к Хоросу. Идем же!

Андрей взялся за протянутую руку:

– И кто вы такой, Гармата?

– Лагориец, – ответил тот и помог Андрею подняться на ноги.

Сбежать оказалось очень просто. У выхода, где за длинным столом дремали два санитары, Гармата, молниеносно скользнув вперед, схватил их своими длинными пальцами за шеи и тихонько надавил. Затем обернулся и сказал:

– Готово. Теперь нужно переодеться в их одежду. Вершинин с опаской посмотрел на санитаров – глаза их были закрыты, а из приоткрытых ртов текла слюна.

– Что вы с ними сделали?

– Усыпил. Не волнуйся, с ними все будет в порядке. Помоги мне раздеть их.

Минут через пять Андрей и Гармата вышли в ночной сумрак улицы. На Гармате был дешевый, маловатый ему костюм одного из санитаров, а поверх – длинный серый плащ, который он сорвал, проходя мимо вешалки. На Андрее – свитер, джинсы и куртка.

Территорию клиники они покинули, перебравшись через высокий железный забор. Причем если Андрею понадобилась вся его сноровка, то Гармата перемахнул через забор с кошачьей легкостью и по-кошачьи мягко приземлился с той стороны.

Затем они зашагали дальше. На улице было темно. Клиника находилась в отдалении от ближайшего жилого квартала, и фонари здесь встречались редко и светили тускло, словно на последнем издыхании.

Вышагивая по заросшей травой обочине дороги своими длинными ногами, Гармата сказал:

– Тебе стерли память. Поэтому ты мало что помнишь.

– Кто стер? – спросил Андрей.

– Маг авгур.

– Зачем?

– Чтобы выманить у тебя перстень. – Гармата вдруг резко остановился под фонарем и взглянул на Андрея: – Позволь мне посмотреть тебе в глаза.

Вершинин тоже остановился. Несколько секунд он размышлял, затем с опаской спросил:

– А что, если вы тоже сумасшедший?

– Я не сумасшедший, – ответил тот.

– Откуда вы знаете?

– Знаю. – Он протянул руки и положил пальцы Андрею на виски. Затем пристально посмотрел ему в глаза и сказал: – Пожалуйста, не сопротивляйся. Я не сделаю тебе ничего плохого.

Несмотря на подозрительную внешность, голос у незнакомца был красивый: глубокий, богатый модуляциями.

– Ладно, – сказал Андрей. – Что я должен делать?

– Ничего.

С полминуты оба молчали. От пальцев Гарматы шло успокаивающее тепло, и на мгновение Андрею показалось, будто он задремал. Потом Гармата убрал руки и спросил:

– Ну? Вспомнил что-нибудь?

Щеки Андрея порозовели, а глаза возбужденно заблестели. Он провел ладонью по лицу, словно смахивал паутину, снова уставился на своего спутника и ответил хриплым от волнения голосом:

– Да! Я все вспомнил! И Хороса, и Владимира Ивановича, и вас! – Андрей сглотнул слюну и осторожно спросил: – Кто-нибудь из регистраторов уцелел?

По лицу Гарматы пробежала тень.

– Погибших – двое. Остальные ранены и находятся в специальном госпитале. Включая Анну Резник, у которой сильный нервный срыв. А Хорос. Хорос пропал.

Андрей почувствовал, как к горлу подкатывает ком, и ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы следующий вопрос прозвучал спокойно.

– А Чигур? Чигур уцелел?

– Да. Он и послал меня за тобой. А сам отправился на поиски авгура.

– Ясно. – Андрей отвел взгляд и потер ладонями лицо. – Что же теперь делать?

Гармата положил ему руку на плечо и сказал мягким, но твердым голосом:

– Мы попробуем вернуть перстень. Времени осталось немного, но мы попытаемся.

– Да-да, времени мало. – Вершинин вновь с усилием потер пальцами виски. – Я это помню. Сколько еще осталось?

– Меньше суток. Если мы не сумеем помешать Менериху, завтра вечером он откроет заповедные врата, и вашему миру придет конец.

– У нас есть какой-нибудь план?

– Чигур взял след лысого мага. Хватка у этого регистратора железная, так что думаю – авгуру не уйти. Когда найдет мага, он позвонит мне на мобильник.

Андрей помолчал, хмурая лоб, потом посмотрел на лагорийца:

– Расскажите мне про свой мир, Гармата. Я был там недолго и мало что успел понять.

Гармата секунду раздумывал, потом спокойно и четко заговорил:

– Будучи перекрестком миров, Лагор немислимо богат. Там можно купить самые необычные предметы из других миров и встретить самых необыкновенных созданий. Контроль миграции возложен на рыцарей-инквизиторов и магов. Есть и «дикие» маги, которые сами предпочитают нелегально скитаться по мирам. Среди них попадаются откровенные подлецы и негодяи, алчные и мстительные создания... – Гармата секунду помолчал и продолжал: – Мы, рыцари, отвечаем за непосредственные физические контакты с обитателями других миров, маги – за процедуру перемещения. Они могут закрыть Проход или сузить его до бутылочного горлышка и сделать так, чтобы в Лагор смогли проникнуть лишь те, у кого есть *особый пропуск*.

– Надо же. – Андрей невесело усмехнулся. – Значит, и у вас в Лагоре нет прохода от бюрократов.

Гармата улыбнулся:

– Ну, в реальности все не так гладко. Способов обойти магов – бесчисленное множество. И когда у кого-то из представителей других миров появляется искушение сделать это, в дело вмешиваемся мы, рыцари.

– Правильно ли я понял, что любой, кто хочет переместиться из одного мира в другой, должен пройти через Лагор?

– Напрямую между мирами перемещение возможно, только если это пересекающиеся миры, – объяснил Гармата. – Прибыв в Лагор, моментально переместиться в другой мир тоже невозможно. Должен пройти период адаптации. Для жителей разных миров этот период индивидуален – от нескольких секунд до нескольких часов.

– Когда я был в Лагоре, мне показалось, что рыцари недолюбливают магов, – сказал Андрей.

Гармата кивнул:

– Так и есть. Истоки этой неприязни уходят корнями в седую древность, и уже никто не помнит в точности, из-за чего все началось. Впрочем, сами Властитель Лмерк и Инквизитор Ротгер между собой неплохо ладят.

– Лмерк и Ротгер – это.

– Наши предводители и главные Хранители Маятника.

Вершинин приподнял брови:

– Гармата, я уже второй раз слышу про какой-то Маятник. Что это такое?

Рыцарь переменялся в лице.

– Забудь, что я тебе говорил, – хмуро сказал он. – Это. – он на мгновение осекся, подбирая знакомые человеческие слова, – закрытая информация. И подробно ей владеют только существа, достигшие Высшего Уровня Постижения.

– Вы к ним относитесь? Гармата покачал головой:

– Нет.

– А Хорос? Рыцарь кивнул:

– Да.

– А Менерих?

При звуках этого имени по лицу рыцаря пробежала тень.

– Никто в точности не знает, что такое Менерих, – сказал он. – Я уверен, что когда-то давно он был магом. Но многие полагают, что он не маг, а выходец из темных миров. В одном все сходится: Менерих работает не на себя. Он выполняет чей-то заказ.

– Чей?

Гармата вздохнул и пожал плечами:

– Этого я не знаю. Во Вселенной есть много темных сущностей. Мы знаем о них крайне мало. Нам не известны ни их цели, ни способы существования. Ясно только одно – никаких симпатий к Содружеству Миров они не испытывают.

– А они не могут сломать этот ваш... Маятник? Гармата нахмурился и проговорил с мягким упреком в голосе:

– Прошу тебя, Андрей, не заговаривай со мной об этом больше. Я простой рыцарь и не лезу в сферы, путь в которые мне заказан.

– Ладно, как скажете, – согласился Вершинин. – Знаете, Гармата, когда я был в вашем мире, маги говорили со мной надменно. Будто я не разумное существо, а какой-то инопланетный зверек.

Гармата едва заметно усмехнулся:

– Да, это ты верно заметил. Лагорийцы к большинству обитателей других миров относятся надменно, считая свой мир высшим достижением Создателя, а остальные миры – жалкой пародией.

– Да, я помню, – кивнул Андрей. – Когда я был в тюрьме, мне это доходчиво объяснили. Что ж, надеюсь, что темные сущности не доберутся до перстня и не сломают Маятник. – Увидев, как нахмурился Гармата, Андрей виновато улыбнулся: – Простите. Про Маятник вырвалось само собой.

– Я прощаю тебя, Андрей, – с необыкновенной серьезностью проговорил рыцарь. – Но впредь будь.

Гармата резко оборвал речь и напрягся. Потом повернул голову и взгляделся во тьму. Через несколько секунд Андрей услышал рокот моторов и увидел, что с двух сторон к ним приближаются автомобили. Судя по зажженным фарами, машин было четыре – по две с каждой стороны дороги.

– Это за нами, – сказал Гармата и посмотрел на Андрея. – Убежать уже не успеем. Придется принять бой. Ты готов?

– Я? – Сердце Андрея забилося, а ладони в карманах куртки неприятно вспотели. Ни к какому бою готов он не был. Однако признаться в этом рыцарю-лагорийцу он не решился, поэтому сказал с деланой смелостью: – Всегда готов.

– Отлично! – выдохнул Гармата. – И да погибнут наши враги!

7

Машины остановились. Дверцы распахнулись, и из салонов выскочили дюжие парни в темных костюмах. Все они были рослые, широкоплечие, коротко стриженные, словно их сделали по одному образцу на фабрике наемных убийц.

Они, как стая черных псов, быстро двинулись на Андрея и Гармату, но лагориец чуть выдвинулся вперед, поднял руку и громогласно крикнул:

– Стойте, где стоите, – и останетесь целы! Громилы на мгновение приостановились, но тут же, действуя по-заученному, рассредоточились и окружили рыцаря и Андрея широким полукольцом.

Один из них, такой же рослый, как другие, но самый старший на вид, крикнул:

– Эй, долговязый! Отойди от мальчишки, и мы тебя не тронем!

– Кто вы такие? – грозно пророкотал в ответ Гармата.

– Тебе это знать незачем! Просто уйди в сторонку и дай нам забрать парня!

Андрей тихо сказал:

– Гармата, я знаю, кто они. Это люди бизнесмена Литовцева.

– Вот как? – так же тихо отозвался лагориец и, не сводя взгляда с громил, прищурил свои большие темные глаза. – Чего они от тебя хотят?

– Литовцев обещал за мою голову награду.

– Почему?

– Он думает, что я убил его жену.

– Но ты ее не убивал?

– Нет. Ее прикончил Чигур. Это она потеряла перстень Бафомета, который я потом нашел.

– Вот оно что. – Гармата нахмурился.

– Ну что, поговорили? – гаркнул главарь наемников. – А теперь я буду считать до пяти, и, если ты не отойдешь, мои парни разобьют тебе башку.

– Раз...

– Мой друг не убивал жену вашего хозяина! – сказал Гармата. – Если хотите, он поклянется в этом честью!

– Два.

– Уезжайте отсюда! Уезжайте, если вам дорога жизнь!

– Мы не уедем без мальчишки! – крикнул в ответ главарь. – Три.

– Он мой друг, и тот из вас, кто захочет причинить ему вред, расстанется с жизнью!

– Четыре.

Главарь подал знак своим людям. В руках у них появились пистолеты.

– Отдайте им меня, – сказал Андрей дрогнувшим голосом. – Нам все равно не спастись.

– Лучше зажечь свечу, чем проклинать сгущающуюся тьму, – спокойно изрек лагориец. – Спрячься за мою спину и ни о чем не беспокойся.

Гармата вскинул вверх руку и проговорил несколько слов на непонятном языке. В ту же секунду от каждой из ярко горящих фар оторвалось по лучу, и лучи эти, подобно сверкающим нитям, сошлись на поднятой ладони Гарматы.

Потом что-то вспыхнуло, на секунду ослепив Андрея, а когда зрение снова вернулось к нему, он увидел, что рыцарь держит в поднятой руке меч. Клинок меча голубовато мерцал, и Андрей вдруг понял, что Гармата создал этот меч из луча света.

Это повергло громил в изумление.

– Да ты фокусник! – крикнул главарь. – Ты собрался драться с нами этим ножиком?

– Это не ножик, тупица, это меч! Предупреждаю вас, сарги: я – рыцарь третьего уровня силы и в совершенстве им владею!

Секунду громилы смотрели на Гармату с удивлением, а когда до них дошел смысл сказанного, заухмылялись.

– Ладно, клоун, не хочешь по-хорошему – объясню по-плохому, – прорычал главарь наемников. – Пять!

Он достал пистолет, быстро наставил его на Гармату и нажал на спуск.

Пистолет гулко рывкнул у наемника в руке. В то же мгновение Гармата произвел неуловимое движением мечом, и летящая пуля, столкнувшись с голубым клинком, выбила из него сноп искр и отлетела в сторону.

Гармата замер с мечом в руке. Он был спокоен и как будто расслаблен.

В наступившей тишине один из бандитов хрипло проговорил:

– Бугор, этот тип отбил пулю!

Главарь облизнул пересохшие губы. Уверенности в его глазах поубавилось, но сдаваться он не собирался.

– Это какой-то фокус, – хрипло сказал он. – Никто не может отбить летящую пулю. А ну, парни, валите его!

Громилы почти одновременно вскинули пистолеты, и грохот выстрелов слился в

рокочущую канонаду.

То, что произошло дальше, не поддавалось описанию. Андрею показалось, что меч Гарматы превратился в сверкающий вихрь. Пули с лязгом наталкивались на клинок и, выбивая снопы искр, отскакивали в сторону.

Наконец магазины пистолетов опустели, и стрельба прекратилась.

Лагориец вновь опустил меч и замер на месте, оглядывая врагов.

Главарь наемников посмотрел на свой раскалившийся от стрельбы пистолет, затем перевел взгляд на Гармату и хрипло спросил:

– Ты дьявол?

– Я не хочу никого убивать, – холодно и твердо проговорил в ответ лагориец. – Но если придется, я сделаю это без всяких сожалений.

Главарь еще несколько секунд разглядывал долговязого рыцаря, затем повернул голову к ближайшей машине и громко позвал:

– Серый!

Дверца распахнулась. Из салона выбрался невысокий коренастый парень с какой-то громоздкой штукой в руках. Приглядевшись, Андрей с ужасом понял, что это автомат.

– Давай! – рявкнул главный наемник.

Крепыш поднял автомат. В тот же миг Гармата взвился в воздух, за одно мгновение преодолел отделяющие его от автоматчика десять метров и дважды взмахнул мечом.

Еще секунду или две автоматчик стоял на месте в прежней позе, а затем его тело, рассеченное световым клинком лагорийца, распалось на три части и рухнуло на асфальт.

Рыцарь нагнулся, поднял оружие за ствол, размахнулся и сильным ударом об асфальт разбил его вдребезги.

Громилы наемники смотрели на лагорийца с ужасом. Тот неторопливо повернулся к их главарю и спокойно проговорил:

– Я ведь предупреждал тебя, сарг. Но ты не внял. Лицо главаря было белым как полотно.

Пару мгновений Гармата молчал. Потом он сказал:

– Возвращайся к тому, кто тебя послал, и передай, чтобы он прекратил свою охоту. А если он не прислушается, я приду и убью его. Ты все запомнил, сарг?

– Да, – сдавленно пробормотал громила. – Я все запомнил.

Гармата окинул застывших врагов спокойным взглядом и приказал:

– Уезжайте отсюда, сарги. И не забудьте забрать тело своего товарища и предать его земле со всеми почестями, какие подобают погибшему воину.

Громилы зашевелились. Андрей поспешно отвернулся, чтобы не видеть, как они собирают то, что осталось от автоматчика.

Пару минут спустя от машин не осталось и следа, и Андрей с Гарматой вновь остались на пустыре вдвоем. Проводив взглядом последнюю машину, рыцарь поднял руку с мечом, и меч исчез, растворившись в ночном сумраке.

Затем лагориец взглянул на Вершинина и спросил:

– Как себя чувствуешь?

– Нормально. – ответил Андрей. – Просто. не ожидал, что вы так легко с ними справитесь.

– Легко? – Гармата едва заметно усмехнулся и качнул головой. – Мой друг, ты ошибаешься. Для настоящего воина не бывает легких побед. Как не бывает и коротких путей. Нам пора идти.

– Да, но. – Андрей облизнул губы. – Можно вас кое о чем спросить?

– Спрашивай, – разрешил Гармата.

– Этот меч. вы создали его из луча света? Лагориец кивнул:

– Да.

– И вы можете это сделать когда угодно?

– Только если рядом есть источник света. Пусть даже самый крохотный.

– А если не будет?

– Тогда я останусь безоружен. Но не беспокойся. Какой бы крошечной не казалась тьма, в ней всегда найдется хотя бы один луч света.

Вершинин нахмурил лоб.

– Думаю, вы обладаете способностью мгновенно аккумулировать световую энергию, – задумчиво проговорил он. – И не только аккумулировать, но и каким-то образом усиливать.

Гармата улыбнулся:

– Тебе виднее. Ты ведь студент. – Лагориец хотел что-то добавить, но внезапно поканулся и схватился рукой за плечо Андрея.

– Что с вами? – взволнованно спросил Вершинин.

Гармата снова поканулся и вдруг упал на колени. Затем сунул руку под плащ, достал ее и посмотрел на ладонь. Она была окрашена кровью.

– Вот черт! – с горечью и досадой воскликнул Андрей. – Эти гады вас все-таки достали. А я уж подумал, что вы неуязвимы.

Лагориец слабо улыбнулся, потом разомкнул губы и тихо вымолвил:

– Я никогда тебе этого не говорил.

Затем глаза его закатились под веки и он рухнул на асфальт.

Несколько секунд Вершинин стоял в полной растерянности. Потом огляделся по сторонам и увидел брошенный кем-то из наемников пистолет.

* * *

Бежевая «Волга», душераздирающе закрипев тормозами, остановилась у обочины. Андрей, сжимая в руке тяжелый пистолет, наставленный на водителя, шагнул к машине и крикнул:

– Выходи!

Дверца «Волги» открылась, и на асфальт ступила нога, обутая в летний ботинок. Водитель, невысокий лысоватый очкарик, выбрался из машины, не сводя испуганного взгляда с пистолета.

– Вы хотите меня ограбить? – дрожащим голосом спросил он.

Андрей качнул головой:

– Нет.

– Тогда что?

– Мне нужна ваша машина. Мой друг истекает кровью.

Очкарик повернул голову и посмотрел на Гармату, лежащего рядом с обочиной. Затем снова перевел взгляд на Вершинина и неуверенно пробормотал:

– Я могу отвезти вас в больницу.

Андрей на мгновение задумался. Ему отчетливо вспомнилось доброе, мягкое лицо врача, оказавшегося на проверку кровососом-стригем. Он отрицательно покачал головой и сказал:

– Нет. Больница не подходит.

Водитель поправил пальцем очки и так же тихо пробормотал:

– Тогда я отвезу вас туда, куда вы скажете. Несколько секунд Андрей размышлял, потом кивнул и сказал, опуская пистолет:

– Помогите мне донести его до машины.

Нести огромное тело Гарматы вдвоем оказалось гораздо легче, чем Андрей мог предположить. Рыцарь был невероятно легкий. Килограммов пятьдесят, наверное, не больше. Андрей вдруг подумал, что у Гарматы могут быть полые кости – как у птиц. Иначе как объяснить, что он весит в два раза меньше, чем положено при таких габаритах?

Этой странности не мог не заметить и водитель.

– Ваш друг легче, чем я думал, – осторожно заметил он.

– Да, – сказал Андрей.

Они поднесли Гармату к открытой задней дверце и осторожно положили его на сиденье. Андрей выпрямился и вытер рукавом куртки потный лоб. Затем посмотрел на водителя и сказал:

- Простите, что наставлял на вас пистолет. Тот натянуто усмехнулся:
- Ничего, я это переживу. Вы уже знаете, куда хотите его отвезти?
- Да. К одной своей знакомой.
- Насколько я успел понять, рана вашего друга серьезна. Вы уверены, что не хотите везти его в больницу?
- Уверен.
- Но...

Андрей брезгливо отшвырнул пистолет в сторону, бросил на водителя хмурый, усталый взгляд и отчеканил:

- Садитесь в машину.

8

Лизе Кадимовой шел девятнадцатый год, но иногда она чувствовала себя зрелой, многоопытной женщиной. Мама ее умерла от инфаркта почти семь лет назад. Для Лизы это было огромным ударом, но она сумела после него оправиться. А вот отец Лизы, зубной хирург Игорь Петрович Кадимов, не сумел. Прежде сильный, уверенный в себе и жизнерадостный, за один день он превратился в пожилого, потерянного, замученного жизнью человека. И Лизе пришлось взять на себя заботу не только о доме, но и о преждевремененно постаревшем отце.

И все было бы нормально (не так, как прежде, но – нормально), если бы отец Лизы не стал все чаще и чаще прикладываться к бутылке. Сначала перед сном («Средство от бессонницы, дочка, просто средство от бессонницы»), потом сразу после работы («Устал я сегодня; если не расслаблюсь, наживу себе невроз»), а потом и с утра, перед тем как отправиться в клинику.

Занятая домашними делами, Лиза не успела заметить, как отец превратился в настоящего алкоголика, и осознала это лишь тогда, когда он перестал ходить на работу. Тогда Лиза и поняла, что жизнь ее отца, а заодно и ее собственная катится в тартарары.

Однако Лиза не собиралась сдаваться без боя. Будучи прямой и деятельной натурой, она и тут попыталась взять судьбу в свои руки и серьезно поговорить с отцом.

Он лежал на диване в грязной рубашке и помятых брюках. На табурете перед ним стояла початая бутылка водки, а рядом – тарелочка с толсто нарезанной (или скорее – нарубленной) докторской колбасой.

Лиза села в кресло, посмотрела на отца и спросила:

- Папа, зачем ты это делаешь?

Отец улыбнулся своей всегдашней виноватой улыбкой и ответил:

- Мне так легче, дочка.
- Тебе легче?. А мне? Обо мне ты подумал?
- Прости, дочка, но ты уже большая и можешь сама о себе позаботиться.
- Папа, тебе нужно остановиться. Мама больше нет, но у тебя еще осталась я. Или тебе легче будет, если я тоже умру?

Отец нахмурился и качнул головой:

- Не говори так, дочка.
- Но ты убиваешь меня! Отец нахмурился еще больше.
- Я не заслужил таких слов, – отчеканил он и протянул руку за бутылкой.

Когда он наполнял рюмку водкой, руки у него тряслись. Лиза посмотрела на эти дрожащие пальцы, и сердце ее сжалось от страха и тоски.

- Значит, тебе легче от водки? – спросила она, задумавшись о чем-то.

Отец, уже поднесший рюмку ко рту, поднял на нее взгляд и тихо ответил:

– Да, дочка. Легче.

– Тогда, может быть, и мне станет легче?

Лиза быстро взяла бутылку, поднесла ее к губам и, запрокинув голову, сделала несколько больших глотков. Водка обожгла Лизе горло, и она закашлялась.

– Ты с ума сошла! – крикнул отец.

Он отшвырнул рюмку, выхватил у Лизы бутылку и швырнул ее в угол. Потом, перегнувшись через табурет, взял Лизу за плечи, повернул к себе, пристально посмотрел ей в глаза и проговорил:

– Никогда больше так не делай.

С того дня отец не прикасался к алкоголю, и жизнь стала потихоньку налаживаться.

Два последних года Лиза училась в медицинском институте. Днем она грызла гранит науки, а по вечерам занималась домашним хозяйством – готовила, прибиралась в доме, стирала, гладила и делала еще десятки дел, которые помогают поддерживать дом в порядке и которые остаются для большинства мужчин совершенно незамеченными.

Лиза сознавала, что взяла на себя гораздо больше, чем полагалось юной девушке. Но это нисколько ее не тяготило. Несмотря на полное отсутствие свободного времени, Лиза чувствовал себя почти счастливой.

Однако несколько недель назад жизнь Кадимовых снова резко переменилось. Однажды вечером, вернувшись с работы, отец ввел в квартиру ярко накрашенную женщину и сказал:

– Лиза, познакомься, это Наталья Сергеевна. Она будет жить с нами.

– Жить с нами? – не поверила своим ушам Лиза. Отец кивнул.

– Да. Мы решили пожениться. Через неделю свадьба, и я прошу тебя быть моим свидетелем.

А спустя еще несколько дней мачеха, которая была всего на восемь лет старше Лизы, остановила ее на кухне и тихо сказала, глядя ей в глаза:

– Лиза, у твоего папы теперь есть я. Ты хорошая дочка, но он больше не нуждается в твоей опеке. Только без обид, ладно?

Несколько секунд Лиза молчала, а потом тихо проговорила:

– Завтра я поеду в Москву. К двоюродному брату.

– Зачем?

– Соскучилась.

Мачеха обдумала ее слова и улыбнулась:

– Это правильное решение. Тебе нужно немного побыть врозь с нами и хорошенько все обдумать. Уверена, что, когда ты вернешься, мы с тобой станем лучшими подругами.

«Я скорее подружусь с бешеной собакой, чем с тобой», – подумала Лиза, но вслух говорить этого не стала и даже выдавила из себя вежливую улыбку.

В Москву она приехала всего пару дней назад. Мишка Давыдов встретил ее с распростертыми объятиями и сказал, что квартира в полном ее распоряжении, тем более что родители его опять умотали в Африку, на этот раз почти на год.

Уехали родители Мишки всего две недели назад, но за это время он умудрился так сильно загадить квартиру, что она походила на притон. Два дня Лиза наводила марафет. Потом решила забить холодильник продуктами, чтобы не приходилось ходить за ними каждый день.

Магазин был недалеко. Отстояв очередь, в которой преобладали пенсионерки, и расплатившись с кассиршей, Лиза вышла на улицу и с удивлением увидела, что уже стемнело. Она решила вернуться домой через небольшой скверик и сократить тем самым путь.

В скверике было безлюдно и довольно темно. Фонари горели даже не через один, а гораздо реже. Дойдя до середины аллеи, Лиза опустила пакеты на асфальтовую дорожку, чтобы немного передохнуть и перевести дух.

– У вас очень тяжелые сумки, – произнес у нее за спиной вежливый мужской голос. – Разрешите, я помогу?

Лиза резко обернулась и взгляделась в высокую мужскую фигуру, стоявшую в тени, под разбитым фонарем.

– Спасибо. – дрогнувшим голосом пробормотала она. – Но я справлюсь сама.

– Вы меня боитесь? Напрасно. Чтобы узнать человека получше, достаточно просто посмотреть ему в глаза.

Мужчина, одетый в длинный плащ, выдвинулся из тени, и Лиза увидела его лицо. Оно было прекрасно. Молодое, слегка бледное, с твердо очерченными губами и темными глазами, которые смотрели на Лизу спокойно и участливо.

Лиза смотрела незнакомцу в глаза всего несколько секунд и вдруг поняла, что теряется, тонет в этом бездонном взгляде. Мужчина неторопливо подошел к ней вплотную, остановился и обнял ее левой рукой за талию. Потом, продолжая смотреть ей в глаза, поднял правую руку и погладил Лизу по густым каштановым волосам.

– У меня такое чувство, будто мы знакомы целую вечность, – мягко проговорил он, и от звуков его голоса Лиза почувствовала приятное волнение.

Незнакомец провел ладонью по ее щеке. Прикосновение было таким нежным, что Лиза невольно улыбнулась и слегка склонила голову, как бы ластясь к этой удивительной руке с длинными сильными пальцами.

А рука прекрасного незнакомца опускалась все ниже. Пальцы его нежно провели по шее Лизы и соскользнули ей на ключицу.

– Ты прекрасна, как майская ночь, – проговорил на ухо нежный, бархатистый баритон. – Не противься мне, и я отведу тебя в прекрасную страну, где ты будешь по-настоящему счастлива.

Счастлива...

Лиза снова улыбнулась. От волшебных звуков этого голоса она почувствовала приятную истоми и слегка подалась вперед, прижавшись к незнакомцу. Он улыбнулся и снова погладил ее ладонью по волосам, затем взял за подбородок и слегка приподнял ее голову.

– Я хочу, чтобы ты была со мной откровенна, – сказал он.

– Да... – пролепетала Лиза, глядя в большие темные глаза мужчины. – Я буду откровенна.

Он улыбнулся и кивнул:

– Хорошо. Расскажи мне, что ты знаешь о перстне Бафомета.

– Я не знаю, про какой перстень вы говорите, – прошептала Лиза.

– Вот как? – Глаза его сузились. – Разве Андрей Вершинин не рассказал тебе?

– Андрей?... – Она покачала головой. – Нет... Он ничего мне не рассказывал.

Незнакомец приблизил к ней свое красивое, как у киноактера, лицо.

– Не обманывай меня, милая, – негромко проговорил он. – Я пришел к тебе, потому что кое-что почувствовал.

– Что?

Незнакомец улыбнулся и прошепестел одними губами:

– Влечение. Я всегда чувствую влечение. Лиза тоже улыбнулась:

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Андрея влечет к тебе. Влечет невероятно. Он как самец бабочки, который кружится над цветком, постепенно сужая круги. Пока что его круги слишком широки, но ему никуда от тебя не деться. Ну а теперь отвечай – где он сейчас может быть?

– Андрей?

– Да.

– Я не знаю. Мы не виделись несколько лет, а встретились только недавно... И в нашей встрече не было ничего. ничего такого.

Незнакомец снова взгляделся в ее глаза, и от взгляда его по спине Лизы пробежала дрожь.

– Да, – выдохнул он наконец. – Вижу, что ты не обманываешь.

Он отпрянул от Лизы и убрал руку с ее талии.

- Вы уходите? – грустно спросила она.
- Да, милая. Мне пора, – спокойно ответил мужчина.
- Не бросайте меня... Пожалуйста... Без вас мне будет одиноко.

Некоторое время незнакомец задумчиво разглядывал ее лицо, потом перевел взгляд на шею, и в глазах его запылали красные звездочки. Еще несколько секунд он смотрел на шею Лизы, и звездочки в его глазах разгорались все ярче и ярче. Затем незнакомец с видимым усилием отвел взгляд, резко развернулся и зашагал прочь.

Совсем недолго Лиза видела его спину, а потом он растворился в сгустившихся сумерках.

Лиза тряхнула головой. Наваждение рассеялось, и теперь она слабо помнила, что случилось. Вроде бы на улице к ней подошел незнакомый человек. И он о чем-то спрашивал ее. О чем?... Ах да, он искал какую-то улицу.

Лиза провела по лицу пальцами, как бы смахивая невидимую паутинку. Миновало еще несколько секунд, прежде чем она окончательно пришла в себя и успокоилась.

«Мишка придет голодный, – подумала она. – Если, конечно, придет. А может вообще припереться среди ночи, это вполне в его стиле. Хорошо, что купила пиццу, ее можно быстро разогреть».

Лиза вздохнула, подняла пакеты и зашагала к дому.

9

Стоя перед обитой дерматином дверью, Вершинин поддержал заваливающегося на него лагорийца, затем протянул руку и нажал на кнопку звонка. Послышалась мелодичная трель. Прошло несколько секунд, и женский голос из-за двери спросил:

- Кто там?
- Свои! – ответил Вершинин и вновь, поморщившись от усилий, поправил Гармату.
- «Счастье, что он такой легкий, – подумал он. – Что б я делал, если бы в нем было килограммов сто?»

Лязгнул замок, дверь приоткрылась. В образовавшуюся щель выглянуло хорошенькое лицо Лизы. При виде Вершинина и долговязого бледного типа, привалившегося к Андрею, глаза ее полезли на лоб.

- Андрей? Что случилось? Кто это с тобой?
- Мишка дома? – вместо ответа спросил Вершинин. Лиза удивленно качнула головой:
- Нет. Я не видела его со вчерашнего дня. А что случилось-то?
- Можно мы войдем?
- Да. Да, конечно!

Лиза распахнула дверь и посторонилась, впуская в прихожую Андрея и Гармату, который едва шевелил ногами.

Волосы Андрея были растрепаны, лицо покраснело от усилий.

- Помогите мне довести его до дивана, – попросил он.

Лиза взглянула на худое, изможденное лицо лагорийца и осторожно спросила:

- Он что, пьян?
- Нет. Он ранен.
- О господи! – Лиза тут же схватила руку лагорийца и положила ее себе на плечи. – Идем в Мишкину комнату!

Вдвоем они втащили рыцаря в комнату и аккуратно уложили на диван.

Лиза выпрямилась, откинула со лба рыжевато-каштановую прядь волос и посмотрела на Андрея так, что ему тут же захотелось провалиться сквозь землю.

- Ну? Я жду объяснений.
- У него пуля в груди, – сбивчиво проговорил Вершинин. И добавил зачем-то: – Пистолетная.

Глаза Лизы вылезли из орбит.

– Андрей, скажи мне, что это шутка!

– Это не шутка. У него правда пуля. И нам нужно ее вытащить.

Лиза заморгала, все еще ничему не веря. Потом перевела взгляд на лагорийца. Он лежал на диване, запрокинув голову. Черты его заострились, а кожа приобрела сероватый оттенок. Лиза увидела, что край дивана уже пропитался кровью, и несколько капель упали на ковер.

– Черт! – выдохнула она. – Вы с ума сошли! Я звоню в «скорую»!

Она кинулась к телефону, но Андрей поймал ее за руку. Пристально посмотрев ей в глаза, он покачал головой:

– Нет, Лиза. Его нельзя в больницу. Ты ведь учишься в медицинском? Вытащи пулю.

Лиза посмотрела на Андрея как на сумасшедшего:

– Это безумие! Я не умею вытаскивать пули!

– Тебе придется попробовать, – мягко, но настойчиво проговорил Вершинин. – В больницу его везти нельзя. За ним охотятся бандиты.

– Так позвони в милицию! У тебя ведь брат оперативник!

Андрей нахмурился и снова покачал головой:

– Это слишком сложно. К тому же этот парень иностранец. Помогите нам.

Слово «иностранец» почему-то подействовало на Лизу. Она посмотрела на телефон и закусила губу, не в силах на что-нибудь решиться. И тут Гармата открыл глаза. Пару секунд он смотрел на потолок, потом перевел взгляд на девушку и тихо произнес:

– Не надо бояться. Достаньте пулю... У вас получится. И снова закрыл глаза. Слова лагорийца, даже произнесенные так тихо, обладали почти гипнотической силой.

– Сумасшедшие какие-то, – проговорила Лиза, а затем вздохнула и добавила: – Ладно, черт с вами. Сейчас достану аптечку. А ты сбегай на кухню и принеси зажигалку, водку, нож и кипяченую воду.

Андрей повернулся и быстро вышел из комнаты. Вскоре он вернулся, неся все, что перечислила Лиза. А она уже хлопотала возле лагорийца.

– Разрежь ему одежду! – скомандовала она Андрею.

Вершинин выполнил ее поручение. Вместе они осторожно освободили торс лагорийца от лоскутов ткани. Стройный и гибкий, Гармата словно состоял из одних только мускулов и сухожилий. На вид ему было лет тридцать, но кожа у него была очень нежная, а грудь абсолютно безволосая.

Смочив ватный тампон перекисью водорода, Лиза осторожно провела им по груди лагорийца. Входное отверстие от пули «уставилось» на Лизу словно багровый затекший кровью глаз.

– Выглядит ужасно, – тихо сказала она. – Андрей, подай водку.

Лагориец открыл глаза и посмотрел на бутылку, которую держал в руках Вершинин.

– Что это? – хрипло спросил он.

– Водка, – ответила Лиза.

– Похоже на простую воду.

– На вкус будет не похоже, – заверила его Лиза. – Пейте!

Лагориец послушно открыл рот и сделал несколько глотков.

– Андрей, держи ему руки. И держи так крепко, как только сможешь.

– Это не понадобится, – не открывая глаз, пробормотал лагориец. – Я не буду двигаться, пока вы мне не позволите.

– Ладно. Но все равно держи. Вершинин взял Гармату за запястья и сжал их.

– Начинаем, – сказала Лиза и занесла нож.

Пока Лиза пыталась достать пулю, лагориец, вопреки ее ожиданиям, не стонал и не метался. Закусив губу и закрыв глаза, он словно оцепенел. Выглядело это так странно, что Лиза забеспокоилась.

– Проверь ему пульс! – взволнованно попросила она Андрея.

Тот переместил палец Гармате на артерию.

– Ровный, – сказал он после паузы. – Ударов шестьдесят в минуту.

– Странно, – удивленно сказала Лиза. – Он выглядит слишком смирным.

Андрей усмехнулся и проговорил:

– Этот парень умеет терпеть боль.

Вскоре пуля, темная и окровавленная, лежала на блюде, а Лиза взялась за иглу и капроновую нить. Зашивать раны она умела и действовала профессионально и уверенно.

Когда рана была зашита, Лиза взяла бутылку с водкой, поднесла к губам и сделала пару хороших глотков. Она закашлялась и вытерла выступившие на глазах слезы.

– Какая гадость. – сдавленно пробормотала она. – И как только мужики ее пьют? – Затем посмотрела на Вершинина и устало сказала: – Я сделала все, что могла, но твой друг все еще в опасности.

Андрей выпустил руки лагорийца из своих побелевших, затекших пальцев и выпрямился.

– Спасибо за помощь, Лиза, – сказал он. И добавил с улыбкой: – Не думал, что ты такая.

– Какая? Сумасшедшая? Вершинин качнул головой:

– Нет. Смелая. Лиза вздохнула:

– Нужно быть сумасшедшей, чтобы помогать вам в этом. – Она взяла со стола салфетку и, вытирая руки, посмотрела на лагорийца. – Сама не верю, что я это сделала. Если он умрет, нас обоих посадят.

– Он не умрет, – твердо сказал Вершинин. – Он умеет держаться за жизнь. Ты уж мне поверь.

10

Пятнадцать минут спустя, укрыв спящего Гармату пледом и выключив свет, Лиза и Андрей перебрались на кухню, чтобы выпить кофе и прийти в себя.

Лиза курила тонкую сигаретку. Она все еще была бледна, но выглядела уже гораздо лучше, чем сразу после операции.

– Странно. – сказала она, глядя на то, как дымок белесым облачком развеивается в воздухе. – Я сегодня прооперировала человека, достала у него из груди пулю. Он все еще может умереть, но мне почти не страшно, и я ни о чем не жалею. – Она перевела взгляд на Андрея и добавила: – Знаешь, как только он сказал мне, что у меня все получится, страх тут же ушел.

– Мой друг – необычный человек, – сказал Вершинин.

– Это я уже поняла. Может, расскажешь мне про него подробнее?

– Может, и расскажу. Но сейчас как-то не хочется. Слушай, а я не знал, что ты куришь.

– Так, иногда. чтобы снять напряжение.

Лиза посмотрела на недокурную сигарету, нахмурилась и вдавила ее в пепельницу. В этот момент дверь у нее за спиной открылась, и в кухню вошел Гармата.

– Вы с ума сошли! – крикнула, обернувшись, Лиза. – Быстро в постель!

Долговязый лагориец улыбнулся, покачал головой и сказал:

– Я чувствую себя отлично. Кровотечения нет, и рана уже не болит. Вы все сделали очень хорошо.

– Но.

– Вас зовут Лиза?

– Да.

– Меня – Гармата. – Рыцарь улыбнулся. – Я в вашем мире гость.

– Судя по ранению, встретили вас здесь не очень дружелюбно, – сказала Лиза и встала со стула.

– Могло быть намного хуже, – спокойно возразил лагориец. – Если бы не вы.

Лиза слегка покраснела. Подойдя к Гармате, она взяла его руку и послушала пульс. Потом пощупала ему ладонью лоб.

– Прохладный, – удивленно проговорила она. Лагориец снова улыбнулся. Потом мягко

отстранил Лизу с дороги, прошел к столу, взял нож и одним необъяснимо легким движением распорол на груди повязку, которую сделала ему Лиза.

– Что вы делаете! – воскликнула она, шагнув к лагорию и схватив его за руку. – Мы только что прооперировали вас без анестезии и антибиотиков! У вас один шанс из ста избежать осложнений!

Гармата, не слушая Лизу, уверенно стянул повязку, смял ее в комок и швырнул в мусорное ведро. Потом повернулся к Лизе и сказал:

– Посмотрите, и вы сами убедитесь, что со мной все в порядке.

Не веря глазам, она подняла руку и коснулась пальцами груди Гарматы. Рана затянулась, а воспаление прошло. Шрам выглядел так, словно после операции прошло уже дней пять.

– Мне нужна какая-нибудь одежда, – сказал лагориец, глядя на Лизу спокойным, приветливым взглядом.

– Там... – Лиза глубоко вдохнула и взяла себя в руки. Возьмите, что подойдет.

Когда дверь за ним закрылась, Лиза повернулась к Вершинину и сухо проговорила:

– Ну?

– Что «ну»? – не понял он.

– Тебе не кажется, что пришло время все объяснить?

– Да. Ты права. Видишь ли, мой приятель, он.

Из комнаты донесся грохот. Лиза и Андрей переглянулись, а затем устремились к двери. Когда они вбежали в комнату, Гармата сидел в кресле с хрустальной вазой на коленях и жадно поедая из нее шоколадные конфеты. На полу валялся разбитый кувшин.

Гармата улыбнулся перепачканными шоколадом губами и сказал:

– Вкусно! – Затем быстро сдернул с очередной конфеты фантик и швырнул ее в рот.

Лиза застыла посреди комнаты с обескураженным видом.

– Никогда не видела, чтобы больные восстанавливались так быстро, – пробормотала она.

– Сколько там было? – спросил у нее за спиной Андрей.

– Около килограмма.

Лагориец тем временем доел последнюю конфету и взглянул на Лизу.

– У вас есть еще еда? – осведомился он.

– Есть пицца. – растерянно пробормотала Лиза. – Только она холодная.

– Ничего, согрится и холодная, – отозвался лагориец. И добавил виновато: – Процесс регенерации требует много протеинов.

Лиза, ни слова не говоря, повернулась и бросилась на кухню. Гармата посмотрел на Андрея и засмеялся.

– Похоже, мы ее напугали? – весело спросил он.

– С чего ты взял? – иронично отозвался Вершинин. – Подумаешь, завалились без приглашения, перепачкали кровью диван и заставили вытаскивать пулю. В нашем мире это происходит сплошь и рядом!

– Андрей, можно тебя на минуту? – донесся с кухни голос Лизы.

Вершинин задумчиво посмотрел на довольную физиономию лагорица, вздохнул и поплелся на зов.

Лиза встретила Андрея хмурым взглядом. Она стояла возле включенной микроволновки, и вид ее не предвещал ничего хорошего.

– Кто он? – сухо спросила Лиза, едва Вершинин переступил порог комнаты.

– Видишь ли, мой приятель, он. в общем, он не из нашего мира.

– А откуда?

– Из Лагора.

На лице Лизы отразилась задумчивость.

– Где это? – спросила она. – Что-то я не припомню такой страны.

– Этой страны нет на карте. Она не здесь. Не в нашем мире. Не на Земле, понимаешь?

Несколько секунд Лиза пристально смотрела Андрею в глаза, а потом лицо ее слегка побелело.

– А я уж было поверила, что ты хороший парень.

– Лиза, я говорю правду. Гармата не из нашего мира. И он. он даже не человек.

Пискнул таймер микроволновки. Лиза повернулась к ней и стала вынимать пиццу. Андрей продолжал:

– Гармата, правда, из другого мира! Он – рыцарь. У них свой клан, что-то типа рыцарей-джедаев, только по-настоящему. И они враждуют с магами. Лиза, клянусь тебе, все именно так, как я говорю. Маги идут за нами по пятам, и мы вынуждены от них скрываться.

Девушка презрительно проговорила:

– Господи, и почему все парни, которые мне нравятся, оказываются такими гадами?

Она отвернулась от Вершинина и вышла из кухни. Но на пороге гостиной Лиза замерла с вытянувшимся от изумления лицом. Гармата, откинувшись на спинку кресла, с довольным видом жонглировал лучами света, выуживая их из люстры и закручивая в замысловатые сверкающие фигурки. Увлеченный своим занятием, он не заметил, как Лиза вошла, и, продолжая играть лучами, слегка приподнялся над креслом и завис в воздухе.

Несколько секунд Лиза ошеломленно наблюдала эту фантастическую картину, а потом блюдо с пиццей выпало у нее из рук.

– Так это правда?...

Гармата отправил лучи света обратно к люстре и опустил в кресло.

– Простите, – виновато сказал он. – Я не заметил, как вы вошли.

Тут в комнате появился Андрей.

– Гармата, я все ей рассказал, – произнес он. Лагориец нахмурился и уточнил:

– Что именно?

– Что ты не человек. – Вершинин покосился на побледневшую девушку и добавил: – И что нас с тобой преследуют маги.

11

– Так зачем маги за вами гонятся? – спросила Лиза, сидя в кресле с холодным полотенцем на лбу.

– Андрею в руки попал Ключ, – ответил Гармата, полулежа на кровати и принимаясь за второй кусок пиццы.

– Ключ?

– Да, Ключ, – кивнул Вершинин. – Это произошло случайно. Я шел по улице и...

– В мире ничего не происходит случайно, – перебил лагориец. – Ключ сам выбрал тебя.

– Сам? – Вершинин посмотрел на рыцаря и усмехнулся: – И зачем ему это?

– Самые страшные и неуловимые маньяки подсознательно желают, чтобы их разоблачили, – изрек Гармата, показав тем самым неплохое знание криминальной психологии. – То же и с Ключом. Один лишь его поворот способен изменить судьбу Вселенной. Древний дух, заключенный в перстне, и жаждет этого, и боится. Как маньяк.

– Эй, вы так и не объяснили! – сердито окликнула Лиза. – Что это за Ключ, и почему он так нужен этим вашим магам?

Андрей промолчал, не зная, что ответить. Гармата сказал:

– Это не просто маги. Это маги-изменники. Они отвергли Великую Конвенцию и решили заняться, как это по-русски, нелегальным частным промыслом. Примерно так. Мы подозреваем, что они заключили сделку с представителем темных миров и пообещали доставить ему перстень Бафомета.

– Который является Ключом от Заповедных Врат, – вставил Андрей.

Гармата кивнул:

– Совершенно верно. И они его уже получили.

– И зачем этим темным понадобился этот Ключ? – нахмурившись, осведомилась Лиза.

– Мы полагаем, что они собираются открыть Заповедные Врата и впустить в ваш мир Зло.

– Какое зло?

– То, которого вы больше всего боитесь и о котором ваши древние пророки предупреждали в священных книгах.

– Намеряете на «Апокалипсис»? – неуверенно уточнила Лиза.

– Да, в том числе, – сказал лагориец и взял последний кусок пиццы.

Лиза нахмурилась еще больше:

– И где находятся эти Заповедные Врата? Гармата покачал головой и проговорил с набитым ртом:

– Я не знаю.

– А они? Маги-изменники знают?

– Думаю, что нет. – Гармата с сожалением посмотрел на опустевшее блюдо. Потом вздохнул и пояснил: – Но у них есть подсказка. Появляясь в мире, Ключ сам дает ее. Это что-то вроде.

Лагориец запнулся, подыскивая подходящее слово, и Вершинин пришел ему на помощь:

– Инструкции по эксплуатации. Гармата улыбнулся и кивнул:

– Да, верно. Иногда это огненные буквы, как на пиру библейского царя Вальтазара. Иногда – символы на прибрежном песке, которые смывает волна. А может быть, просто граффити на стене. Инструкция появляется в разном виде, но неизменно одно – она всегда есть. И она всегда некая. Ее нужно расшифровать.

– Зачем такие сложности? – удивилась Лиза. Лагориец виновато улыбнулся, как бы оправдываясь за то, что говорит непонятно, а затем объяснил:

– Ключ не любит случайных людей. Он – часть Великого Проекта.

– Какого еще проекта?

– Того самого, благодаря которому существует Судьба. Ключ этот дается в руки далеко не каждому. Он любит победителей, а побеждают только смелые и благородные духом.

Вершинин усмехнулся:

– В этом ты ошибаешься, Гармата. В нашем мире выигрывает не честный и справедливый, а расчетливый.

– Расчетливый ум никогда не сможет подняться над мыслью о корысти и убытках, – возразил лагориец. – А что есть смерть, как не убыток? И что есть жизнь, как не корысть? Тот, кем движет корысть, опасается смерти. Значит, такой человек – трус.

Андрей посмотрел на рыцаря с сочувствием.

– М-да. – вздохнул он. – Тяжело тебе у нас придется.

Гармата улыбнулся, протянул руку и взял со стола бутылку с недопитой водкой.

– Гармата, это не вода, – напомнил Андрей.

– Я знаю. – Он свинтил крышечку и, запрокинув голову, сделал пару хороших глотков.

Андрей с Лизой переглянулись.

– Он еще и алкоголик, – тихо пробормотала Лиза. Вершинин взялся за бутылку и с усилием отвел ее от губ лагорица:

– Ты выпил уже треть бутылки.

– И что? – вскинул брови Гармата.

– Это слишком много.

– Чем больше воды, тем выше корабль. Не бойся, мой друг. Я ведь рыцарь! – И он отхлебнул еще глоток.

– И все-таки тебе хватит.

Вершинин вынул бутылку из разжавшихся пальцев Гарматы, закрыл ее и поставил подальше.

– Зря ты так, – сказал тот. – У нас в Лагоре тоже есть крепкие вина. И я. И мы. Мы его.

Веки Гарматы медленно закрылись, а голова опустилась на подушку. Он уснул.

Андрей посмотрел на рыцаря и констатировал:

– Готов. Наше пойло будет покрепче лагорийского. Лиза встала с кресла, взяла плед и аккуратно укрыла Гармату. Потом повернулась к Андрею:

– До рассвета еще часа три. Тебе тоже надо поспать. Вершинин кивнул:

– Да, пожалуй.

– Я постелю тебе в гостиной?

– Хорошо.

– Только помоги мне достать постель с антресолей. Андрей поспешно поднялся на ноги, и они подошли к высокому шкафу.

Когда он передавал свернутый пододеяльник Лизе, пальцы их на мгновение соприкоснулись.

Они несколько секунд смотрели друг на друга: Лиза – спокойно и выжидающе, Андрей – слегка растерян и смущенно. Потом глаза Вершинина блеснули. Он взял девушку за руку и тихо проговорил:

– Знаешь, Лиза.

– Что? – так же тихо спросила она и слегка подалась ему навстречу.

– Я.

– Мерзкие сарги! – хрипло проговорил вдруг Гармата.

Андрей выпустил руку Лизы и обернулся.

Лагориец по-прежнему лежал на кровати. Но его губы приоткрылись, и изо рта вырвалось змеиное шипение. А затем тот же неприятный голос проговорил, вещая из утробы спящего рыцаря, как из радиоприемника, поймавшего случайную волну:

– Я доберусь до вас, сарги... Где бы вы ни прятались, я до вас доберусь.

Лагориец сомкнул губы, тяжело вздохнул, потом перевернулся на бок, пробормотал во сне нечто нечленораздельное и затих.

Андрей внимательно взгляделся в лицо рыцаря, но оно было спокойно и безмятежно, как у младенца. Вершинин повернулся к Лизе и, нахмурившись, проговорил:

– У него был тяжелый день.

– У тебя тоже. – Лиза улыбнулась и вручила Вершинину постельное белье. – Держи. Неси на диван, а я пока поищу подушку.

Глава шестая Огненный крест

1

Андрей резко сел на постели и открыл глаза, но тут же снова зажмурил их. В окно ярко бил солнечный свет. Из соседней комнаты донеслись громкие голоса. Он откинул одеяло, поднялся с дивана и быстро натянул джинсы и футболку.

Потом сунул ноги в тапочки и зашагал в комнату, из которой все это время доносились голоса Лизы и Гарматы. Судя по всему, разговор у них шел на повышенных тонах. По крайней мере, со стороны Лизы.

Войдя в комнату, он услышал горестный Лизин крик:

– Ты хоть понимаешь, что сломал его?

– Он оскорбил меня.

– Что случилось? – спросил Вершинин, протирая сонные глаза.

Лиза дунула на каштановую прядь волос, упавшую на лицо, и гневно произнесла:

– Твой друг убил телевизор!

– Как убил? – Андрей перевел взгляд. Телевизор был разрублен ровно пополам, и обе половины валялись на черной резной тумбе.

Лагориец тоже посмотрел на сломанный телевизор и презрительно осведомился:

– Из какого мира явился этот нечестивец?

– Из «Эльдорадо», – убитым голосом отозвалась Лиза.

Гармата хмуро наморщил лоб:

– Эльдорадо? Кажется, так вы называете страну, полную золота? – Он сдвинул брови. – Судя по тому, каким невежей и негодяем был этот подлый телевизор, в Эльдорадо творится полный беспредел.

Лиза открыла было рот, но не нашлась, что сказать, и посмотрела на Вершинина. Тот пожал плечами и, едва сдерживая усмешку, осведомился у лагорийца:

– Гармата, неужели ты до сих пор не видел телевизора?

– Нет, – покачал тот головой.

– Они же у нас повсюду. В каждом доме. Люди смотрят по нему новости и сериалы.

– Я мало бывал в чужих домах, – спокойно и строго ответил Гармата. – А там, где я бывал, никто не смотрел телевизор.

– Это просто электронное устройство, – сказал Андрей. – Вещь, сделанная человеческими руками.

Некоторое время Гармата молчал, а потом виновато покосился на Лизу и тихо проговорил:

– Прости, я не подумал.

– Ладно, чего уж теперь. – удрученно вздохнула Лиза. – Мишка разозлится, но я ему все объясню. Если, конечно, сумею.

Лагориец еще немного помолчал, а потом вздохнул:

– Вы, сарги, удивительные создания. Вы не владеете магией, но изобретаете вещи, которые творят магию по вашему приказу.

– Но это никакая не магия, – сказал Вершинин. – Это наука.

Рыцарь качнул встрепанной головой:

– Не важно, как вы это называете. Только очень сильные маги умеют общаться друг с другом на огромном расстоянии, а в вашем мире на это способен любой. Нужно только взять в руку телефон и нажать на кнопку. В Лагоре, если ты хочешь перенестись из одного места в другое, нужно произвести сложнейшие действия на высочайшем уровне ментального бытия. А вы просто идете на вокзал или в аэропорт и покупаете билет. Даже не задумываясь о том, насколько изумительны и непостижимы вещи, окружающие вас и сотворенные руками ваших гениев.

Лиза и Андрей переглянулись.

– Ты прав, – сказала лагорийцу Лиза. – Мы и впрямь не задумываемся о чудесах, которые творятся у нас на глазах каждый день. Мы просто к ним привыкли.

Гармата несколько секунд сидел молча, потом неуверенно улыбнулся:

– Я тут покопался в ваших книгах и кое-что нашел.

– Ты умеешь читать? – поднял брови Андрей. – Я думал, рыцари презирают умников.

Гармата посмотрел на него укоризненным взглядом и невозмутимо изрек:

– Ученость и искусство боя подобны двум колесам повозки: если одного из них нет, повозка опрокинется.

– Мудрое замечание.

Андрей поискал глазами, куда бы сесть. Покрывало на диване было скомкано, и на обивке кое-где темнели засохшие пятна крови. Вершинин сел в кресло, а Лиза, сложив руки на груди, прислонилась плечом к шкафу и устремила взгляд на лагорийца, ожидая, что тот продолжит. И тот продолжал:

– Маги вас недооценивают. Ваши ученые и философы постигают вещи, которые в нашем мире доступны лишь магам и рыцарям высочайшего уровня. В одной из книг я прочел верную и очень глубокую мысль.

– Какую? – спросил Вершинин.

– «В духовной области не существует никаких пределов. А время и пространство – всего лишь построения нашего ума».

Андрей и Лиза снова переглянулись.

– Ты говоришь как философ, – с легкой иронией заметил Вершинин.
– Правда? – Гармата улыбнулся. – Что ж, может быть. Я прочел также строки, которые мог написать только маг, равный по силе Властителю Лмерку или даже превосходящий его. – Рыцарь наморщил лоб, припоминая, а затем процитировал: – «Сознание – это скульптор, а энергия – это глина в его руках».

– Что это значит? – спросила Лиза. Гармата перевел на нее взгляд и объяснил:

– Великий маг или великий рыцарь может высвободить сознание из оков своего тела и стать кем угодно. Или чем угодно. Он может стать скалой, водой, куском вулканической лавы. И даже этим шкафом. Но достигнуть этого можно только с помощью глубочайшей духовной сосредоточенности.

– А как насчет атома и молекулы? – осведомился Андрей.

Гармата кивнул:

– Конечно, микромир – не исключение. Сознание разумного существа способно войти во что угодно и стать чем угодно. – Рыцарь на мгновение задумался и добавил: – Даже радиоволной. Лиза вздохнула и призналась:

– Для меня это темный лес.

– Для меня тоже, – согласился с ней Андрей. – Лучше скажи, что мы сделаем с перстнем Бафомета, когда вернем его? Уничтожим?

Лагориец сдвинул брови и покачал головой:

– Перстень Бафомета нельзя уничтожить. Сто лет назад Хорос отправил его в странствие по мирам. Но перстень нашел способ задержаться здесь, выбрав себе случайного временного хозяина.

– А Менерих? Он что, сто лет ждал этого?

– Нет. Менерих был слишком неводержан на язык, и Хорос низверг его в Великую Пустоту. Все эти годы Менерих томился там, но Темные силы нашли способ его вытащить.

– Зачем?

– Менерих – хороший воин.

– Он силен?

– Очень. И очень голоден. Великая Пустота выжгла ему душу, но не убила. Она сделала его частью себя самой. Поэтому он постоянно голоден. Пустота никогда не сможет насытиться.

Тут в кармане у лагорица зазвонил телефон. Он быстро достал мобильник из кармана и прижал трубку к уху.

– Чигур! – взволнованно проговорил рыцарь. – Ты нашел мага?

– Андрей с тобой? – спросил вместо ответа регистратор.

– Да!

– Включи громкую связь.

Гармата отнял трубку от уха, посмотрел на Вершинина и растерянно проговорил:

– Он просит включить громкую связь. Андрей взял из рук Гарматы мобильник:

– Владимир Иванович, это Андрей! Я включил.

– Рад, что ты жив, студент, – отозвался из динамика хриловатый голос регистратора. – А теперь слушайте внимательно. Я нашел авгура. Он был в японском ресторане возле метро «Сокол». Но все не так просто. Дело в том, что авгур.

Андрей, Гармата и Лиза выслушали регистратора с напряженными и хмурыми лицами.

– Кто мог это сделать? Менерих?

– Нет. Вряд ли. Нужно выяснять. Скажите, где вы находитесь, и я за вами заеду.

Андрей посмотрел на Лизу. Та кашлянула в кулак и назвала адрес.

– Понял. Вижу, у нас в команде появился еще один игрок? Эй, студент, твоей подружке можно доверять?

Взгляды Андрея и Лизы встретились.

– Можете доверять ей так же, как и мне, – сказал Вершинин.

– Ладно. Кем бы ни была эта девушка, ей сейчас угрожает большая опасность. Слуги Менериха снова разыскивают тебя, Андрей, и на этот раз я не знаю зачем. Придумайте, куда можно спрятать девушку. Буду у вас через десять, максимум – двадцать минут. До встречи!

Регистратор отключился. Андрей снова посмотрел на Лизу:

– Лиза, он прав. Менерих ищет меня, и тебе небезопасно оставаться дома.

Лиза слегка покраснела и сказала дрогнувшим от волнения голосом:

– Я могу поехать с вами.

– Нет, – вступил в разговор Гармата. – Это еще опаснее. Вы должны на время покинуть эту квартиру.

На лице девушки появилась растерянность.

– Но. куда же я уеду?

– Ты можешь вернуться в Питер, – сказал Андрей.

– Я поссорилась с родителями...

– А как насчет дома в Абрамовке? – осенило вдруг Андрея. – Вы его еще не продали?

Лиза покачала головой:

– Нет.

– Ты можешь пока перебраться туда. Там тихо и безопасно.

– Это далеко? – прищурился лагориец.

– Полтора часа от Москвы, – ответила Лиза. – По Егорьевскому шоссе.

– Отлично! Возьмите все необходимое и поезжайте туда. Как только опасность минует, Андрей с вами свяжется. Или приедет за вами.

Лиза колебалась. Было видно, что идея отправиться в деревню и сидеть там тише мыши не привела ее в восторг. Однако после почти минутного размышления она сделала над собой усилие и ответила:

– Хорошо. Только постарайтесь решить свои проблемы побыстрее. Дольше двух дней я там одна не высижу.

Андрей вздохнул и проговорил с горькой улыбкой:

– Об этом можешь не волноваться. Если у нас ничего не получится, сегодня вечером миру придет конец.

2

18 часов до открытия Заповедных Врат

Навалившись голым мускулистым животом на подоконник, бывший уголовник Бобер хмуро разглядывал улицу. У него за спиной, бесстыдно раскинувшись на кровати, лежала обнаженная женщина с большим бюстом и ярко накрашенными губами. В ее белых пухлых пальцах дымилась сигарета.

– А ты красавчик, – сказала она, разглядывая широченные плечи Бобра и его жилистую, мускулистую спину, на которой был вытатуирован горящий православный крест. Потом хихикнула и добавила: – Настоящий самец!

Бобер, не оборачиваясь, протянул руку к тумбочке и сгреб пачку «кэмела». Вытряхнул сигарету и неторопливо прикурил. Выпустил облако табачного дыма и нахмурился. Зря он притащил сюда эту шлюху. Дал слабину, решил снять напряжение перед ответственным делом. Ладно, теперь уже все равно ничего не изменишь. Главное, чтобы это не вошло в привычку.

Бобер развернулся и присел на подоконник. Окинул полную фигуру путаны небрежным взглядом, сдвинул брови и сказал:

– Накинь одеяло.

Она прищурила глаза и мстительно пустила в Бобра струю бледно-голубого дыма:

– Не нравлюсь?

Бобер несколько секунд молчал, с каким-то мрачным любопытством разглядывая

женщину, а потом вдруг спросил:

– Тебе совсем не стыдно?

– Чего?

– Ты торгуешь своим телом, а ведь это грех. Неужели тебе совсем не стыдно?

Несколько секунд путана удивленно смотрела на Бобра, потом усмехнулась и небрежно проговорила:

– Да пошел ты.

Бобер снова повернулся к окну. Он не питал иллюзий на свой счет. За спиной у него было две ходки. Даже самый нежный цветочек, законопать его на шесть лет в тюремную камеру, избавиться от цветочного душка и будет вонять грязным матрасом и клопами.

Но проститутки поражали его. Ради паршивой сотни баксов любая из них готова была сделать то, что не каждая женщина сделает для самого любимого мужчины. Что же такое происходит у них с психикой? И где предел тем гадостям, на которые они готовы пойти ради нескольких мятых зеленых фантиков?

А может, во всем виноваты бесы? Возможно, проститутки – те же бесноватые, просто никто об этом не задумывается? Бобер стряхнул пепел и глянул на путану через плечо. Она и не подумала накинуть одеяло.

«Похоже, я прав, – подумал Бобер и сердце его сдавили невидимые тиски. – Она и впрямь одержима бесом. И почему я раньше не задумывался над этим?»

Бобер чувствовал, как путана дышит у него за спиной. Он чувствовал запах ее парфюма и разгоряченного тела. И на смену похоти пришли ненависть и брезгливость.

Чистенькая, пухленькая стерва с гнилой душой. Он полжизни шел по черепам, утираясь кровавыми соплями и раздумывая над каждым своим шагом. А она? Всего лишь легла на спину, раздвинула ноги и впустила в свою адскую топку демона.

Бобра передернуло. Выходило, что и он виноват – тоже подкинул в эту топку пару поленьев.

– Эй, ты там не прилип к подоконнику? – игриво окликнула его путана. – Прыгай в постельку, милый! У тебя еще двадцать минут, а я девушка честная и не кидаю клиентов!

Бобер поморщился. Прыгай в постельку. Да с кем эта гадина говорит? Со своей ручной болонкой?

Душу Бобра захлестнул гнев, такой лютый, что даже сигарета задрожала у него в пальцах.

«Только не говори больше ничего, – взмолился Бобер, чувствуя, что вот-вот слетит с катушек. – Только заткни свое мерзкое продажное хлебало и молчи».

Однако путана не привыкла к молчанию.

– Чего притих? – развязно осведомилась она. – Давай же, дурачок, не тяни время. Если поднапряжешься – успеешь еще разок!

Путана захихикала и потянулась за бокалом с недопитым вином. И в этот миг Бобер молниеносно развернулся и, подобно дикой кошке, прыгнул на нее. Его сильные пальцы сдавили ее белую шею.

Путана выпучила глаза и попыталась оторвать руки Бобра от своего горла, но у нее не получилось.

– Ты... Ты... – Лицо женщины налилось кровью, голос сорвался на хрип.

– Изыди. – прорычал, капая ей на лицо слюной, Бобер. – Изыди. Сатана.

Судорожным движением путана схватила рассвирепевшего клиента за волосы и попыталась оторвать от себя. Клок волос Бобра остался у нее в руке, но уголовник не ослабил хватку и продолжал стискивать мягкое женское горло.

Путана боролась за жизнь как могла. Ее острые ногти расцарапали Бобру лицо, и на подушку закапала кровь. Однако он еще сильнее сжал пальцы, удивляясь, что эта тварь такая живучая.

Еще с полминуты женщина сопротивлялась, хотя белки ее глаз уже налились кровью и вывалились из орбит. Наконец тело обмякло, а руки упали на простыню.

Бобер с трудом разжал затекшие пальцы. Выпрямился, тряхнул ими в воздухе и поморщился от боли. Затем разжал пальцы, сложил их в щепоть и трижды перекрестил мертвое тело путаны, после чего повернулся к стулу с наваленной на спинку одеждой и принялся неторопливо одеваться.

Несколько минут спустя Бобер, уже одетый и обутый, кряхтя от усилий, поднял труп путаны на руки.

– Тяжелая... – недовольно проговорил он. – Сразу видно, жрала шоколад тоннами.

Дотащив путану до платяного шкафа, Бобер ногой открыл дверцу и грубо, как мешок с мукой, зашвырнул тело девушки в его темную, пропахшую нафталином утробу.

Затем захлопнул дверцу и перевел дух. Восстановив дыхание, Бобер глянул на часы. Времени оставалось в обрез. Ровно в два часа пополудни лысый демон, умеющий повелевать птицами, придет в ресторан «Азуми», чтобы набить свое адское брюхо сырой рыбой и вонючими водорослями. Надо успеть.

И вдруг его пронзила мысль. Интересно, что про все это скажет Рута? Она совсем не неженка и не чурается крови. Но лишь в том случае, если пролитая кровь – кровь *того, на кого надлежит охотиться*. А тут – молодая женщина.

Бобер нахмурился. Что, если Рута ревнива? Мысль об это показалась ему забавной, но он тут же согнал с губ едва наметившуюся усмешку. Нет, глупости. С Рутой его связывают совсем другие отношения. Не любовь, не дружба, а прочное боевое товарищество, основанное на общем деле.

Бобер припомнил суровое бледное лицо Руты. Вспомнил улыбку, которую он видел на лице боевой подруги всего пару раз за два года, и на сердце у него стало чуть легче.

Вместе с тем он в который раз отметил, что совсем ничего не знает о ней. С Рутой они познакомились два года назад, в сквере перед собором Святого Михаила Воителя. Бобру сразу же понравилось ее лицо, бледность которого еще больше оттеняли черные, как вороново крыло, волосы. А еще – ее глаза. Большие, серые, спокойные, но с какой-то затаенной грустью на дне.

Рута – это было не настоящее имя. Настоящее знал только Господь, которому она присягнула на верность, как солдаты присягают своему правителю и своей стране.

При первом же разговоре выяснилось, что оба захвачены одной идеей. С тех пор они не расставались и все «экзы» готовили и осуществляли вместе. Сегодня Рута тоже должна была отправиться на «экз» вместе с Бобром, но с утра у нее поднялась температура. Бобер, посчитав это недобрый знак, запретил ей выходить из квартиры и пообещал, что все сделает сам.

И вот он стоит посреди своей квартиры, а в шкафу у него лежит мертвая путана. Первый раз без Руты – и сразу же прокол.

Бобер заскрипел зубами и качнул головой. Ничего. Все-таки мы люди и, как все люди, склонны допускать ошибки. А про путану он Руте ничего не скажет. Сразу после «экза» вывезет тело шлюхи за город и закопает в лесу.

Бобер опустил руку в карман. Достал маленький серебристый револьвер. Откинул барабан и посмотрел на желтые головки патронов. Их было семь. Семь медных гильз, начиненных серебряными пулями. В другом кармане лежал самодельный глушитель.

Он холодно усмехнулся и сунул револьвер обратно в карман. Он был готов встретиться с демоном-птичником лицом к лицу.

3

Официантки с раскосыми глазами, одетые в кимоно, разносили на бамбуковых подносах еду и выпивку. Еда была замысловатая. В основном рисовые комочки, завернутые в листья и начиненные рыбой. Суши и роллы. Есть их полагалось двумя палочками. А вместо водки здесь было саке. Редкая гадость.

Бобер потягивал пиво, заедая его солеными орешками, и думал обо всех этих

выкрутасах со скептической усмешкой на губах. Лично его ни одна сволочь на свете не заставила бы жрать сырую рыбу с рисом, да еще и ковырять эту дрянь деревянными спицами.

Про sake и говорить нечего. Пусть косоглазые сами пьют это теплое пойло, он его и ко рту не поднесет.

«Все это нерусское и нечистое», – вспомнил он слова своего тюремного духовника, отца Паисия.

Другое дело – пиво. Его Бобер готов был пить когда угодно и в любых количествах. Хотя редко позволял себе за раз больше трех бутылок. Он любил держать разум и тело в постоянной готовности. Слишком нечист был этот мир, слишком неправилен и жесток.

Бобер уже в третий раз посмотрел на часы, когда в ресторан вошел толстый лысый мужик в костюме и черном плаще. Бобер ничем не выдал своего волнения и продолжил терпеливо ждать. Толстяк уселся за столик, и к нему тут же подошла гейша-официантка.

«Знаем мы таких «гейш», – мрачно подумал Бобер. – Из какого-нибудь Оша или Джек-а-зана. Бес любит провинциалок, они охотнее прочих поддаются искушениям».

Прошло еще минут пять. Официантка вернулась и поставила перед толстяком графинчик с водкой и тарелку с рисовыми шариками.

«Ну хоть водку он пьет нормальную», – пронеслось в голове у Бобра, и на мгновение он даже испытал к лысому демону что-то вроде симпатии. Но как только тот подцепил палочками шарик и сунул его в рот, к Бобру вернулись прежние ненависть и отвращение.

Дождавшись, пока официантка отойдет, Бобер выскользнул из-за стола, бесшумной тенью – он умел быть незаметным – пересек зал и сел за столик напротив толстяка. Тот как раз пытался ухватить палочками следующий кусок сырого рыбьего дерьма, но, увидев Бобра, замер и недоуменно на него уставился.

Бобер почти физически ощутил, как невидимые липкие пальцы демона шарят у него под черепной крышкой. Многие демоны умели читать мысли, но Бобер давно научился ставить блокаду.

– Кто вы? – сказал наконец толстяк. – Какого дьявола вам надо?

– Я хочу задать вам вопрос, – спокойно и миролюбиво ответил Бобер.

– Вопрос? – Толстяк удивленно приподнял брови. – Какой еще вопрос?

Бобер улыбнулся и спросил:

– Вы верите в Бога?

Несколько мгновений на лице демона отображалось удивление, а затем оно сменилось неприязнью.

– А. так вы из этих уличных проповедников, – брезгливо проговорил он. – Не знал, что вас пускают в рестораны.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Не ответил. Потому что не хочу с вами об этом говорить.

– Ладно, – смирился Бобер. – Нет – значит, нет. Он улыбнулся, затем быстро откинул полу ветровки, вынул из-за пояса револьвер с навинченным на ствол глушителем, наставил его под столом на демона и нажал на спусковой крючок.

Толстяк замер с вытаращенными глазами. Из угла его мокрого рта на подбородок стекла струйка черной крови.

– Кто. – прохрипел он. – Кто. ты?

Бобер огляделся. Посетители ресторана были заняты своими делами. Бобер снова посмотрел на толстяка и холодно проговорил:

– Это мой мир, демон. И тебе здесь не место. Затем вынул револьвер из-под стола, быстро вставил дуло глушителя толстяку в рот и еще раз нажал на спуск.

Сделав дело, Бобер свинтил со ствола револьвера глушитель и привычно сунул его в левый карман. Револьвер он убрал в правый.

Затем Бобер подсел поближе к толстяку и быстро и умело обыскал его карманы. Ничего интересного там не нашлось. Несколько счетов из магазинов и ресторанов, маленькие кусачки для ногтей («Или – когтей? У демонов ведь когти!») и еще перстень из белого

металла с красным камушком.

Счета и кусачки Бобер швырнул в пепельницу. Туда же он хотел отправить и перстень, но вдруг передумал. Будучи уголовником-рецидивистом, Бобер обожал всякие талисманы, обереги и прочие цацки. Поразмыслив секунду, он сунул перстень в карман куртки. Затем огляделся еще раз.

Звучала негромкая музыка. Посетители поедали сырую рыбу и мирно беседовали друг с другом. Смерть демона не привлекла к себе ничего внимания. Люди разучились видеть и слышать. Все они были заняты только собой и своими дерьмовыми жизнями, в которых не осталось ничего, за что стоило бы пролить кровь.

Бобер взял со стола графин с водкой, открыл крышку и выплеснул водку на грудь и колени мертвого демона. Затем достал из кармана зажигалку, зажег и швырнул тому на колени. Не дожидаясь, пока его заметят и в зале поднимется крик, Бобер поднялся из-за стола и быстро зашагал к выходу.

Когда за спиной закричала официантка, он уже открывал дверь. Секунда – и вот он на тротуаре. В лицо ему ударил прохладный, чистый ветер с улицы. Бобер поднял ворот куртки и неторопливо зашагал к метро, благодаря Господа за то, что Тот помог ему выследить и уничтожить еще одного демона.

«Сколько же их еще будет впереди?» – подумал Бобер. И сам себе ответил: «Бог весть».

4

О том, что *они* существуют, он знал давно. С того самого момента, как отец Паисий рассказал ему о главной причине его несчастий. Во всем были виноваты бесы. Именно они, вползая человеку в нутро, соблазняют его лживыми обещаниями, подталкивают к гадким поступкам и вымораживают душу.

Бесы, демоны.

Когда-то они здорово покуражились и над Бобром. Привили ему любовь к жестокости, научили воровать, грабить и убивать. Но, слава богу, их власти пришел конец. Отец Паисий, Царствие ему Небесное, изгнал адских тварей из души Бобра. Изгнал без меча и огня, а только лишь молитвой и долгими богоугодными беседами.

Бобер, к сожалению, так не умел. Бог не дал ему таланта убеждения, зато наградил крепкими мускулами и холодным сердцем. И отец Паисий научил Бобра использовать эти Божьи дары не во зло, но во благо.

«Ибо только богоугодными делами можно спастись от адского пекла, Никита. Тем паче такому душегубу, как ты. Имя твое значит «изгоняющий бесов», и в этом я вижу прямой намек на Божий промысел. Иди и сражайся, Никита-бесоборец, и отверзнутся пред тобою врата райские!»

Прежде чем начать сражаться с бесами, Бобер почти три года потратил на их поиски, скрупулезно, капля за каплей, собирая информацию, не отвергая ничего и прислушиваясь даже к самым диким слухам. И оказалось, что не напрасно.

На странную контору под названием «Линия» Бобер вышел полгода назад. Вернее, вышел не он, а его боевая подруга Рута. Именно она, внимательно просматривая газеты (все – от серьезных федеральных изданий до самых дешевых желтых газетенки, пишущих про надуманные сенсации), составила таблицу совпадений и сумела найти штаб-квартиру демонов. Рута. Воистину необыкновенная женщина.

Теперь, зная о бесах всю правду, Бобер удивлялся тому, как же слепы люди. Верно написано в Библии: «Глазами смотрите – и не видите, ушами слушаете – и не слышите». Приметы присутствия демонов были разбросаны повсюду, но люди просто не хотели их замечать и торопливо проходили мимо, спеша по своим никчемным делам.

Бобер вздохнул, посмотрел на Руту и добавил к уже сказанному:

– Мне пришлось сжечь ресторан. Наверняка ты об этом уже слышала.

– Да, об этом передали в новостях. Жаль, что погибли невинные люди, но, видно,

таково было предназначение Божье.

Рута, лежавшая в постели, перекрестилась. Затем снова устремила на Бобра свои спокойные серые глаза и спросила:

– Он успел понять, с кем имеет дело? Бобер кивнул:

– Да. Я сказал ему.

– Это уже второй «экз» за последний месяц.

– Да, они активизировались.

Рута едва заметно усмехнулась. И Бобер знал почему. Ее всегда смешило, когда он, бывший уголовник-рецидивист с неполным средним образованием, произносил такие длинные слова. Впрочем, сам он давно уже не чурался интеллигентских словечек. С тех пор, как стал читать богословские книги, мало что в них понимая, но испытывая удовольствие от самого процесса чтения.

– Ну, как ты себя чувствуешь? – спросил Бобер у девушки.

– Намного лучше, чем утром, – ответила она. – Температура спала.

Бобер протянул руку и пощупал лоб Руты. Лоб был теплый, но не горячий. Он убрал руку, но Рута быстро схватила его за запястье. Некоторое время она хмуро разглядывала перстень, потом перевела взгляд на его лицо и спросила:

– Что это?

Бобер дернул щекой:

– Забыл тебе сказать. Перед уходом я обшарил карманы демона и в одном из них нашел это.

– Сними его и отдай мне.

– Почему?

– Это необыкновенный перстень. От него исходит злая аура. Я вижу ее.

– Но.

– Бобер, мы уже об этом говорили, помнишь? Твои помыслы еще не до конца чисты.

Бобер насупился, но вдруг вспомнил про путану, которую задушил перед «экзом» и которая все еще лежала у него в квартире, в шкафу.

– Да, – признал он, – ты права.

«Неудивительно, что она не доверяет мне. Ведь я и сам себе не доверяю».

Бобер снял с мизинца перстень и протянул Руте. Посмотрел, как она убрала перстень в карман халата, после чего сказал:

– Я выследил еще двух демонов. Один из них имеет собачью голову, которую прячет под личиной. Второй похож на нас, но беспрестанно пророчествует беды, и пророчества его сбываются. Притворяется инвалидом и просит милостыню на Старом Арбате.

– Нужно повременить с экзорцизмом¹? – сказала Рута.

Бобер растерянно моргнул. Они давно уже не называли свою работу экзорцизмом, заменив это слово на менее напыщенное «экз». И настояла на этом именно Рута.

Он хотел спросить, почему она так говорит, но девушка его опередила.

– Ты должен уехать из Москвы, – сказала она.

На загорелом лбу Бобра обозначились резкие морщины.

– Я о чем-то не знаю? – спросил он.

– Демон, которого ты сегодня убил, был очень влиятельным. Кроме того, пожар в ресторане наделал слишком много шума. Тебя будут искать.

Он проговорил с презрением:

– Я никого не боюсь.

– Я знаю. – Рута протянула руку, будто хотела погладить Бобра по плечу, но потом рука замерла в нескольких сантиметрах от его плеча и вернулась обратно. Они никогда не позволяли себе в отношении друг друга таких вольностей.

– Если не хочешь подумать о себе, подумай обо мне, – сказал Рута. – Через тебя они могут добраться и до меня. И тогда убьют нас обоих. Если это произойдет, на земле не

¹ Экзорцизм (от *греч.* – заклинать) – изгнание злых духов, привидений, демонов.

останется ни одного бесборца. Мы с тобой последние, Бобер. Помни об этом.

Он помнил. И как ни постыдно было бежать из Москвы, ради Руты он готов был сделать даже это.

– Ты права, – нехотя признал Бобер. – Но куда мне поехать?

– Как можно дальше от Москвы. Ты говорил как-то, что у тебя есть друг в Новосибирске?

– Бывший одноклассник, – сказал Бобер. – Мы много лет не виделись.

– Значит, вам будет о чем поговорить. Сними с нашего банковского счета деньги – столько, сколько тебе будет нужно, – и отправляйся к нему.

– Когда?

– Сегодня. Поезжай в аэропорт, купи билет на ближайший рейс и улетай.

Бобер помедлил, обдумывая план Руты, потом посмотрел в ее спокойные глаза и спросил:

– А ты?

– Я тоже лягу на дно, – ответила девушка. – Нужно выждать.

– Хорошо. Тогда... до встречи?

– До встречи.

Бобер чуть поколебался, затем нагнулся и поцеловал ее в теплый лоб. Дождавшись, пока за ним закроется дверь, Рута опустила голову на подушку и облегченно вздохнула. Пока все шло именно так, как она запланировала.

5

6 часов до открытия Заповедных Врат

Чигур пожал милиционеру руку, сунул фальшивое удостоверение в карман пиджака, повернулся и зашагал к машине. Забравшись на водительское сиденье и захлопнув дверцу, он повернул голову и сказал Гармате и Андрею:

– Тело авгура почти полностью сгорело. По оставшимся фрагментам вряд ли можно установить его нечеловеческую природу.

– А перстень? – нетерпеливо спросил Андрей. – Перстень при нем был?

Владимир Иванович покачал головой:

– Нет. Ни при нем, ни в ресторане.

– Значит, он уже у Менериха, – сдвинув брови, хмуро произнес Вершинин.

– Скорее всего, да. Хотя могут быть и другие варианты. Нужно тщательно все обдумать и выработать план дальнейших действий. Но прежде всего – поесть. Не знаю, как у вас, ребята, а у меня в животе кишка кишке бьет по башке.

– Можно купить бутерброды в ларьке, – предложил Гармата, который при словах о еде тоже почувствовал зверский голод.

– Вот еще! – фыркнул Чигур. – Я знаю одно место, где нас обслужат быстро и недорого и где готовят самые вкусные стейки во всей Москве. – С этими словами Владимир Иванович положил руки на руль и предупредил: – Держитесь крепче, ребята. Ехать буду быстро.

Пятнадцать минут спустя Гармата дожевывал бутерброд с ветчиной, а Чигур, глядя на его отражение в зеркале заднего вида, выговаривал:

– На черта тебе сдался этот бутерброд? Мы едем в шикарное место, где подают улиток и устриц, а ты жуешь какую-то дрянь.

– Захотелось, – ответил с набитым ртом Гармата.

– Захотелось, – передразнил его Владимир Иванович. – Я купил эти бутерброды не для того, чтобы ты их слопал.

– А для чего?

– Узнаешь позже. Студент, а ну-ка заberi у него второй бутерброд и спрячь в карман.

Живо!

– Прости, друг, – виновато сказал Андрей, взял с колен лагорийца завернутый в салфетку бутерброд и запихал в карман куртки.

Гармата проглотил последний кусок бутерброда, вытер рот салфеткой и спросил, глядя на проплывающие за окном машины яркие неоновые вывески:

– Куда мы все-таки едем, регистратор?

– Я же сказал: в отличное место, где мы сможем не только поесть, но и спокойно все обсудить. Правда, там полно гостей, но большинство из них – законопослушные мигранты.

– И где это место?

– Совсем рядом.

Чигур не обманул. Свернув за угол, «Лада-приора» проехала еще метров сто и остановилась возле невзрачного дома.

– Приехали, – сказал Владимир Иванович. – Вытряхивайтесь, ребятня.

Гармата и Андрей выбрались из машины и встали на тротуаре, разглядывая неоновую вывеску с надписью «Клуб «Лиловый кролик»» и стоявшего под ней коротко стриженного громилу в пиджаке и с наушником, ввинченным в ухо.

Чигур захлопнул дверцу, обошел машину и, поравнявшись с ними, небрежно обронил:

– Здесь фейс-контроль. Сделайте рожи поприличнее, а то не пустят.

Андрей и Гармата хмуро посмотрели на громилу охранника, а Владимир Иванович вынул из кармана какое-то удостоверение. Охранник наморщил лоб и принялся читать, усердно шевеля губами. Прочел и спросил, кивнув на Андрея и Гармату:

– Эти двое с вами?

– Вроде того, – кивнул Чигур. – Приблудились на улице, пришлось подобрать. Думаю, проблем с ними не будет.

Охранник усмехнулся:

– Ясно. Оружие есть?

– Кое-какое имеется, но все в рамках закона.

– А у них? – снова кивнул он на Гармату и Андрея.

– У них – нет.

Охранник взглянул на выпирающий карман Андрея и уточнил:

– А в кармане что?

– Бутерброд с ветчиной, – ответил Вершинин. – Страшное оружие. Сплошной холестерин и куча калорий. Убивает наповал.

Охранник как-то странно выпятил нижнюю челюсть, облизнул губы широким языком и проговорил, продолжая смотреть на карман:

– Со своей едой в клуб нельзя.

– Само собой, – сказал Чигур. – Андрюх, отдай ему бутерброд.

Вершинин достал из кармана бутерброд и протянул охраннику:

– Угощайтесь.

Тот взял бутерброд, секунду подержал в руке, а затем, не в силах бороться с искушением, быстро сунул его в рот и заработал челюстями.

– Проходите! – сказал он с набитым ртом.

– Хороший песик, – похвалил Владимир Иванович и подмигнул Андрею.

Когда они вошли в клуб, Чигур пояснил своим спутникам:

– Охранник – ликан. А эти твари, как собаки, никогда не откажутся от лакомого кусочка.

В «Лиловом кролике» было тесно от гостей. Ритмично стучала музыка. Пробираясь в полумраке за Владимиром Ивановичем, Гармата налетел на огромного подвыпившего мужика.

– Смотри, куда идешь, глупый лагориец! – прорычал тот.

Рыцарь остановился и удивленно посмотрел на бугая.

– Ты назвал меня глупым? – уточнил он, словно не веря своим ушам.

– Да! Хочешь, чтобы я это повторил?

На скулах лагорийца проступил бледный узор. Чигур быстро встал между ними.

– Не выступай, стригой, – сухо сказал он верзиле.

– А то что? – осклабился тот, слегка выпустив острые клыки.

– А то сделаю так, что твою тушу сдует отсюда вселенским ветром, – ответил Чигур. – У нас тут не самый подходящий климат для стригоев. Да еще в воде фтора не хватает. Клыки у гостей так и сыплются.

– Прости, регистратор, – виновато проговорил верзила и отвел глаза. – Не признал тебя сразу.

Он отступил и скрылся в толпе. Из полумрака вынырнул менеджер, тощий вертлявый парень в безупречном костюме и со столь же безупречной белозубой улыбкой.

– Добрый вечер, господа регистраторы! – поприветствовал он. – Пришли развеяться?

– Угу, – мрачно отозвался Владимир Иванович. – Сделай-ка нам отдельный кабинет, песик.

Менеджер, тоже оказавшийся ликаном, кивнул и двинулся вперед, лавируя между танцующими.

Минуту спустя он отвел Чигура, Гармату и Андрея в отдельный закуток, расположенный в глубокой нише и отгороженный от остального зала позолоченным витым заборчиком с неоновыми узорами.

– Владимир Иванович, вам как всегда? – вежливо осведомился он.

– Да, Антон. Только в трех экземплярах.

– Будет сделано.

Менеджер удалился. Вскоре к столику подошел официант и поставил перед каждым бокал красного вина и блюдо с обжаренными на углях стейками, политыми лимонным соусом и украшенными веточками базилика.

Пару минут все трое молча и с аппетитом ели. Потом, слегка заморив червячка, Владимир Иванович решил, что пришло время поговорить.

– Эй, студент, – окликнул он Вершинина. – Полагаю, ты уже знаешь, каким обладаешь даром?

Вилка с кусочком стейка застыла у Вершинина возле рта.

– Даром? О чем вы, Владимир Иванович?

– О телепортации, о чем же еще? Или у тебя есть другой дар?

Андрей опустил вилку и нахмурился:

– Шутите?

– Вовсе нет. И не делай такое удивленное лицо. Этот талант не так уж редок. В сущности, мгновенно перемещаться в пространстве способен примерно каждый тысячный. Вот только мало кто об этом догадывается.

Некоторое время Вершинин удивленно смотрел на регистратора, потом хмыкнул и покачал головой:

– Да нет, ерунда. Телепортации не существует.

– Точно, – кивнул Чигур. – И рыцарей-лагорийцев не существует. И ликанов с магами. Да и меня самого, если рассудить здраво, нет.

Несколько секунд Андрей молчал, потом недоверчиво проговорил:

– Если каждый тысячный умеет перемещаться, то почему никто этого не делает?

– Ну, во-первых, уровень способностей у всех разный. Большинство может переместиться не дальше чем на несколько миллиметров. Другие – на сантиметр или два. Они постоянно это делают, просто не замечают. Настоящих уникалов мало, студент. Как мало хороших поэтов или художников.

– А во-вторых? – тихо спросил Андрей.

– А во-вторых, талант – это всего лишь полдела. Главное – суметь его раскрыть.

Андрей нахмурился:

– Ну, допустим... Тогда почему я не могу переместиться по желанию. вон хотя бы до

того угла?

– А ты пробовал?

– Только что. Но, как видите, по-прежнему сижу перед вами.

Чигур подумал над его словами и сказал:

– Значит, ты делаешь это неосознанно. Ты не умеешь управлять своим даром. Но этому можно научиться.

К столику подошел официант и с вежливой улыбкой положил на стол лист бумаги. Чигур пробежал по нему взглядом.

– Что это такое? – сухо осведомился он.

– Просили передать вам.

Чигур показал записку Андрею и Гармате. Там было крупным размашистым почерком выведено:

«Отдайте перстень официанту. Тогда вы сможете покинуть клуб».

– От кого это? – спросил у официанта Владимир Иванович.

Тот пожал плечами:

– Передал какой-то гость у входа. Сказал, что вы должны отдать ему какую-то вещь. А что? Что-то не так?

Чигур молниеносно схватил парня за руку, резко дернул на себя и ударом вилки пригвоздил его ладонь к столу. Официант вскрикнул, но в тот же миг дуло дезинтегратора ткнулось ему под подбородок.

– Дернешься – превращу в пыль! – отчеканил Владимир Иванович холодным, безжалостным голосом.

Сквозь человеческую личину официанта проступила злобная клыкастая морда стригоя.

– Чего ты хочешь, регистратор? – прошипел он, скосив глаза на дезинтегратор.

– Правду. Я буду считать до трех – и на счет три нажму на спуск. Раз...

– Я не виноват... – прохрипел стригой. – Они меня заставили.

– Маги?

– Да.

– Сколько их?

– Много... – Стригой облизнул пересохшие губы и добавил: – Очень много.

– Почему они еще не напали?

– Не хотят поднимать шум. Но если вы не отдадите перстень, они всех сотрут в порошок.

Чигур задумался. На его широком лысоватом лбу проступили резкие морщины. Он взглянул на своих спутников и улыбнулся:

– Ну? Вы поняли?

– Авгур не отдал перстень Менериху, – отчеканил Гармата.

Чигур кивнул:

– Точно! Они думают, что перстень до сих пор у Андрея. Поэтому его и ищут. – Регистратор холодно усмехнулся. – Похоже, наш хитрожопый авгур решил кинуть Менериха и присвоить перстень себе.

– И зачем ему это? – удивился Андрей.

– Думаю, толстяк хотел собственноручно, вручить перстень Темному посланнику. И получить награду один. Не знаю, что именно темные твари пообещали Менериху. Быть может, сделать его своим наместником в покоренном мире землян. Но авгур решил перехватить инициативу и сыграть в собственную игру.

– Это все понятно, – сказал Гармата. – Но не понятно главное: где же теперь перстень? Ведь ты сам сказал, что в сгоревшем ресторане его не было.

Регистратор открыл рот, чтобы высказать рыцарю свои предположения, но не успел.

– Вам с ними не справиться! – прорычал вдруг официант, глядя на черный дезинтегратор, зажатый в руке Чигура. – Их много, и они жаждут расправы!

Владимир Иванович нахмурился, взглянул на Андрея и спросил:

– Сможешь перенести нас отсюда? Вершинин покачал головой:
– Нет.
– Жаль. – Он перевел взгляд на лагорийца: – Что будем делать, меченосец?
– Они не поверят, что перстня у нас нет, – сказал Гармата. – Если мы сдадимся, они подвергнут нас пыткам, после чего убьют. Мы должны принять бой.

Чигур снова посмотрел на Андрея:
– А ты что об этом думаешь, студент?
– То же, что и Гармата. Мы будем сражаться.
– Самоубийцы, – процедил стригой, злобно сверкая глазами. – Маги разорвут вас на части и разбросают куски по всем помойкам Москвы!

Глаза его были налиты кровью, и на трех гостей он смотрел уже как на дичь, при дележе которой перепадет кусочек и ему.

Чигур схватил официанта за шиворот и с размаху ударил звериной мордой об стол. Удар был столь силен, что дубовая столешница треснула. Регистратор разжал пальцы, и кровосос рухнул на пол.

Владимир Иванович брезгливо вытер руку салфеткой. Потом протянул дезинтегратор Андрею:

– Держи. Это дезинтегратор. Стрелять – так же, как из пистолета. Предохранитель – под стволом. Сдвигаешь его, жмешь на спусковой крючок – и бабах! Сбоку – квадратная голубая панель. На ней показано, сколько зарядов осталось.

Вершинин взял дезинтегратор и взвесил его на ладони. «Тяжеленький», – подумал он.

Владимир Иванович взглянул на Гармату:

– А как насчет тебя, лагориец? Гармата улыбнулся:
– Мое оружие – это мой меч. Он всегда при мне.
– Хорошо. Значится, так. Студент попробует добраться до черного хода. Это там, за пальмами. А если не получится – то до окна. А мы с тобой, меченосец, его прикрываем.

Гармата кивнул, а Вершинин нахмурился и сказал:

– Владимир Иванович, мне этот план не нравится.
– Мне тоже, – сухо проговорил Чигур. – Но другого у нас нет. За оружие хватайся в самую последнюю очередь. Рассчитывай только на свои ноги. Помнишь заброшенный склад рядом с ломбардом?

– Да.

– Встретимся там. – Чигур на мгновение наморщил лоб, потом вздохнул и добавил: – Ну, вроде все. Готовы к бою, ребятки?

– Да, – ответил Гармата.

– Да, – вымолвил Андрей.

– Тогда вперед!

Чигур поднялся из-за стола, и Вершинин увидел у него в руках странное приспособление, похожее на детские пластиковые грабли.

– Рви к окну! – приказал Чигур.

И Андрей рванул. Боковым зрением он видел, как в руке у Гарматы появился меч со сверкающим клинком и как Чигур метнул в бегущего к ним человека что-то тонкое и серебристое, похожее на леску. А потом все завертелось и загрохотало.

Над головой у Андрея что-то просвистело, в лицо ему пахнуло жаром.

Андрей побежал к окну, но, увидев там двух ликанов с оскаленными пастьми, развернулся и бросился к другому. Один из оборотней прыгнул ему наперерез.

На мгновение Андрею показалось, что его подхватил резкий порыв ветра, а в следующее мгновение он оказался за спиной у оборотня. Андрей на ходу подхватил стул, размахнулся и швырнул его в окно. Затем крепко зажмурился и прыгнул следом.

Поднявшись на ноги, Вершинин перебежал через дорогу и нырнул в кусты. Потом, низко пригнувшись, побежал дальше. За спиной у него послышался жуткий грохот, и небо над головой озарилось радужной вспышкой.

Вершинин не останавливайся. Он продолжал бежать. Пробежал мимо ларьков, нырнул в подземный переход. Вынырнул с другой стороны и свернул в переулок. Пронесся по нему и снова выбежал на большую улицу. Впереди показался сквер, и Андрей устремился туда, надеясь затаиться и перевести дух.

Через минуту он уже был в сквере. Пробежал по тенистой аллее, свернул на какую-то тропинку и, увидев впереди густые кусты, поспешил к ним.

Нырнув в кусты, он остановился и, морщась от боли в груди, опустился на жухлую траву. Сердце колотилось как бешеное. Колючие ветки оцарапали Андрею щеку. Футболка под курткой промокла от пота и прилипла к спине.

Немного отдышавшись, Андрей поднялся на одно колено, вынул дезинтегратор и слегка раздвинул ветки.

Неподалеку он увидел стеклянный колпак автобусной остановки, к которому как раз подъезжала маршрутка.

В голове у Андрея созрел план. Он хотел подняться на ноги, но тут что-то холодное коснулось его шеи, а высокий неприятный голос злобно проговорил:

– Положи дезинтегратор на землю, сарг!

6

Андрей замер.

– Дезинтегратор на землю, я сказал! Ну! Помедлив еще секунду, Вершинин подчинился.

– Молодец! А теперь подними руки.

Холодный ствол пистолета по-прежнему буравил Андрею шею. Он поежился:

– Может, перестанете мне угрожать и мы просто поговорим?

За спиной у него послышался легкий шорох.

– Думаешь, ты самый умный? – осведомился невидимый противник.

– Нет, не думаю. Что вам от меня надо и кто вы такой?

– За твою голову маги назначили награду, сарг. А я – тот, кто ее получит. Можешь повернуться, только делай это медленно, не то пристрелю.

Андрей медленно повернулся. Прямо перед собой он увидел маленького человечка, одетого в синий спортивный костюм «Адидас». В руке коротышка сжимал пистолет.

– Так вы карлик? – удивленно и почему-то облегченно проговорил Вершинин.

Лицо коротышки гневно скривилось.

– Не называй меня карликом, сарг. Я монг и веду свое происхождение от старинного и знатного рода. Поднимайся на ноги! И не вздумай со мной шутить – я работаю в цирке и могу попасть тебе в глаз с пятидесяти шагов!

Вершинин поднялся на ноги.

– Вот так, – сказал коротышка. – А теперь. Клинок светового меча со свистом рассек воздух, и пистолет выпал у коротышки из рук.

Рыцарь Гармата, нависнув сверху, схватил монга за воротник спортивной куртки и поднял в воздух. Коротышка попытался пнуть его ногой, но лагориец хорошенько встряхнул карлика. Поняв, что вырваться не удастся, тот замер, сложив руки на груди и повиснув в руке Гарматы, как пойманный заяц.

Андрей быстро поднял с земли дезинтегратор и пистолет коротышки. Рыцарь же оглядел карлика хмурым взглядом:

– Не знал, что монги служат Менериху.

– А что мы, хуже других? – огрызнулся коротышка. – Нынче все ему служат.

Рыцарь вдохнул:

– Видели бы тебя твои предки, монг. Коротышка поморщился:

– Ой, только не дави на совесть, лагориец. Ты ведь знаешь, как тяжело нам жить среди таких верзил, как ты. На прошлой неделе меня уволили из цирка, а у меня жена и трое детей.

– И ради своих детей ты стал подлецом?

Гармата удрученно покачал головой. Затем опустил коротышку на траву. Тот встал перед лагорийцем по стойке «смирно», уткнув взгляд в землю.

– Вас все равно поймают, – пробурчал он. – И награду получит кто-нибудь другой. – Быстро глянув на лагорийца исподлобья, коротышка снова опустил глаза и спросил: – Ты слышал, что произошло с главным офисом «Линии»?

– Слышал.

– По всему миру громят офисы регистраторов. Слуги Менериха захватили власть и объявили амнистию для всех нелегалов. А регистраторов и тех, кто им помогает, объявили вне закона. Вас разрешено уничтожать любыми способами и средствами. Законов больше нет, лагориец. Теперь каждый за себя.

Гармата прищурил темные глаза и холодно проговорил:

– Убирайся прочь, монг. И моли Создателя, чтобы твои дети никогда не узнали, каким мерзавцем был их отец.

Коротышка повернулся и поплелся к аллее. На полпути он остановился и бросил через плечо:

– Не ходите на старый склад. Маги о нем знают. Затем отвернулся и зашагал дальше. Через несколько секунд он скрылся из вида.

* * *

Андрей поплотнее запахнул полы куртки, чтобы не было видно оружие, устало посмотрел на лагорийца и спросил:

– Что будем делать дальше, Гармата?

– Отправимся на склад, – ответил рыцарь.

– Но ведь там засада. Разве ты не помнишь, что сказал коротышка?

– Помню, – кивнул Гармата. – Но Чигур о ней не знает. Он поедет на склад и нарвется на магов. Мы обязаны прийти ему на помощь. Ты готов?

– Я? – Андрей вздохнул. – Готов.

– Тогда перенеси нас туда. Вершинин ошалело посмотрел на рыцаря:

– Шутишь? Я ведь говорил, что не умею этим управлять.

– Значит, пришло время научиться, – спокойно сказал Гармата и положил ладонь Андрею на плечо. – Соберись, друг. Вспомни склад таким, каким ты его видел в последний раз. Представь себе место, где ты хотел бы оказаться.

Вершинин хотел возразить, но лагориец добавил:

– Воля этого мира не сильнее твоей воли, друг. Помни об этом.

– Но законы природы нельзя отменить, – неуверенно возразил Андрей.

Рыцарь чуть прищурил темные глаза и сказал:

– Эти законы существуют только в твоей голове. Сосредоточься на своем желании. Разрушь схему, разомкни круг привычных связей и выйди за его пределы.

– Ну хорошо... Я попробую.

Андрей закрыл глаза и попробовал сосредоточиться. И тут что-то произошло. На мгновение у Вершинина перехватило дыхание, словно он упал в яму, а затем в лицо ударил резкий порыв ветра – и земля ушла у него из-под ног.

...Вновь почувствовав под ногами твердую почву, Андрей открыл глаза.

Лицо слегка покалывало, словно ледяной поток ветра обжог ему кожу. Но в остальном Андрей чувствовал себя прекрасно. Вершинин огляделся. Прямо перед собой он увидел огромный короб ангара, освещенный заходящим солнцем.

Гармата стоял рядом, и его правая ладонь все еще лежала у Вершинина на плече. Рыцарь улыбнулся:

– У тебя получилось, друг.

– Да. – Андрей облизнул побелевшие губы, усмехнулся и хрипло пробормотал: – Это было покруче американских горок.

Он хотел добавить еще что-то, но Гармата быстро шепнул:

– Тихо.

Несколько мгновений ничего не происходило, а затем Гармата приблизил свое лицо к лицу Андрея и прошептал:

– Они уже здесь. Сосредоточься на своих ощущениях.

Андрей перестал таращиться на ангар и вновь попытался сосредоточиться. И вдруг понял, что тоже чувствует врагов. Причем буквально. Он уловил запах озона, железа, серы и еще чего-то – нечеловеческого, жуткого и неприятного.

– Их шестеро, – снова шепнул Гармата. – Три ликана, два мага и один стригой. Все очень сильные. Особенно стригой. Третьего уровня, я думаю.

– Ты знаешь, что это за маги? – шепотом спросил Андрей.

Гармата помедлил пару секунд, а затем кивнул:

– Да. Маг воздуха и маг химер.

– Маг химер? А чем он...

Договорить Андрей не успел. Лицо его на мгновение обдало жаркой волной, затем по ушам ударил рев двигателя, и прямо из сумеречного воздуха на поросшую бурьяном дорогу вылетел бежевый автомобиль «Лада-приора».

7

Проехав десяток метров, машина круто развернулась на пустыре и остановилась у огромных деревянных катушек из-под кабеля. Дверца распахнулась, и из салона выбрался Чигур.

– Берегись! – крикнул ему Андрей. Регистратор среагировал молниеносно. Он прыгнул вперед, перекувыркнулся – и тут же над головой у него пронесся ослепительный огненный шар.

Чигур вскочил на ноги и выхватил из кобуры ствол. Послышались два хлопка, как если бы лопнули воздушные шарики, и темная утроба ангара дважды ярко осветилась.

Андрей успел увидеть три высокие фигуры, мелькнувшие возле груды ящиков. Вдруг один из врагов схватился за живот и повалился на землю.

«Смерть не страшна, если ты уже умер», – услышал он спокойный голос своего сэнсэя.

– Андрей, в укрытие! – крикнул Гармата.

Но Вершинин его не слушал. Он выхватил из-за пояса дезинтегратор, пистолет и, выставив их перед собой, побежал к ангару.

Он слышал хлопки выстрелов. Перед глазами мелькали всполохи, голубая молния больно обожгла ему щеку, но он не остановился.

Добежав до ангара, он нажал на клавишу дезинтегратора и на спусковой крючок пистолета, но ничего не произошло. «Предохранители!» – мелькнуло в голове у Андрея. Он быстро сдвинул рычажки предохранителей: сначала у дезинтегратора, потом – у пистолета, но время было упущено.

Два песьеголовых ликана вынырнули из ангара, как демоны из адской утробы. Один из них сбил Андрея с ног, а второй попытался вцепиться зубами в горло.

Зубы оборотня щелкнули возле лица Вершинина, но за спиной у монстра выросла долговязая фигура Гарматы.

Ударом ноги рыцарь отшвырнул ликана в сторону. Второй оборотень резко развернулся и прыгнул на лагорию, но в тусклом свете заходящего солнца сверкнуло лезвие меча, и монстр с визгом отскочил. Из его вспоротого живота на землю хлынула черная кровь.

Андрей был уже на ногах. Выстрелом из дезинтегратора он развеял раненого ликана в прах, затем повернулся ко второму и выстрелил ему в лоб из пистолета.

И тут перед Андреем появился стригой. Рот чудовища широко раскрылся, и из

огромной пасти вырвалось громкое змеиное шипение.

На его пути вырос Гармата. Двумя ударами меча в живот и в грудь рыцарь заставил стригоя согнуться пополам. Из ран хлынула кровь, но стригой тут же выпрямился и, резко выбросив вперед руку, вышиб из пальцев Андрея дезинтегратор.

Третьим ударом меча Гармата отсек стригую руку, но тот поднял кверху обрубок, и прямо на глазах у изумленного Андрея из обрубка выросла новая рука. А упавшая на землю конечность задергалась, выпустила гибкие лапки и, быстро перебирая ими, стремительно ринулась на Чигура.

Владимир Иванович выставил перед собой пистолет и попытался выстрелить, краем глаза Андрей увидел, что ствол срезан и оплавлен. В тот же миг пистолет взорвался у регистратора в руке.

Чигур вскрикнул от боли, отступил на шаг, споткнулся о какую-то трубу и едва не упал. И тут же отрубленная кисть стригоя, как огромное хищное насекомое, прыгнула ему на лицо.

Он успел перехватить тварь в воздухе левой рукой, размахнулся и изо всех сил швырнул о землю. Затем наступил на нее ботинком, выхватил откуда-то из-за спины маленький арбалет с пистолетной рукояткой и нажал на спуск.

Серебряная стрела пригвоздила маленькое чудовище к земле.

В глазах у Андрея вдруг потемнело. Он несколько раз потряхнул головой, и черный туман перед глазами рассеялся, а прямо перед собой Вершинин увидел фигуру Лизы Кадимовой.

– Андрей? – удивленно спросила она, прежде чем Вершинин успел что-то понять. – Что здесь происходит?

– Лиза. – пробормотал Вершинин и слегка попятился. – Ты что здесь делаешь?

Лиза посмотрела на его оружие и побледнела.

– Андрей, ты пугаешь меня, – тихо сказала она. – Ради бога, опусти пистолеты.

«Маг химер», – вспомнил Андрей слова Гарматы.

Он поднял пистолет. В это мгновение Лиза усмехнулась, и Андрей увидел у нее во рту частокол желтых зубов. Он нажал на спуск. Лиза, чуть дернув головой, поймала пулю зубами, выплюнула ее на землю и рассмеялась.

Андрей снова выстрелил, но Лиза отшатнулась в сторону, и пуля просвистела у нее возле виска. Снова и снова Андрей жал на спусковые крючки, но Лиза с дьявольским хохотом прыгала из стороны в сторону, уклоняясь от пуль, и движения ее были настолько быстрыми, а смех настолько ужасным, что Андрея прошиб пот.

В какое-то мгновение Вершинин осознал, что беснуется перед ним вовсе не Лиза, а жуткое существо, похожее на огромную белую лягушку.

И тут же чудовище прыгнуло Андрею на грудь, вцепилось ледяными пальцами ему в шею и крепко обхватило ногами. Затем быстро раскрыло свой огромный лягушачий рот, и из черной глотки в лицо Андрею выстрелил багровый язык, усеянный острыми шипами.

«Конец!» – успел подумать Андрей.

Но тут непонятная сила отшвырнула белую тварь от Андрея. Наваждение рассеялось, и Вершинин снова увидел перед собой Гармату и какого-то невысокого темноволосого человека.

Рядом что-то щелкнуло – серебряная стрела, слетев с арбалета Чигура, пронзила мужчине грудь. Тот опустил голову, и в этот миг стрела, снабженная зарядом, взорвалась.

Когда дым рассеялся, Андрей увидел, что маг химер по-прежнему стоит на месте, но у него в груди зияет огромная дыра, сквозь которую видна освещенная заходящим солнцем стена ангара.

Еще мгновение страшный маг стоял на ногах, а затем покачнулся и рухнул на землю. Глаза его закатились и застыли двумя матовыми бельмами.

– Вроде все, – глухо проговорил Чигур.

Андрей огляделся в поисках новых врагов, но никого больше не увидел. Чигур и Гармата тяжело дышали. Лица их были забрызганы кровью.

– Ну что, студент...

Чигур вдруг пошатнулся Он непременно упал бы, если бы Гармата не подхватил его и не усадил осторожно на землю.

Владимир Иванович приподнял левую руку. Она выглядела так, словно побывала в мясорубке. От вида окровавленной плоти и оголенных костей Андрея едва не вырвало.

Лицо Чигура стало землисто-бледным, глаза запали, а на лбу и щеках заблестели крупные капли пота.

– Аптечка... – прохрипел он. – В машине... В нестораемом ящичке...

Гармата быстро выпрямился и побежал к машине. Владимир Иванович повернул голову, взглянул на Андрея и хрипло спросил:

– Ты как? Не ранен?

– Нет.

– Это хорошо. Регистратор закрыл глаза.

Подбежал Гармата с аптечкой. Он быстро оглядел раны Владимира Ивановича.

– Твои раны слишком глубоки, – сказал он. – Если тебя не отвезти в больницу, ты умрешь.

Чигур облизнул пересохшие губы и отрицательно покачал головой:

– Нет, лагориец. До больницы я не дотяну.

– Но другого выхода нет.

Чигур скосил глаза на аптечку и хрипло проговорил:

– Красная банка. Достань ее.

Гармата быстро открыл аптечку и увидел банку, о которой говорил регистратор.

– Что это? – спросил он.

– «Кокон». – ответил Чигур. – Устройство искусственного жизнеобеспечения. Оно введет меня в кому и будет поддерживать жизнь, пока. Пока вы не вернетесь. Действуй, лагориец.

Рыцарь кивнул, достал банку, наставил маленький раструб на Чигура и нажал на белую кнопку.

Светлое облачко с коротким шипением вырвалось из раструба и окутало фигуру Владимира Ивановича мерцающей пленкой. Пленка стала стремительно темнеть и твердеть, пока не превратилась в синеватую кору.

Прошла еще секунда, и кокон с Чигуром внутри, тускло блеснув, растворился в воздухе.

– Что случилось? – растерянно спросил Андрей. – Где он?

– Он здесь, – ответил Гармата. – Просто стал невидимым.

Андрей вытянул руки и вздрогнул, наткнувшись пальцами на невидимый кокон.

– Владимир Иванович! – окликнул он. – Не знаю, слышите ли вы меня. Мы вернемся и приведем помощь. Клянусь!

Издалека донесся тихий раскат грома. Лагориец прислушался к нему, сдвинул брови и тихо сказал:

– Твоему миру грозит великая опасность, мой друг. У нас осталось всего четыре часа, чтобы добыть перстень.

Глава седьмая

Схватка

1

4 часа до открытия Заповедных Врат

Сидеть одной в деревенском доме было очень скучно, хотя Лиза и пыталась извлечь из своего положения максимум удовольствия.

Она забралась с ногами в кресло, держа в руке огромную чашку с горячим сладким

кофе, и включила телевизор, но без звука. На экране что-то происходило, но мысли девушки были далеко. Лиза вспомнила лицо Андрея. Вспомнила, как он смотрел на нее, когда они расставались, как он шепнул ей: «Береги себя». «Неужели это и есть любовь?» – думала Лиза. Вот, значит, как это бывает. Без букетов орхидей, дуэльных пистолетов, загнанных коней и бурных объяснений. Он просто вышел из метро и улыбнулся ей. И все детские мечты, о которых она почти забыла и которые по прошествии лет считала чепухой, всколыхнулись в ее душе.

Его лицо стало самым прекрасным лицом на свете, а его голос. его голос стал для нее как музыка. Лиза почувствовала приятную истому и улыбнулась своим мыслям.

В памяти всплыла сцена из прошлого. Лиза, тогда еще совсем девчонка, сидела перед клумбой с цветами и смотрела на зеленую гусеницу, ползущую по стеблю гладиолуса.

Подошел Андрей. Руки – в карманах брюк, на лице – снисходительная улыбка. Постоял немного, наблюдая, потом спросил:

– Нравится?

– Кто? Гусеница? – Лиза покачала головой. – Нет. Кому может понравиться такое чудовище!

– Через пару недель это чудовище превратится в прекрасную бабочку. Кстати, если будешь хорошо себя вести, когда-нибудь это случится и с тобой.

Лиза медленно обернулась, посмотрела на Андрея снизу вверх и тихо спросила:

– И тогда ты в меня влюбишься? Андрей засмеялся и весело ответил:

– Не исключено.

Не исключено. Как много раз потом она вспоминала эти слова, как часто повторяла их себе. Нет, в жизни определенно есть *судьба*. Та самая, которая решает всё и за всех и которая из милосердия (ну, или ради забавы) подбрасывает людям знаки подсказки – но к ним, увы, никто как следует не приглядывается.

Лизе вдруг стало стыдно за свои мысли. И о чем она только думает! Сидит перед телевизором, вдалеке от проблем и забот, самодовольная, как курица. А он сражается с тварями, страшнее которых не увидишь и в кошмарном сне.

Что, если эти твари окажутся сильнее? Неужели миру и правда может прийти конец?

Поверить в это было невозможно, однако на сердце у Лизы стало тяжело. Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, она взяла пульт и включила звук телевизора.

– Число жертв урагана в Таиланде достигло уже шестидесяти тысяч, однако спасатели продолжают извлекать из-под обломков все новые и новые тела.

Лиза передернула плечами и поспешно переключила канал.

– Два города на Восточном побережье Америки были полностью затоплены. Вода уже отступила, но жителям некуда возвращаться, потому что их дома разрушены наводнением. В городе орудуют банды мародеров, даже полиция опасается вступать с ними в вооруженный конфликт.

Лиза снова нажала на кнопку.

– Знаменитый индонезийский вулкан Тамбора. – забормотал телевизор, демонстрируя Лизе затянутое черными тучами небо. – В последний раз он был активен в тысяча восемьсот шестнадцатом году. В тот год из-за мощного выброса пепла в Европе и в Северной Америке температура упала на несколько градусов, и даже летом вода во многих водоемах осталась замерзшей. Как нам только что сообщили, в связи с гигантским выбросом пепла в аэропортах Рима, Парижа, Мадрида и Лондона отменены все рейсы.

– Да что же это такое? – пробормотала Лиза и снова переключила канал.

– Марш «зеленых» закончился трагедией, – скорбно сообщила новостная телеголова. – Двадцать восемь членов «Гринпис» привязали себя к деревьям, но налетевший шквальный ветер.

Лиза нажала на кнопку пульта, телевизор моргнул, но канал остался все тот же.

– тела участников марша «зеленых» были разорваны на куски.

Лиза стукнула пультом о кресло и снова нажала на кнопку.

На экране появились два странных типа. Один – темноволосый, кудрявый, со светлыми глазами – был одет в грубо скроенные штаны, сапоги и меховую куртку. Второй – красавчик-блондин средних лет – закутан в длинный темный плащ.

Тот, что в меховой куртке, выставил перед собой меч и грозно проговорил:

– Я остановлю тебя, Черно книжник!

Блондин усмехнулся и ответил с тем легким оттенком презрения, с каким вельможи разговаривают с чернью:

– Ты не сможешь остановить меня, рыцарь. Я сильнее тебя. Твой меч – ничто в сравнении с моей магией.

– Твоя магия не поможет тебе победить мою веру! – крикнул рыцарь.

Лиза отхлебнула кофе и поморщилась – слишком сладкий. До тошноты. Телевизор выключать она не стала, потому что смотреть сказку, пусть даже страшную, намного приятнее, чем сидеть в тишине или слушать про катастрофы и жертвы.

Камера взяла крупный план Черно книжника. Колдун медленно приближался, глядя в камеру насмешливым взглядом. На мгновение Лизе показалось, что он смотрит ей прямо в глаза. И не просто смотрит, а видит ее. Но Лиза тряхнула головой и прогнала наваждение.

Она уже приготовилась вникать в сюжет, но тут случилось нечто неожиданное. Остроносая физиономия Черно книжника не остановилась, наткнувшись на объектив невидимой кинокамеры. Она продолжила свой путь и выпятилась из телевизора, натянув поверхность экрана, как полиэтилен.

Два темных глаза уставились на Лизу, а рот растянулся в безобразной улыбке.

Чашка со стуком упала на пол. А Черно книжник продолжил выбираться из телевизора, не спуская с Лизы пристального, злого и насмешливого взгляда. Вслед за бледным лицом из экрана выступили его плечи и грудь. Потом высунулась рука с растопыренными пальцами. Затем вторая. Пальцы, свесившись с экрана вниз, вцепились в ворсистый ковер и подтянули за собой все тело.

Лиза закричала и вскочила с кресла. Но не успела она сделать и двух шагов, как прямо из закрытой двери в комнату шагнула высокая темная фигура и преградила ей путь.

Волосы у Лизы на голове зашевелились от ужаса, а колени ослабли. Она оглянулась. Черно книжник уже целиком выбрался из телевизора и выпрямился.

А второй – тот, что прошел сквозь дверь, – приветливо проговорил:

– Добрый вечер, Лиза! Меня зовут Менерих. Вам было скучно в этой глуши, и мы решили составить вам компанию.

У девушки закружилась голова, в глазах потемнело. Она покачнулась и, лишившись чувств, рухнула на пол, прямо на лужу разлившегося по коврику кофе.

2

Когда Лиза снова открыла глаза, то обнаружила, что лежит на траве, а вокруг нее – темный предутренний лес. Трудно было сказать, сколько времени прошло с того момента, она как потеряла сознание. Но кажется, довольно много.

Приподняв голову, Лиза увидела, что ее окружают несколько высоких темных фигур. Страх на мгновение сковал ее, но Лиза сделала над собой усилие, разлепила губы и спросила:

– Где мы?

– На деревенском кладбище, – ответил красивый, богатый модуляциями голос.

Лиза посмотрела на говорящего. Мужчина казался очень высоким, намного выше нормального человеческого роста (хотя, возможно, это был оптический обман). Одет он был в дорогой темно-серый костюм, сорочку и отливающий серебром галстук. Его длинные черные волосы были тщательно зачесаны назад. Худощавое и бледное лицо было вполне человеческим, но скулы, щеки и лоб были покрыты странными узорами и символами.

Глаза мужчины, темные и по-восточному красивые, смотрели на Лизу спокойно и устало, а в длинных пальцах дымилась коричневая сигарета с золотым ободком.

– Я уже представлялся вам, но, возможно, вы забыли, – снова заговорил мужчина. – Меня зовут Менерих.

– Вы монстр? – спросила Лиза дрогнувшим голосом.

Тот улыбнулся вежливой, немного грустной улыбкой:

– Можно сказать и так. Хотя большинство моих земляков считает монстрами вас, людей.

Менерих присел рядом с Лизой, протянул руку и взял пальцами прядь ее каштановых волос. Затем наклонился и втянул трепещущими ноздрями их запах.

– Бесподобно, – сказал он. – Вы очень красивая девушка, Лиза. Очень жаль, что придется причинить вам боль.

– Боль? – Лиза перевела дух. – Мои друзья не бросят меня! Они придут за мной!

– Искренне на это надеюсь, – сказал Менерих. Он выпрямился, повернул голову к стоявшим у него за спиной помощникам и коротко приказал: – Начинайте.

Двое шагнули к Лизе. Они схватили ее за плечи и рывком поставили на ноги.

– Узнаешь? – проговорил один из них мягким баритоном, от которого по коже Лизы пробежали мурашки. – Друзья прозвали меня Казановой. Мы с тобой встречались в сквере. Ты тогда несла сумки.

Лиза покосилась на мужчину. Его смазливое лицо и впрямь показалось ей знакомым. Он улыбнулся и проворковал ей на ухо:

– В прошлый раз у нас с тобой было мало времени. Но сегодня мы развлечемся по полной.

– Кончай болтать, стригой, – сухо сказал ему Менерих.

Красавчик согнал улыбку с лица и оскалил острые белоснежные клыки. Менерих вставил в губы новую сигарету и прикурил от золотой зажигалки.

– Что вы собираетесь сделать? – спросила Лиза, глядя ему в глаза.

Менерих махнул рукой, отгоняя дым от татуированного лица, и ответил:

– Ничего особенного. Просто слегка потороплю ваших друзей.

– Вы будете меня пытаться?

– Мне придется это сделать. – Менерих выдохнул облако сизого дыма, и оно расплылось в воздухе, приняв очертания дракона. – Ваш друг Андрей услышит призыв о помощи. А если не услышит сам, то ему подскажет тот, у кого более чуткий слух. Ликан, стригой, начинайте!

Оборотень, стоявший слева от Лизы, ухватился когтистой лапой за ее свитер и с треском разорвал его. Она вскрикнула от неожиданности и испуга. Но тут же плотно сомкнула губы и с ненавистью посмотрела на Менериха.

Стригой-соблазнитель схватил Лизу когтистыми пальцами за лицо и повернул к себе. Затем раскрыл пасть идохнул на нее жарким запахом смерти. Он высунул язык и медленно облизнул ей щеку.

Лиза содрогнулась от ужаса и отвращения, но не издала ни звука.

– Смелая девочка, – заметил Менерих, поглядывая на нее своими красивыми холодными глазами. – Но если вы думаете, что это все, то ошибаетесь. Эй, ликан, – воскликнул он, продолжая разглядывать Лизу, – кажется, тебе нравятся молоденькие самки саргов?

Оборотень, державший Лизу, ослабились и закивал.

– Тогда делай с ней все что хочешь.

Из зловонной глотки оборотня вырвалось довольное, полное звериного вожделения урчание. Но приступить к своему страшному делу он не успел.

Резкий порыв ветра выбил у Менериха из губ дымящуюся сигарету и заставил его отступить на шаг. Слуги его тоже отшатнулись и попятились, а в следующий миг прямо перед ними возникли две фигуры.

Не успели чудовища прийти в себя, а световой меч уже сверкнул в сумеречном воздухе. Ликан рухнул на траву с рассеченной грудью, а стригой-соблазнитель взвыл от боли и

отскочил, схватившись когтистой рукой за окровавленное, разрубленное до самой кости плечо.

Менерих быстро и бесшумно скользнул Лизе за спину, схватил девушку за горло и прикрылся ею, как щитом.

Гармата оглядел уродливые морды пришельцев мрачным взглядом, шевельнул мерцающим мечом и отчеканил:

– Только шевельнитесь!

Андрей Вершинин, сжимая в руке дезинтегратор, посмотрел на Менериха и потребовал:

– Отпусти ее!

Менерих вежливо улыбнулся:

– Вы не представляете, Андрей, как я рад вас видеть. Будьте благоразумны и положите оружие на землю. Иначе я сверну вашей девушке шею.

Андрей пару секунд колебался, потом нагнулся и положил дезинтегратор на мокрую после дождя траву. Выпрямился, посмотрел противнику в лицо и спросил:

– Значит, вы и есть Менерих? Незнакомец кивнул:

– Да, так меня зовут.

Еще несколько секунд Андрей разглядывал мага, потом спросил:

– Зачем вам это, Менерих? Зачем вы хотите уничтожить Землю?

– Рано или поздно ваш мир уничтожит себя сам, – спокойно ответил тот. – Я лишь хочу чуть-чуть ускорить это.

– Но почему мы? Почему не какой-нибудь другой мир?

– Я всего лишь выполняю заказ, – спокойно сказал Менерих. Он склонил набок свою красивую, достойную древнего божества голову и добавил все тем же спокойным голосом, за вежливостью и приятным тембром которого стояла сама Смерть: – Для Вселенной это не будет большой трагедией. Одним миром меньше, одним больше... К тому же вы, люди, давно исчерпали свой потенциал. Вы не способны генерировать ничего нового. Лучше сгореть в очистительном огне, чем вечно плестись в конце и догонять того, кого тебе никогда не догнать. – Менерих протянул правую руку: – А теперь отдай мне перстень Бафомета, юный сарг, и мы разойдемся, чтобы навсегда забыть друг о друге.

И тут Гармата вскинул меч и ринулся на Менериха. Но тот легонько качнул подбородком, и рыцарь отлетел в сторону. Ветви деревьев, подобно черным щупальцам огромных чудовищ, цепко схватили лагорийца и потащили его к толстому стволу старого дуба.

Андрей подхватил дезинтегратор, направил его на Гармату и нажал на спуск. Облако сухой пыли взвилось в воздух и тут же исчезло. Гармата мгновенно сбросил с себя обрубки ветвей, вытянул руку и, сжав световой клинок, ринулся на мага.

Ярко сверкнуло лезвие меча, и Менерих, закричав от боли, отскочил к деревьям. Левая часть лица его зашипела и задымилась, сквозь кожу проступили кости черепа. А по лбу и уцелевшей щеке заструились, подобно дождю на оконном стекле, символы и узоры.

Андрей прыгнул к Лизе, схватил ее за плечи и быстро оттащил в сторону.

– Гармата, быстрее! – крикнул он.

Рыцарь подбежал к ним и положил Андрею руку на плечо.

– Ничего не бойся! – шепнул Андрей Лизе, зажмурил глаза и представил себе двор перед панельной девятиэтажкой, в которой жил Мишаня Давыдов.

3

Огромный, черный как ночь ворон сидел на ржавой и покосившейся от времени могильной ограде. Багровое солнце закатывалось за деревья и отражалось алыми звездами в круглых непроницаемых зрачках птицы.

На кладбище стояла мертвая тишина, ибо своих слуг – оборотней, упырей и вурдалаков – Менерих прогнал прочь, едва удержавшись от того, чтобы не уничтожить всех одним

движением руки.

Много сотен лет пребывал он на Земле в разных обликах. Принимали его и за бога, и за дьявола, и за ангела, и за чернокнижника, повелевающего адскими тварями, и за иноземного чародея. Но никогда еще Менерих не был так близок к своей цели, как сейчас. Менерих ненавидел Землю всей душой и прежде всего ненавидел ее обитателей – всех этих злобных грызунов, рвущих друг у друга из пастей кусок хлеба.

Много сотен лет он шулки ради устраивал здесь войны и катастрофы. Но все они были мелкими, сделанными без особого размаха. Никогда Менериху не удавалось совершить то, что совершил несколько тысяч лет назад Бафомет. И Менерих, чувствуя в себе нестерпимую тягу к разрушению, всей душой завидовал могучему магу, оставившему в памяти людей столь неизгладимый след.

И все же. После того, как сто лет назад Хорос низверг его в Великую Пустоту, что-то в Менерихе надломилось. Хорос был уверен, что Менерих воскрес к жизни помолодевшим и посвежевшим. Но это было далеко не так. В былые времена мальчишка не ушел бы от него с такой легкостью.

Впрочем, следовало признать, что мальчишка был необычный. В нем что-то таилось. Что-то могучее и глубоко сокрытое, что-то, чего Менерих давно не встречал в людях. Когда-нибудь этот юный сарг мог бы стать достойным противником магов, но – не станет.

Ворон открыл клюв и издал негромкий хриплый звук – нечто среднее между карканьем и смешком. И тут гнетущую тишину вечернего кладбища пронзил громкий звук колокольчика. Он прозвучал столь чуждо и необычно, что даже ворон, сидевший на могильной ограде, вздрогнул.

Звук повторился, и ворон превратился в человека.

Менерих, по-прежнему сидя на ограде (словно весил, несмотря на свой огромный рост, не больше, чем десятилетний ребенок), откинул полу пиджака и достал из кармана телефон.

Поднес его к уху и проговорил:

– Слушаю вас.

– Менерих, – отозвался из телефонной трубки женский голос. – Менерих, узнаешь ли ты меня?

– Да, Рута, я узнал тебя. Зачем ты звонишь?

– Кажется, ты давно списал меня со счетов.

– Что ты, моя девочка, я всегда помнил о тебе.

– Ты не связывался со мной больше полугода. А между тем я кое-что сделала для тебя.

Менерих рассеянно улыбнулся, поскольку мыслями был далеко отсюда, и произнес почти машинально:

– Ты сделала много полезного, Рута. А теперь прости, у меня важное дело.

– Перстень Бафомета! Это – твое важное дело, верно?

Смуглое лицо Менериха оцепенело.

– Откуда ты знаешь про перстень? – холодно спросил он.

– Когда-то ты называл меня своим лучшим агентом в Саргории. Неужели ты думал, что весь этот переполюх с перстнем прошел мимо меня?

Несколько мгновений Менерих молчал, потом плотнее прижал трубку к уху и проговорил:

– Я внимательно тебя слушаю, Рута.

– Ты знаешь, что два года назад я вышла на контакт с одним сумасшедшим бесоборцем.

– Да, я это знаю.

– Думая, что борется с бесами, этот тип убирал тех, кто предал тебя или перешел тебе дорогу.

– Да, Рута. Ты здорово обработала этого сарга.

– Несколько часов назад бесоборец убил толстого мага авгура.

На скулах Менериха проступили и задвигались замысловатые узоры и символы.

– Его звали Соил, – отчеканил Менерих. – И он был моим помощником.

– Да, Менерих. И это я приказала бесоборцу убить его. Маг авгур обманывал тебя. Я была возле офиса «Линии», когда он забрал у студента перстень. А потом твой помощник устроил в Ботаническом саду расправу над теми, кто знал, что перстень у него. Он избавился от свидетелей, понимаешь?

Менерих молчал.

– А теперь самое главное, – продолжила Рута. – Перстень Бафомета у меня, и я готова тебе его отдать.

Менерих по-прежнему был неподвижен. Но символы на его лице танцевали в бешеном ритме, словно стремительные ручейки чернил, складывающиеся в странные слова и буквы.

Менерих облизнул темные губы кончиком языка и спросил:

– Что ты хочешь взамен, Рута?

– То, на что рассчитывала с самого начала. Я хочу стать богатой, Менерих. Очень богатой.

Менерих кивнул:

– Да будет так, Рута. Ты войдешь в десятку самых богатых и влиятельных людей России. Этого достаточно?

– Как ты это сделаешь?

Менерих на мгновение задумался, потом ответил:

– Один из нефтяных магнатов умрет и оставит в наследство своей любовнице все, что имеет. Этой любовницей будешь ты. А я позабочусь, чтобы все прошло гладко. Слава Создателю, это в моей власти.

Рута довольно долго молчала, обдумывая слова Менериха, после чего негромко произнесла:

– Хорошо. Это мне подходит. Где мы встретимся?

– Скажи, где ты сейчас. Я сам к тебе приду.

Рута назвала адрес. Менерих отключил телефон и сунул его в карман. Затем облегченно расправил плечи.

Ну вот. Кажется, дело сдвинулось с мертвой точки. Как все-таки удачно, что два года назад ему в голову пришла мысль создать на Земле агентурную сеть наблюдателей и осведомителей. Работа была малоприятная, но она принесла свои плоды.

На мгновение Менерих задумался о том, что сделать с Руткой. Быть может, Рута уйдет из жизни тихо и незаметно, а ее тело просто исчезнет?

Подумав, он качнул головой – нет. Пожалуй, она еще может пригодиться. Никто не знает, как пойдут дела дальше. И конечно, никогда не следует сжигать за собой мосты.

Менерих обернулся вороном. Он взлетел с ограды и, несколько раз взмахнув огромными черными крыльями, стремительно набрал высоту.

4

«Прыжок» состоялся. Андрей понял это по ледяному порыву ветра, ударившему в лицо. Еще мгновение – и они с Лизой и Гарматой окажутся в Москве. Но вдруг все замерло.

Андрей растерянно огляделся. Он был в каком-то странном подобии светлого мерцающего туннеля и по-прежнему сжимал в руках Лизу, но девушка не двигалась. Лицо ее оцепенело, словно она превратилась в восковую куклу.

Вершинин перевел взгляд на Гармату. Рука рыцаря по-прежнему лежала у него на плече, но лагориец был так же неподвижен, как и Лиза.

Андрей услышал легкий шорох и обернулся на шум. В воздухе возникла неясная тень, и знакомый голос окликнул:

– Студент! Ты слышишь меня, студент? Андрей пригляделся к тени.

– Владимир Иванович? – неуверенно проговорил он.

– Точно!

Тень остановилась. У нее не было лица, и контур ее был зыбким и неопределенным.

Вершинин наставил на тень дезинтегратор и спросил:

– Где я? И что вы здесь делаете?

– Ты в «кармане времени», приятель. И я тоже. Нас с тобой выудили из потока времени, как форелей из речной стремнины. Но долго удержаться тут мы не сможем, поэтому давай сразу к делу. Менерих заманил Хороса в ловушку и попытался забросить его в Великую Пустошь, но у него оказалась кишка тонка. Хорос по-прежнему в нашем мире. Однако он очень слаб.

– Слаб?

– Да. Но он хочет поговорить с тобой. Оставь Лизу и Гармату здесь и следуй за мной.

Андрей посмотрел на оцепеневшую Лизу, но объятий не разжал.

Чигур усмехнулся:

– Не бойся, студент, с ней ничего не случится. Вершинин посмотрел на тень недоверчивым взглядом:

– В последний раз, когда я вас видел, вы лежали в коме.

– Точно, – кивнул призрачный регистратор. – Тело мое и сейчас сковано по рукам и ногам, но разум свободен.

– Значит, разум может путешествовать независимо от тела?

– Иногда. А теперь выпусти девушку из своих горячих объятий и ступай за мной. Время не ждет.

Андрей мгновение помедлил, не зная, на что решиться, но потом разжал объятия и выпустил Лизу. Девушка и Гармата зависли будто в невесомости.

– Я скоро вернусь – сказал Андрей и поцеловал Лизу в щеку. Потом перевел взгляд на неподвижного Гармату: – Береги ее, рыцарь.

Он пошел вслед за тенью Чигура. Двигаться в светлом тумане было неожиданно легко. На секунду у Вершинина мелькнула мысль, что если бы он захотел полететь, то, вероятно, смог бы это сделать.

Шли они недолго. Наконец Чигур остановился:

– Жди здесь, а мне пора уходить.

– Куда?

– Обратно в Кокон.

Тень регистратора стала выцветать, пока совсем не слилась с белым туманом. И тотчас холодноватый, безупречно вежливый голос шефа «Линии» произнес:

– Здравствуй, Андрей. Вершинин увидел новую тень.

– Хорос, это вы?

– Да. Вернее, то, что от меня осталось. Не возражаешь, если я немного изменю обстановку? Эти «карманы времени» производят гнетущее впечатление.

– Не возражаю.

Через миг мир преобразился, словно кто-то сменил картинку на рабочем столе компьютера. Андрей обнаружил, что стоит на палубе большого военного катера, мерно покачивающегося на волнах. За бортами простиралось море, а над головой зависло вечернее небо. Катер скользил по воде, тихонько урча.

Но во всем этом был привкус неестественности. Словно и море, и небо, и борта катера были всего лишь бумажными обоями, наклеенными на стены комнаты. Однако Хорос, сидевший прямо перед Андреем в плетеном кресле, казался абсолютно реальным.

Выглядел он не очень. Постаревший, похудевший, с глубоко запавшими глазами, по-стариковски укрытый до пояса теплым пледом.

– Это все ненастоящее? – спросил его Андрей.

– Конечно, – ответил Хорос. – Здесь ничего нет. И даже нас здесь нет. Ну, или почти нет. Володя Чигур лежит в консервирующем Коконе, на заброшенном складе. Ты телепортируешься через большое пространство и завис в «прыжке». Ну а я... Я у своих старых друзей.

– Кто они? – спросил Андрей.

– Шаманы-тунгусы. Когда-то я сильно им помог, и теперь они у меня в долгу.

– С вами все будет в порядке?

– Скорее всего, да. Но на восстановление уйдет много времени. Андрей, у нас с тобой всего несколько минут, поэтому давай сразу к делу. Сперва немного предыстории. Менерих, с которым ты уже имел неудовольствие столкнуться, когда-то был магом универсалом. Но много веков тому назад он перешел на службу Темным силам, и они изменили его сущность. Теперь он – что-то вроде наемного убийцы, который выполняет заказы тех, о ком не стоит говорить. Но он не так силен, как думает. По крайней мере, с ним можно справиться.

Хорос перевел дух и заговорил снова:

– Теперь о главном. Бафомет, чей перстень ты отдал авгуру, был великим магом. Много тысячелетий назад он пытался уничтожить все живое на Земле. Он высвободил огромные энергии, чуждые этой планете. Катаклизмы, вызванные Бафометом, поставили ее на дыбы. По всей Земле бушевали смерчи. Ветер забрасывал в небо целые горы, опоясывающие землю, и они стирались в прах. Когда смерчи утихли, океаны вышли из берегов и затопили Землю. Ты ведь слышал о Всемирном потопе?

– Да, но ведь это всего лишь легенда!

Хорос покачал головой:

– Нет, это не легенда. Человечество было на грани уничтожения. В тот раз контролирующим службам удалось обуздать Бафомета. Часть своей силы он сумел аккумулировать в перстне, и сила эта способна открыть Заповедные Врата.

– Что будет, когда они откроются?

– В наш мир хлынет враждебная сила. Никто доподлинно не знает, что за твари обитают в Темных мирах. Они – сродни глубоководным рыбам, которых никто никогда не видел. Но если откроются Заповедные Врата, мало не покажется никому.

Хорос снова перевел дух. Было видно, что размеренная речь дается ему нелегко. Передохнув, он продолжил:

– Перстень Бафомета долго покоился в земле. Но несколько тысячелетий назад один не в меру любопытный лидийский пастух спустился в расщелину, образовавшуюся после землетрясения, и снял его с пальца окаменевшего мага. С тех пор время от времени кто-нибудь пытается заполучить перстень и употребить по прямому назначению. Почти сто лет назад перстень попал в руки Менериху. В России в то время царил полный хаос, многие российские регистраторы были убиты. В страшной схватке я отнял у Менериха перстень и отправил его в вечное скитание по мирам. Но я допустил небольшую оплошность, и перстень снова оказался в нашем мире.

Хорос устало замолчал и посмотрел на заходящее солнце. Оно приобрело зловещий багровый оттенок, и от этого на сердце у Вершинина стало тревожно. Шеф снова взглянул на Андрея:

– Я рассказал тебе все это, чтобы ты понял – я знаю, с кем имею дело, и знаю, как их остановить. До открытия Заповедных Врат осталось чуть больше трех часов. К сожалению, я не смог помешать Менериху заполучить перстень. Но в моих силах помешать сделке Менериха и Посланника Тьмы. Сам воздух Лагора поможет мне.

Андрей окинул сгорбленную фигуру Хороса растерянным взглядом.

– Шеф, я не уверен, что вы сможете, – с сомнением проговорил он. – Вы выглядите очень слабым.

По облику Хороса пробежала легкая рябь, как по изображению в плохо настроенном телевизоре.

– Наш разговор подходит к концу, – сказал Хорос. – Доставь Лизу домой и оставайся с ней. Теперь это не твоя война.

– Но вы слабы, – снова сказал Андрей. – Офис «Линии» разгромлен, а Чигур серьезно ранен.

Шеф улыбнулся.

– Бывает, что дерево тонет, а камень плывет, – мягко проговорил он. – Просто

отправляйся домой и не думай ни о чем плохом.

– Но.

– Я мог бы стереть тебе память, – перебил шеф. – Но не хочу этого делать. Ты очень хороший парень, Андрей, но игра стала слишком опасной. Желаю удачи!

Хорос, кресло, военный катер, пейзаж за бортами – все стало стремительно выцветать и заволакиваться серым туманом. Прошло несколько секунд, и декоративный мир, созданный Хоросом, исчез. Андрей остался один в грязно-белом холодном тумане безвременья.

5

2 часа до открытия Заповедных Врат

В Москве был поздний вечер. Солнце уже закатилось за крыши домов, и в городе воцарились сумерки. Ветер дул в открытое окно и тихонько шевелил занавески. Небо было обложено тучами. Птицы тревожно металась, и было их много, очень много. Под окном, надсадно завывая, проехала милицейская машина.

«И почему я не могу быть как Егор? – подумал Андрей, глядя на раскачивающиеся ветки деревьев. – Ловил бы сейчас преступников и чувствовал себя полезным членом общества».

Вершинин вздохнул. Хорос запретил ему переноситься в Лагор. Но, в конце концов, кто такой Хорос? Он ведь даже не человек. Какое ему, в сущности, дело до Земли? Миров во Вселенной – сотни, если не тысячи. Одним больше, одним меньше. Ну лишится шеф работы – так найдет другую. С его-то способностями. Как он там говорил.

Андрей напряг память.

«Земля – не самое удобное место для проживания».

Вот-вот. И Менерих говорил что-то такое. «Вы исчерпали свой потенциал. Лучше сгореть в очистительном огне, чем вечно плестись в конце и догонять того, кого тебе никогда не догнать».

Сволочь... Тебя бы самого в этот «очистительный огонь».

Внезапно Андрей почувствовал острую обиду за людей и злость на этих татуированных бессердечных всезнаек, которые обрекли Землю на уничтожение.

Да кто они такие, чтобы рассуждать о человеческом потенциале? Еще неделю назад Андрей даже не догадывался о том, что умеет телепортироваться. И что? Зато теперь он чувствовал в себе силы перенестись куда угодно – хоть на Луну. А кто знает, какие еще способности дремлют в людях? Кто знает, каким талантом обладает самый законченный неудачник, давно поставивший на себе крест? Не каждому ведь повезло нарваться на дефинитор...

Чем дольше Андрей об этом думал, тем он суровее хмурил брови и крепче сжимал кулаки. На ум ему вдруг пришли слова сэнсэя, сказанные еще на первой тренировке: «Меч для кендоки – это не просто палка для битья. Это его совесть. А каждый удар мечом – это поступок».

Андрей разжал кулаки и улыбнулся. Все вдруг стало предельно просто и ясно.

«У каждого человека должно быть предназначение, говорите? Я свое нашел. Прости, Хорос, но это и моя война».

Андрей решительно повернулся к Лизе и Гармате:

– Ребята, я забыл вам сказать. Хорос просил подождать полчаса, а потом, если от него не поступит никаких вестей, отправляться на подмогу.

Гармата тут же вскочил с дивана, будто только и ждал этих слов. Лиза поставила чашку с недопитым чаем на журнальный столик и тоже поднялась со своего кресла. Несколько мгновений Андрей и Лиза молча стояли друг напротив друга, а потом Вершинин обнял Лизу и поцеловал в губы.

Ветер стукнул створкой открытого окна и донес откуда-то запах гари.

– Могу я пойти с тобой? – спросила Лиза, поежившись.

Вершинин посмотрел ей в глаза и покачал головой:

– Нет.

Лиза грустно и понимающе кивнула. Затем перевела взгляд на рыцаря и тихо попросила:

– Гармата, позаботься о нем, ладно?

Лагориец положил ладонь на грудь и торжественно произнес:

– Клянусь, что буду рядом с ним, чтобы ни случилось!

Лиза снова посмотрела на Андрея.

– Не знаю... – сказала она с тревогой. – У меня какое-то предчувствие... Пообещай, что будешь осторожен.

– Обещаю. – Вершинин нагнулся и снова поцеловал Лизу. Затем повернулся к Гармате:
– Нам пора, лагориец.

Гармата подошел к Андрею и положил руку ему на плечо.

Лиза горестным жестом вскинула руки и тихо произнесла:

– Андрей, я.

В лицо ей ударил порыв холодного ветра. Андрей с Гарматой исчезли.

Лиза устало опустила руки и посмотрела в окно. Небо продолжало темнеть, и ветер все крепчал. Под окном проехала машина, и из радиоприемника донесся голос диджея:

– Если кто не в курсе – к полуночи в Москве объявлено штормовое предупреждение! Кажется, волна катастроф, прокатившаяся по миру, настигла и нашу столицу. Но, слава богу, сегодня воскресенье, и нам с вами совсем не обязательно выходить на улицу! Жизнь продолжается, друзья! И следующая песня, которая прозвучит в эфире нашей радиостанции, как раз об этом!

Зазвучала музыка, потом автомобиль свернул за угол, и едва начавшаяся песня стихла.

* * *

– Лагор! – с улыбкой произнес Гармата и с наслаждением вдохнул холодноватый воздух родного мира. – Отличный день для того, чтобы принять славную смерть!

– Мне больше нравится славная жизнь, – сказал Андрей.

Он огляделся. Это было то самое место, которое он себе представил. Огромный замок Инквизитора Ротгера с башнями, портиком и открытым балконом над ним. Чуть поодаль – высоченный памятник суровому, закутанному в плащ рыцарю.

Заслонив глаза от красного песка, кружащегося в воздухе, Вершинин внимательнее взглянул на памятник, и лицо его озарила улыбка.

– Данко! – крикнул он.

Маленькая фигурка поднялась с постамента.

– Данко, это я! – снова крикнул Андрея и помахал мальчишке рукой.

Фигурка встrepенулась и быстро двинулась к ним. Подбежав к Вершинину, мальчик остановился и уставился на него изумленными глазами:

– Господин Андрей? Это, правда, вы?

– Да, мой друг, это я!

– И вы живы?

– Жив.

Они обнялись. Данко посмотрел на Вершинина и сказал:

– Добрый господин, я слышал, что вас бросили с Башни в ущелье! Значит, это вранье?

– Да нет, не вранье, – снова улыбнулся Андрей. – Просто я оказался слишком крепким орешком.

Данко засмеялся. Затем перевел взгляд на Гармату и, опознав в нем рыцаря высокого ранга, сразу подтянулся и посерьезнел.

– Приветствую вас, храбрый рыцарь! – проговорил он торжественным голосом и

церемонно поклонился.

– Привет и тебе, мальчик! – отозвался Гармата и тоже слегка склонил голову.

Вершинин положил мальчику руку на плечо:

– Данко, мы с рыцарем ищем одного человека. Быть может, ты видел его? Он очень высокий, с длинными, темными волосами и смуглой кожей. Держится очень гордо.

Мальчик на пару секунд задумался, а затем кивнул:

– Да, господин Андрей, я его видел. Только он – не человек.

– Я просто оговорился. Где ты его встретил?

– Возле трактира «Мандрагора». Он направлялся туда, и у него был очень озабоченный вид.

– Когда это было? Мальчик слегка смутился:

– Не могу сказать точно. Вы ведь знаете, что время в Лагоре.

– Да-да, я помню, – нетерпеливо кивнул Вершинин. Он повернулся к рыцарю: – Ты слышал, Гармата? Менерих в трактире!

– Нам надо идти, – отозвался лагориец. – Через несколько минут Посланник получит перстень и откроет Заповедные Врата.

Андрей снова взглянул на мальчишку:

– Благодарю тебя, Данко, ты нам очень помог. – Он схватил ладошку мальчика и крепко пожал.

Гармата тоже посмотрел на мальчика и добавил:

– Из тебя выйдет хороший рыцарь, отрок. Учись владеть мечом и поменьше общайся с магами.

Затем оба повернулись и зашагали к трактиру по припорошенной красным песком тропе. Мальчик, глядя, им вслед, вздохнул и уныло проговорил:

– Учись владеть мечом. Как же тут научиться, когда никто не учит?

Из-за крепчающего ветра передвигаться было довольно трудно, но Гармата шагал бодро, и Андрею приходилось прилагать максимум усилий, чтобы не отставать.

Шли долго и молча. Откуда-то издали сквозь гул ветра доносились жуткие скрежещущие звуки. Хронофаги не прекращали свою разрушительную работу ни на минуту.

Когда до трактира оставалось метров пятьдесят, перед Андреем и Гарматой, будто бы и впрямь из-под земли, выросли две большие фигуры с оскаленными собачьими мордами. Вершинин выхватил из-за пояса дезинтегратор, но Гармата опередил его. Он дважды махнул мечом, и ликаны рухнули наземь.

– Это мой мир, псы! – презрительно проговорил Гармата и, перешагнув через трупы, зашагал дальше.

Андрей покосился на развороченные морды чудовищ, отвернулся и, не сказав ни слова, последовал за рыцарем.

Убирая дезинтегратор за пояс, он заметил, что на голубоватом дисплее высветилась надпись: «Зарядов больше нет».

Гармата переступил порог трактира первым. Внутри все было в точности так, как в прошлое посещение Андрея. Потемневшие от времени толстые деревянные балки, каменные стены, ряды столов, лавок и кресел. За столами бражничали лагорийцы и пришельцы. Андрей уже успел привыкнуть к необычной внешности выходцев из других миров, поэтому их вид не вызвал у него ни страха, ни изумления.

За высокой деревянной стойкой стоял знакомый трактирщик. Он небрежно кивнул Андрею и Гармате и продолжил меланхолично вытирать полотенцем стаканы и кубки.

Гармата остановился. Губы рыцаря разомкнулись, и он тихо прошептал:

– Менерих здесь.

Впрочем, Андрей и сам уже увидел. Смуглый маг сидел за самым дальним столиком, в глубине каменной ниши. Он был одет в длинный, серый с металлическим отливом балахон. Рядом с ним сидела молодая, светловолосая, необычайно красивая девушка в голубой тунике,

опоясанной узким золотым пояском.

Андрей нахмурился:

– Гармата, с ним нет никакого Темного посланника. Только какая-то девчонка.

– Это он, – хрипло и непонятно ответил рыцарь. Тем временем Менерих передал девушке какой-то желтый лоскут, похожий на пергамент. Она скользнула по нему взглядом, кивнула и убрала за отворот туники. «Инструкция!» – понял вдруг Андрей.

Менерих поднял руку и принялся снимать с мизинца перстень, но тот, насаженный слишком плотно, не хотел поддаваться. Девушка, глядя на мучения Менериха, улыбнулась, что-то сказала ему и весело засмеялась.

Андрей смотрел на нее с изумлением. Он представлял себе Темного посланника чудовищем и заранее готовил себя к тому, чтобы не испугаться. А тут – хрупкая девушка. И такая нежная, воздушная, словно это и не девушка вовсе, а сказочный эльф с серебристыми крыльями за спиной.

– Вперед! – тихо воскликнул Гармата и ринулся к ним.

Однако пройти он успел всего пару шагов. Из-за ближайшего столика вскочил худощавый альбинос и вскинул руку. Гармата резко остановился, словно наткнулся на невидимое препятствие, а затем все его тело покрылось мерцающей коркой льда.

Посетители трактира обернулись и с удивлением и страхом уставились на сверкающий меч Гарматы, который он все еще сжимал в руке.

Маг-мороженщик перевел взгляд на Андрея. Но Вершинин смотрел мимо него. Он видел, как пальцы Темного посланника коснулись перстня. Нельзя было терять ни секунды.

«Есть только один способ побороть страх смерти и стать неуязвимым, – вспомнил Андрей слова тренера по кендо. – Думай о себе как о том, кто уже умер».

Вершинин вырвал из пальцев Гарматы меч, пригнул голову и ринулся к мороженщику. Тот швырнул в Андрея ударную волну ледяного воздуха, но Вершинин увернулся и нанес магу удар мечом в горло.

Еще три мага вскочили из-за столов и преградили ему путь.

«Если удары наносятся правильно, кисти рук почти не напрягаются, и меч, подобно стреле, слетающей с натянутой тетивы лука, сам выстреливает во врагов».

Мерцающий клинок меча несколько раз сверкнул в воздухе, и раненые маги с криками отскочили в стороны.

Через секунду Андрей был возле стола, за которым сидел Менерих. Он повернул голову и взглянул на Вершинина черными бездонными глазами. Волна мгновенного беспричинного ужаса захлестнула Андрея, он разжал руку, и меч со звоном упал на пол.

Менерих снова повернулся к девушке. Ее длинные пальцы сомкнулись на перстне...

* * *

Гидрометеоцентр не обманул. К полуночи в Москве начался ураган. Небо затянули багровые тучи. Улицы были пусты – ни автомобилей, ни прохожих. Спрятавшись в коробках-квартирах, за наглухо задвинутыми шторами, люди добровольно отдали свой город на откуп и разграбление Темным силам.

Лил дождь, и шквальный ветер швырял в стены и окна домов горсти ледяных капель.

На смену грому пришел гул ветра, от которого сами собой стали звонить колокола на храмовых звонницах и колокольнях Москвы. Шум нарастал и приближался.

И, наконец, улицы Москвы содрогнулись, в небе вспыхнула ослепительная молния, и все колокола столицы зазвенели в одном грандиозном устрашающем ритме.

А то, что началось потом, было настолько противоестественно, что никто из отважных зевак, не пожелавших пережить бурю дома, не мог поверить своим глазам.

Шестиметровый бронзовый памятник Маяковскому с оглушительным грохотом сошел со своего каменного постамента.

Ураганный ветер гонял по улице поваленные рекламные щиты и сорванные с магазинов

вывески. Памятник поднял бронзовую ногу и, издав душераздирающий скрежет, шагнул вперед. Потом еще раз и еще.

Несколько человек, не успевшие убежать с пути памятника и попавшие под его бронзовую пяту, остались лежать на земле, превратившись в груды раздавленного мяса и костей. Другие, закричав от ужаса, бросились к укрытиям.

Дойдя до Тверской улицы, памятник повернул к Красной площади и зашагал дальше, сминая огромными бронзовыми ботинками заплотонившие улицу автомобили с такой легкостью, словно те были сделаны из бумаги.

В тот же миг на другом конце Тверской улицы раздался оглушительный цокот, и на проезжую часть выехал на своем скакуне бронзовый Юрий Долгорукий.

На безлюдном ВВЦ пришли в движение шестнадцать золотых девушек, украшающие знаменитый фонтан «Дружба народов», а чуть поодаль две грандиозные фигуры Рабочего и Колхозницы спрыгнули с постамента – так, что под их ногами содрогнулась земля.

В реве ураганного ветра и грохоте грозы все памятники Москвы – маленькие, большие, огромные – ожили, словно неведомая сила наделила их способностью двигаться, чувствовать и дышать.

Устроив переполох и до смерти напугав жителей окрестных домов, ожившие истуканы двинулись к центру столицы, сминая и уничтожая всё, что попадалось у них на пути.

По некоторым улицам Москвы пронеслась волна землетрясения, разрушив дома, выбив все стекла и подняв на дыбы асфальт и бетон. Отовсюду слышались людские крики.

Памятник Гоголю, упрятанный во дворе одного из домов, пришел в такое неистовство, что разгромил два близлежащих дома, выхватывал жильцов нижних этажей из квартир и швырял их на проезжую часть.

На Болотной площади двенадцать уродливых фигур, изображающие человеческие пороки, бросились ловить зазевавшихся прохожих. Пойманных они тут же разрывали на куски, восторженно скрежеща бронзовыми гортанями.

Вслед за памятниками обезумели и дома. Некоторые из них вырывали основания из фундамента и с грохотом, подобным грохоту, который издает взорвавшаяся авиабомба, складывались, как картонные коробки, давя жильцов со всей их утварью и мебелью.

Уцелевшие люди метались по улицам, сойдя с ума от ужаса и понимая лишь одно – высшие силы ввергли проклятую землю в пучину ада...

* * *

«Перстень нельзя забрать силой! – вспомнил Андрей. – Тот, кто попытается сделать это, обратится в прах!»

Но другого выхода не было – нельзя было терять ни секунды.

Зигзагом, оставив в мозгу огненный след, пронеслась мысль: «Когда вы делаете что-то, вы должны сжечь себя дотла, сгореть, как хороший костер, не оставив никакого следа!»

Андрей стряхнул с себя оцепенение, прыгнул к девушке и быстрым движением вырвал у нее перстень. Сжав его в кулаке, он отскочил в сторону и, машинально втянув голову в плечи, приготовился обратиться в прах.

Ничего не произошло. Девушка повернула голову и взглянула на Менериха холодными голубыми глазами. Менерих растерянно приподнял брови, как бы говоря: «Не понимаю».

– Мерзавец, – холодно и четко произнесла девушка, поднесла ладонь к губам и дунула на нее.

Менерих продолжал сидеть за столом, однако с ним стали происходить жуткие перемены. Словно невидимый ветер обдувал его со всех сторон, тело Менериха стало медленно, крупинка за крупинкой, а затем все быстрее оплывать и распадаться. Частишки плоти и одежды, отрываясь от его тела, растворялись в воздухе.

Менерих, видимо не до конца понимая, что с ним происходит, поднял руку и уставился на нее. Пальцы его, повинувшись потоку ветра, стремительно истончались, словно были

сделаны из песка. Менерих перевел взгляд на девушку и хрипло проговорил:

– Прошу тебя, не делай этого. Я все исправлю.

Девушка продолжала смотреть на него холодным, ненавидящим взглядом. Невидимый ветер подул сильнее, и распад ускорился. Прошло несколько секунд, и от Менериха остались лишь потемневший скелет и нижняя часть головы. Рот его в последний раз с усилием приоткрылся, но тут же захлопнулся снова, и оставшиеся части тела, развеявшись в прах, истаяли в воздухе.

Девушка резко повернулась к Андрею и вперила в него взгляд, намереваясь сдуть с поверхности мира так же, как сдула Менериха. Но в этот миг между ней и Андреем соткалась из воздуха высокая сияющая фигура.

– Хорос! – радостно выдохнул Андрей.

Посланница Тьмы вскинула ладонь к губам, но всемогущий шеф «Линии» взглянул на нее спокойным взглядом и громко сказал:

– Я бы на твоём месте этого не делал.

Несколько секунд девушка молчала, как бы размышляя, стоит бросить вызов Хоросу или лучше не рисковать. Затем опустила руку, лучезарно улыбнулась и проворковала игривым, но вместе с тем слегка обиженным тоном:

– Ах, мужчины... Какие же вы обманщики. Никому из вас нельзя доверять.

Хорос усмехнулся:

– Ты ведь не думала, что я позволю тебе забрать перстень?

Блондинка окинула высокую фигуру шефа любопытным взглядом и лукаво прищурилась:

– Ты по-прежнему силен. Менерих ошибся на твой счет.

– Он снова переоценил свои силы, – сказал Хорос. – Так же, как в прошлый раз.

Девушка склонила голову и игриво погрозила шефу «Линии» пальцем:

– Это еще не конец, Хорос. Мы еще встретимся. И в следующий раз я подготовлюсь лучше.

Шеф «Линии» вежливо улыбнулся:

– Я буду ждать.

Девушка засмеялась, прочертила в воздухе пальчиком какой-то знак и исчезла.

В трактир ворвались вооруженные стражники. Хорос повернулся к ним и громко сказал:

– Все в порядке! Я – начальник «Линии»! Стражники, узнав Хороса, почтительно остановились в нескольких шагах от него. Хорос же быстро подошел к застывшему Гармате и положил ладонь ему на голову.

На пол закапала вода. Рыцарь вздрогнул, расправил плечи и посмотрел на Хороса:

– Хо. рос.

Зубы рыцаря застучали, а оттаявшее, продрогшее до костей тело затряслось от холода. Хорос скинул с плеч белый плащ, оставшись в шелковой рубашке, и набросил его на рыцаря.

– Скоро ты согреешься, – пообещал он. Затем повернулся к стражникам и окликнул: — Эй, парни! Отвезите этого рыцаря в тепловую камеру и дайте побольше горячего питья.

Стражники тут же засуетились вокруг Гарматы, стараясь выслужиться перед высоким начальством. Заботливо накинули ему на плечи еще один плащ, взяли под руки и, поддерживая сразу с нескольких сторон, повели к выходу. Гармата повернул голову и жалобно посмотрел на Хороса.

– Ничего, ничего, – сказал тот. – Так надо. Гармата вздохнул и покорился неизбежному. Вскоре стражники и дрожащий от холода рыцарь вышли из трактира. Начальник стражи – мощный и гривастый, как лев, – оглядел посетителей трактира и рявкнул:

– Ситуация под контролем! Занимайтесь своими делами! Скоро здесь все уберут!

Посетители трактира послушно повернулись к своим столам, уставленным едой и выпивкой, и продолжили беседовать и бражничать, словно ничего не случилось.

Хорос внимательно посмотрел на Андрея:

– Мы договорились, что ты не будешь вмешиваться.

– Я не мог позволить моему миру погибнуть, – вымолвил Вершинин.

Шеф кивнул:

– Понимаю. – Затем перевел взгляд на перстень, зажатый у Вершинина в пальцах, снова посмотрел ему в глаза и спокойно проговорил: – Андрей, этот перстень – ненастоящий.

– Что?

– Я подменил его, – пояснил Хорос. – Придал поддельному перстню такой же вид и такую же форму, как и у настоящего.

Андрей посмотрел на перстень, потом перевел взгляд на открытое лицо Хороса и недоверчиво проговорил:

– Но ведь маги чувствовали исходившую от него Силу.

– Верно, – согласился Хорос. – Перстень, который ты держишь в руках – один из тридцати шести артефактов древности. Он меняет местами живое и мертвое и обладает страшной разрушительной силой. Люди на Земле уже почувствовали это.

Во взгляде Андрея, устремленном на Хороса, промелькнула тревога.

– С моим миром все в порядке? – быстро уточнил он.

– Теперь уже да, – кивнул шеф «Линии». – Мне пришлось рискнуть малым, чтобы выиграть в большом. Но теперь всё в порядке. Некоторое время люди будут обсуждать жуткие чудеса, которые им довелось увидеть.

Но потом правительства стран придумают этим чудесам разумное и правдоподобное объяснение. И сегодняшняя ночь перейдет в область мифов, как это не раз уже бывало. – Хорос вздохнул и добавил: – Нам повезло, что маги были не слишком внимательны. Они не заметили подмены, а мы – выиграли время. Вершинин сглотнул слюну.

– Где же тогда настоящий перстень?

– Я спрятал его. И на этот раз надежно.

Андрей нахмурился, обдумал слова Хороса, затем посмотрел на него подозрительным взглядом и недоверчиво спросил:

– Когда вы успели его подменить?

– Когда вы с Володей Чигуром подъезжали к офису. Я был с вами в машине, но вы меня не заметили. Для этого мне пришлось проделать кое-какие фокусы со временем. Фокусы были рискованные, но, как видишь, игра стоила свеч.

Вершинин вздохнул и проговорил упавшим голосом:

– Значит, все было зря.

Хорос медленно покачал головой:

– Нет, Андрей. Перстень не попал в руки Темному посланнику. Это раз. Менерих уничтожен. Это два. Мы с тобой выиграли. Ты и я. – Хорос положил Андрею руку на плечо. – А теперь пора возвращаться домой. Хочешь, чтобы это сделал я или сделаешь сам?

Вершинин посмотрел на фальшивый перстень, махнул рукой и уныло проговорил:

– Чего уж теперь. Давайте вы.

Хорос кивнул и сосредоточенно сдвинул брови. В лицо Андрею ударил резкий порыв холодного ветра, и пол трактора ушел у него из-под ног.

Эпилог

Денек выдался отличный. Солнце наяривало почти по-летнему. В ветвях клена чирикала какая-то птичка. Чигур долужгал последнюю семечку и швырнул пригоршню шелухи в каменную урну, стоявшую возле скамейки.

В кармане у Андрея зазвонил телефон. Он достал трубку и глянул на дисплей, потом поднес ее к уху и сказал:

– Да, Егор. Вообще-то, у меня дела. Ну хорошо, раз это важно... Буду через полчаса...

Он убрал мобильник, взглянул на Чигура и виновато проговорил:

– Владимир Иванович, у брата какое-то неотложное дело. Просил приехать.

– Ничего страшного, мне тоже пора. Андрей перевел взгляд на Лизу:

– Ты со мной?

– А твой брат не будет возражать? – поинтересовалась она.

Андрей усмехнулся:

– Пусть только попробует.

– Тогда поеду.

Андрей поцеловал Лизу в губы. Чигур хмыкнул и проворчал:

– Голубки. Видел бы вас сейчас Гармата.

Лиза отстранилась от Андрея, улыбнулась и спросила:

– Владимир Иванович, как думаете, лагориец вернется?

– А куда ж он денется. Гармата – добрый приятель Хороса, и уж кто-то, а наш шеф сумеет выбить для него «мультивизу». О! Кажется, ваша! Давайте бегом!

Андрей с Лизой вскочили со скамейки, махнули Чигуру и, держась за руки, побежали к остановке. Владимир Иванович посмотрел, как они усаживаются в маршрутку. Потом вздохнул, отставил в сторону трость, вынул из кармана алюминиевый портсигар, достал из него леденец и меланхолично швырнул в рот.

– Да. – задумчиво проговорил он, щурясь на солнышко и похрустывая леденцом. – Похоже, наш студент далеко пойдет.

– Гораздо дальше, чем ты думаешь, – произнес рядом чей-то ровный голос.

На скамейке рядом с Чигуром материализовался высокий, подтянутый мужчина, похожий на отставного полковника или военного врача.

Чигур посмотрел на него и поморщился:

– Никак не могу привыкнуть к этим вашим внезапным появлениям, шеф.

– Прости, – вежливо проговорил Хорос. – Больше не буду. Я еще раз просмотрел мнемокарту Вершинина. И знаешь, там обнаружилось очень интересные вещи.

– Неужели что-то покруче телепортации?

– Намного, Володя. Намного.

– Значит, его кандидатура одобрена? Или...

– Его кандидатура одобрена. Завтра он заступает на свое первое дежурство в качестве стажера «Линии».

Чигур улыбнулся:

– Отличная новость. Только скажите ему сами, ладно? Ему будет приятно услышать об этом от вас.

– Ты думаешь?

– Я уверен.

– Что ж, тогда конечно. – Хорос откинулся на спинку скамейки, посмотрел на пробивающееся сквозь листву солнце и проговорил: – А хорошая сегодня погода, правда, Володя?

– Правда. И атмосферное давление подходящее. Сазан должен хорошо брать.

– Как насчет того, чтобы посидеть с удочками на вечерней зорьке?

– Вы серьезно?

– Угу. Я уже и мотыля прикупил.

– Я только «за».

– Тогда ноги в руки и... – Шеф оборвал фразу на полуслове и напрягся.

– Что? – насторожился и Чигур.

– Кажется, у нас незарегистрированные гости, – ответил Хорос. Он спокойно посмотрел на Чигура и добавил: – Мощный выброс отрицательной энергии на «Октябрьской». Собирай своих парней, Володя, и дуйте туда.

– А вы?

Хорос усмехнулся:

– А я на Истринское водохранилище. Не пропадать же мотылю. Кстати, как только

освободишься – присоединяйся.

– Но.

Хорос исчез. Чигур посмотрел на место, где он только что сидел, вздохнул и с досадой проговорил:

– Ох, шеф, как мне не нравятся эти ваши внезапные исчезновения.

* * *

Едва Андрей и Лиза переступили порог квартиры, как из кухни донесся голос Егора:

– Андрюха, это ты?

– Да! Я с Лизой!

– Отлично! Проходите сюда, мы вас давно ждем!

На кухне их ждал сюрприз в образе темноволосой незнакомки, которая сидела за столом с бокалом красного вина в тонких бледных пальцах. На столе стояла початая бутылка «Каберне», рядом – вазочка с шоколадными конфетами.

– Здрасьте, – кивнул Андрей незнакомке и повернулся к брату: – По какому случаю праздник?

Егор широко улыбнулся.

– Ребята, познакомьтесь – это моя девушка. У нее в квартире сейчас ремонт, и она немного поживет у нас.

Вершинин-младший снова посмотрел на гостью. На какой-то миг лицо ее показалось Андрею знакомым, но потом это чувство ушло. Девушка улыбнулась, поставила бокал на стол и протянула Андрею руку.

– Меня зовут Рута, – представилась она.

– Очень приятно. – Андрей пожал протянутую руку.

– Егор мне много о вас рассказывал. – Девушка улыбнулась еще шире и взглянула на Лизу: – А вы – подруга Андрея?

– Да. Меня зовут Лиза.

– Очень приятно. – Она протянула руку и Лизе. Пожала ее пальцы, на мгновение задержала их в своей ладони, обвела Андрея и Лизу мягким мерцающим взглядом и сказала: – Уверена, что мы подружимся.